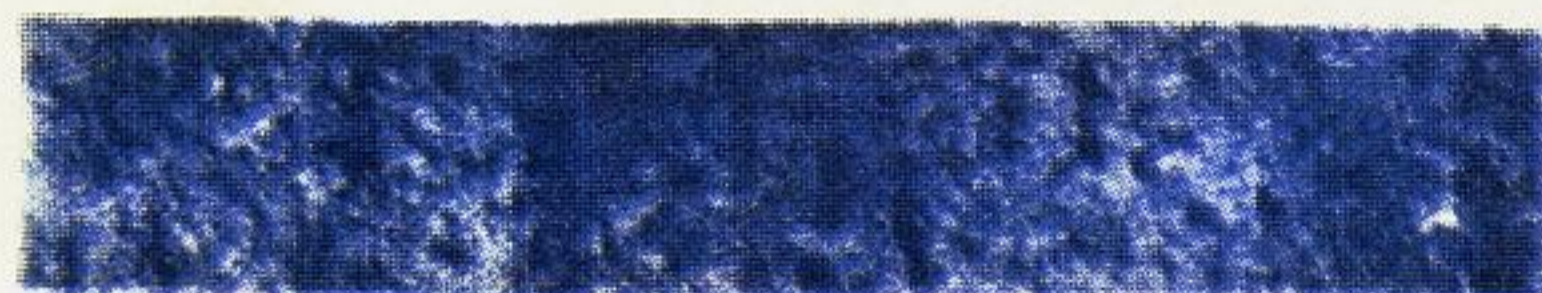

Колосёв

4
АПРЕЛЬ
1963.

**Тысячам
счастливых
поколений
Славить этот день
из века в век.
С днем рождения,
любимый Ленин,
Самый дорогой
нам человек!**

В ЭТОМ НОМЕРЕ

- Счастье**
стихи В. КОРКИНА 2
- Про Севку Кулебякина
и дырявые заборы**
беседа В. БУЗИНОВА 3
- Рецепт**
рассказ Н. ХОДЗЫ 6
- Три стихотворения**
Н. ЕГОРОВА 10
- Когда не надо бить в барабан
— На Камчатке? — На Венере!**
Из почты ТИМА 11
очерк Н. НЕУЙМИНОЙ 12
- Случай на испытаниях**
глава из книги Н. СОРОКИНА 15
- Хороший месяц апрель**
революционный календарь 17
- Копейка**
повесть В. КОЗЛОВА 18
- Летучие помощники**
статья Н. ВЛАДИМИРСКОЙ 35
- Трое из шести миллионов**
запись М. ЯХОНТОВОЙ 37
- Вождь мечтал — народ
выполнил** 38
- Как я познакомилась
с В. И. Лениным**
воспоминания Т. К. НЕСЛУХОВСКОЙ 40
- Малыш Хюпкэй**
лезгинская сказка 43
- Дневник фотолобителя**
текст и фото Ю. ЦЕХНОВИЦЕРА 44
- Всего мульти**
репортаж А. ЛОСЕВА 47
- На глухаря**
заметка М. СМЕРНОВА 49
- Цветные карандаши**
рассказ В. ВОСКОВОЙНИКОВА 50
- Путешествие на „Тригле“**
повесть С. САХАРНОВА 52
- Экскаватор**
стихи Е. РУЖЕНЦЕВА 60
- Судьба одной коллекции**
фельетон В. ГОЛЯВКИНА 61
- Как приручить мяч**
спортивные советы А. АНЕЙЧИКА 63

СЧАСТЬЕ

В. Коркин

Нужно для счастья порою
немного:

Шоферу —
Прямая дорога,
Летчику —
Ясное небо,
Пекарю —
Горы душистого хлеба,
Прохожему —
Больше улыбок,
Учителю —
Меньше ошибок,
Мамам —
Чтоб дети были послушны.
Мне тоже

Много для счастья не нужно:
Счастлив я буду,
Если все люди
Счастливы будут
Всегда и повсюду.
В любую минуту

каждого дня...

И вы не найдете счастливей
меня!

Рисунок Ю. Шабанова

В. Бузинов

Рисунки Г. Ковенчука

Летом Севка таскает на удочку у Тучкова моста блестящих и плоских, словно вырезанных из фольги, уклеек, под крики дворника гоняет мяч по асфальту и едет на велосипеде куда-то за Лисий нос, где есть залив и сосны, шелушащиеся от загара. Зимой его можно встретить на хрустком льду Петровского озера, в филателистическом магазине или в библиотеке. Читает Севка много и все о ракетах, космических странствиях и мирах, где люди могут быть даже из кремния.

Как-то Севка спросил меня:

— Дядя Витя, зачем грузить забор на самолеты?

Вопрос был не из легких, и я, подозревая, что Севка проглотил очередную порцию фантастики, ответил ему:

— Наверное, так пожелал писатель...

— Писатель здесь ни при чем, — усмехнулся Севка. — Это у нас в школе произошло. Вчера нашему седьмому-«в» заборчик и молоточек в клеточку нарисовали. За полезный труд, говорят. Потеха...

А было вот что. Был забор. Обыкновенный забор вокруг школы. И вдруг кто-то его дырявил. Не весь, конечно, а в двух местах. Чтобы путь с одной улицы на другую укоротить. Заметил директор, что посторонние взад-вперед по школьному двору снуют, и дал приказ случившимся рядом мальчишкам из

Севкиного класса: «Взять доски и гвозди — и чтобы этих дырок в заборе не было!»

Через час не стало дырок...

А в конце недели заседал совет дружины. Решали: какому «самолету» какой «груз» на борт принимать. Самолетами в Севкиной школе отряды называются. Они так и изображены на картонном экране в пионерской комнате. 7-«в» — синий самолет, 5-«а» — красный. Против каждого — клеточки пустые. В них

успехи отряда заносятся. У кого — в спорте, у кого — в труде, у кого — в юннатской работе...

— Послушай, Севка, — сказал я. — Ты честный парень. И ты, наверное, поднял вчера шум в отряде? Сказал, что не согласен с «забором и молоточком». Что это — инициатива директора и вообще пустяковое дело.

— Вот еще, — Севка посмотрел на меня исподлобья. — Больно надо говорить. Если бы все по-взаправдашнему было. А то игра. Самолетики, кораблики... Ерунда!

Он ушел сердитый. А я долго размышлял над одним сказанным им словом: «по-взаправдашнему». По-взаправдашнему — это он, Севка Кулебякин, его дела и его друзья. Если кто-нибудь из них не явится на футбольный поединок с соседней школой или обманет, пообещав для всех выстоять очередь за билетами на новый фильм — Севка не промолчит. Он знает, что сказать в таком случае. И про

справедливость. И про долг. И про интересы коллектива. А когда кто-то придумывает для него игру в самолетики, да еще плурует в этой игре, выдавая чуть ли не за подвиг самое обычное дело, Севка лишь усмехается: «Это — игра. Это — не по-взаправдашнему».

В чем-то ты не прав, Севка! Но в чем же?

Как-то среди зимы я побывал в одной из школ Всеволожского района. У входа в школу две девочки в шапках с опущенными ушами прикрепляли бечевку к огромному воздушному змею — шикарному сооружению из фанерных планок и плотной хрустящей бумаги.

Я спросил одну из них:

— Ну как, полетит?

Девчонка шмыгнула носом и заверила:

— Не хуже спутника!

Часом позже в пионерской комнате я беседовал с членами совета дружины.

— Макулатуру вроде собирали... — уныло доложил толстый рыжеволосый мальчишка.

— Деревца сажали, — сказал председатель совета дружины.

— У нас общее обязательство есть, на втором этаже вывешено. Для соревнующихся отрядов...

— И рапорт есть... — снова припомнил рыжеволосый.

Ребята зевали, поглядывали в окно.

А там, за окном, плясал в небе желтобокий тугой змей. Он натягивал бечеву, крутился и юлил из стороны в сторону.

— Эх! — вдруг хлопнул себя по колену рыжеволосый мальчишка. — Опять выше Борькиного запустили! Вам, наверное, неинтересно, а у нас старый спор: кто выше змея запустит — мальчишки или девчонки. У нас, знаете, какие мастера есть?!

Как же это не интересно, дорогой ты мой! Очень даже интересно! Только не понятно, почему этим, «взаправдашним», ты не похвастался, когда рассказывал о делах своей дружины? Почему и ты и Севка Кулебякин терпите скуку, игрушечные самолетики и фальшивые разговоры об инициативе? Не потому ли, что вы — равнодушные?

...Этот случай произошел в пионерлагере «Смена». В полдник Колька Зайкин съел чу-

жие бисквиты. Съел, а потом хохотал на всю столовую.

— Ранняя птичка носок прочищает, поздняя птичка глаза протирает...

Соседи сидели мрачные, а Зайкин расплялся все больше и больше.

— Вот так... Учить вас, дураков, надо!

Никто не пошел жаловаться на Кольку воспитателю, никто не побежал выпрашивать бисквиты у поваров. Тут же, в столовой, Зайкина окружили семеро ребят.

— Ну как, вкусно? — спросил Валерка Виноградов.

— Вкусно! — заржал Зайкин.

— И завтра будет вкусно?

— Будет!

— Так запомни, не будет! Целых три дня не будет. Завтра, и послезавтра, и еще раз ты отдашь свой полдник соседям. Понял?

Семеро сжали кулаки, и длинный, как шест, Зайкин пропищал мышонком:

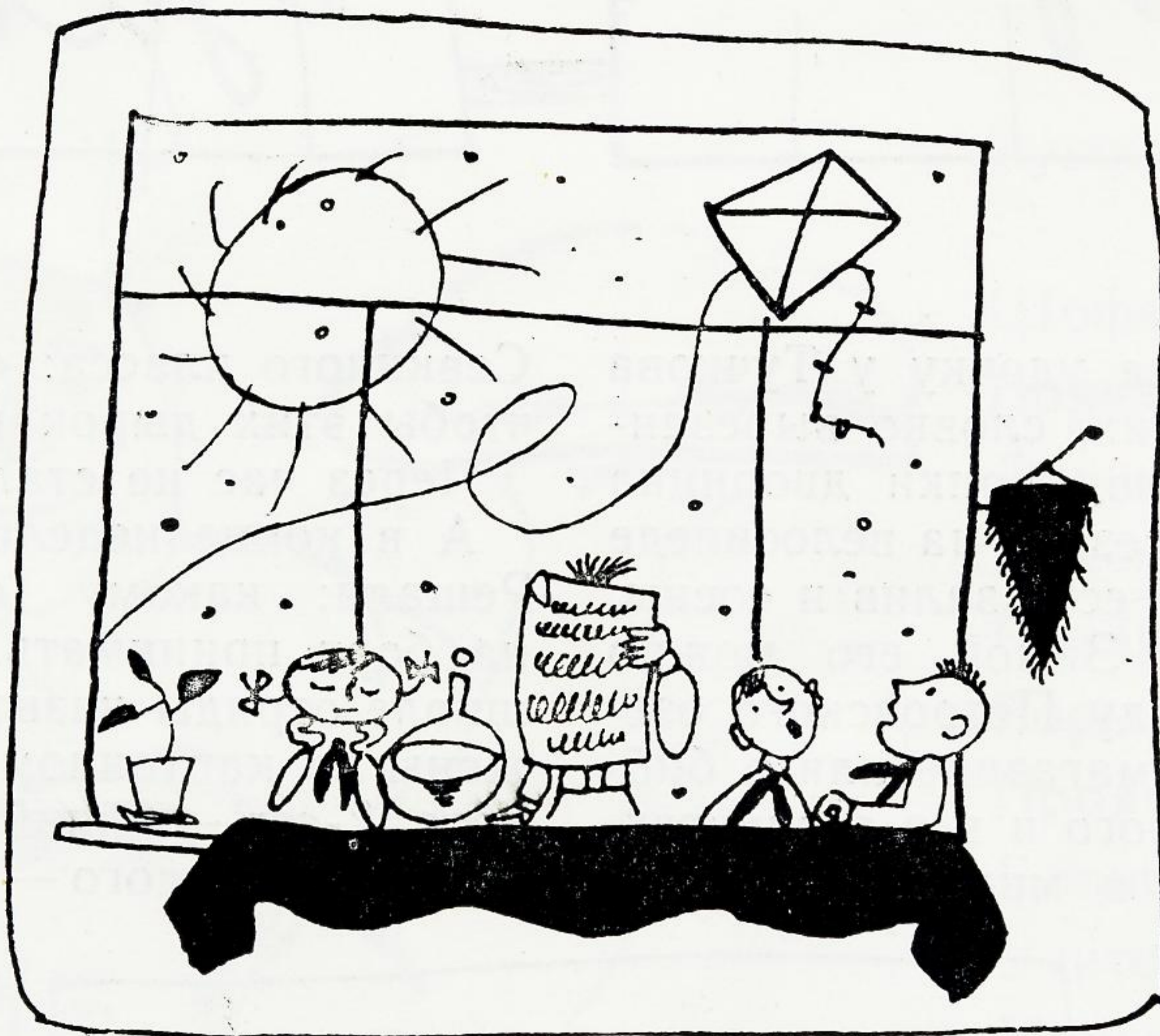
— Понял...

— Что ж, правильно, — скажете вы, — принципиальность и справедливость — это здорово! Но ведь мальчишки из лагеря «Смена» победили, потому что они были за одно семером. А Кулебякин — один, и рыжеволосый любитель воздушных змеев — тоже один. Как тут им не остаться равнодушными? Ведь один в поле не воин?

Или вот что пишет в редакцию журнала шестиклассница Богучарской школы Маша Глинская: «У нас в отряде скука. И дружбы нет никакой. Считается, что дружба — это когда один балуется, а все остальные его не выдают. Я пробовала протестовать, но меня подняли на смех. Теперь я молчу...»

Дорогая Маша и все, кто оправдывает Кулебякина! Нет, вы не правы, когда говорите: «Один в поле не воин...» Воин! Если ты уверен, что прав — всегда воин! Только будь смелее и настойчивее. Поражение? Атакуй снова. Не трусь. Трусость — сестра равнодушия...

...В 47-ой школе-интернате заседал очередной совет дружины. Вожатый, лихо обрубая фразы и стараясь придать своему голосу достойную случая торжественность, читал по-

слание первому летчику-космонавту СССР Юрию Алексеевичу Гагарину.

— Мы, пионеры, — раскатисто басил вожатый, — решили бороться за присвоение дружине вашего имени. Сейчас мы все, как один, с энтузиазмом вступили в соревнование за лучший пионерский отряд.

— Неправда! — вдруг резко вскинула голову Люся Власова. — Неправда про энтузиазм!

Она поднялась с места.

Вожатый улыбался. Иронически улыбался, поглядывая на Люсю:

— Ты думаешь, о чем говоришь? — осведомился он. — Что ж здесь, потвоему, обманщики собрались?

Трудно, очень трудно, когда тебе тринадцать лет, спорить со взрослым человеком. И слов нужных не найдешь, и почему-то вместо них к горлу подступают слезы...

Люся выбежала из комнаты и расплакалась, прижавшись щекой к стене. Да, она уверена, что права. Но как доказать свою правоту? Вот написали Гагарину про энтузиазм... А разве этим словом можно назвать то, что происходит в интернате? Ведь все за ребят делают взрослые. Кто провел соревнование на кубок «Золотая осень»? Преподаватель физкультуры. Кто готовил праздник «День рождения интерната»? Учителя. Даже песни отрядам воспитатели подыскивают...

Дружидные активисты продолжали обсуждать письмо космонавту, но Люся так и не вернулась в пионерскую комнату.

«Зачем возвращаться, — решила она, — Ведь ребята наверняка будут слушать пионервожатого, а меня не поддержат...»

Потом, за ужином, классный воспитатель строго спросил Люсю:

— Говорят, ты бунт устроила?

— Да, — кивнула головой Люся, но объяснять ничего не стала.

А в спальне Власову окружили девчонки:

— Эх, Люська, здорово же ты на совете про неправду сказала!

Люся улыбалась растерянно и смущенно.

— Девочки. Да ведь я... я...

Она долго не могла уснуть в этот вечер. Она обдумывала каждое свое слово, которое скажет завтра на новом совете дружины... Теперь она знает, что говорить... И ребята обязательно поддержат ее!

Мы хорошие друзья с Люсей Власовой. Среди всех известных мне ребят она, несмотря на свою застенчивость, пожалуй, самая смелая и принципиальная. И я очень хотел бы познакомиться Люсю с Севкой Кулебякиным. Пусть бы поспорили они, поговорили по душам.

Но Севка Кулебякин больше не приходит ко мне. Он — все-таки равнодушный, этот Севка. А равнодушные не любят вести трудный спор.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Обсудите у себя в отрядах этот очерк. Напишите нам, как идет соревнование в ваших дружинах. Не грузят ли и у вас в школе «заборы на самолеты»?

Нет ли в отряде таких, как Севка Кулебякин?

Согласны вы с тем, что один в поле — тоже воин?

Приходилось вам вести себя так, как Люся Власова?

РЕЦЕПТ

Рассказ

Н. Ходза

Рисунки Н. Кустова

Усениус взялся уже за шляпу, когда раскрылась дверь и вошел Густав Ровио. Было семь часов утра, но ранний приход Ровио не удивил ни Усениуса, ни жену его Марию. За последнее время они привыкли к его неожиданному появлению. Зачем приходил к ним Ровио — Мария не знала. Каждый раз при его появлении Усениус молча смотрел на кухонную дверь, и Мария так же молча выходила из комнаты.

Но сегодня все было по-другому. Ровио заговорил, не дожидаясь ухода Марии.

— Есть одно дело, — сказал он, присев на кончик стула.

Усениус, как всегда, уставился на кухонную дверь.

На этот раз Мария почему-то обиделась.

— Опять секреты от меня?! — Она резко повернулась, чтобы уйти, но Ровио остановил ее.

— погоди. Такой случай... Без тебя нам не обойтись... Слушай. Вечером к вам придет человек. Русский. Он скажет: «Я с Камчатки». Укройте его у себя. На несколько дней. И никто не должен знать, что у вас живет посторонний. Никто! Понятно?

Молчаливый Усениус коротко мотнул головой, а Мария спросила:

— Кто он, этот русский?

— Самый большой революционер в России, — сказал негромко Ровио.

— А как его звать?

— Ты очень болтлива, Мария! — Усениус сунул трубку в карман и натянул шляпу. — Пойдем, Густав, я опоздаю на завод.

— Пойдем. До свидания, Мария.

Уже на пороге Ровио обернулся и сказал:

— Иванов. Его фамилия Иванов... Константин Петрович.

И вот господин Иванов живет теперь у них. Мария не понимает, почему главный русский революционер должен скрываться в Финляндии, в Гельсингфорсе. От кого скрываться? От царя? Но царя в России больше нет. Восьмой месяц уже нет в России царя... Зачем же ему прятаться? Непонятно. Все непонятно. Если господин Иванов скрывается, значит, он кого-то боится. Но тогда почему он всегда спокоен и так любит шутить? Нет, непохоже, чтобы он кого-нибудь боялся.

В первый же вечер гость попросил плотно завесить окно его комнаты.

— Вам мешает спать утренний свет? — спросила Мария.

Господин Иванов потер круглый, гладко выбритый подбородок.

— Наоборот, товарищ Мария! Я не хочу, чтобы мой свет мешал ночным прохожим. Бывают не в меру любопытные люди. Их может заинтересовать ночной свет в моем окне.

Свет в комнате господина Иванова горит почти до рассвета. Но когда бы ни лег русский, в девять утра он выходил к завтраку и весело говорил по-фински:

— С добрым утром, товарищ Мария! — И продолжал по-русски: — Газеты уже пришли? Сейчас посмотрим, что нового...

— Вы мало спите, господин Иванов, — сказала Мария. — Совсем мало. Так нельзя. У вас усталый вид. Отдохните.

— Обязательно отдохну, товарищ Мария, обязательно... Но не сейчас. Месяца через два...

Да, у русского революционера утомленный вид. Его надо хорошо кормить. Но как? Мяса на рынке нет. Рыбы тоже нет. Не так просто сварить сегодня хороший обед. Может быть, сделать постные щи? А на второе? Придется жарить свеклу в масле. Ничего другого нет.

Не всякий, конечно, любит такое блюдо, но может быть, русский и любит... Интересно, все-таки, узнать, кто он такой... И почему он сейчас здесь, в Гельсингфорсе, а не у себя в Питере...

Константин Петрович вышел к обеду, как всегда, оживленный, приветливый, размахивая газетой.

— Добрый день, товарищ Мария. Что нового? Что слышно в городе?

— Ничего хорошего, господин Иванов. Опять нигде не могла купить мяса на обед...

— Это беда небольшая, даже совсем не беда! Один день можно прожить и без мяса.

Мария вскинула на гостя настороженный взгляд. Она не могла понять, шутит он или притворяется.

— Уже неделя, как на этом столе не было мяса...

— Неужели?

Удивление Константина Петровича было столь неподдельно искренним, что Мария сразу поняла: гость не шутил и не притворялся. Он просто не замечал все эти дни, что лежит на его тарелке.

— Вот и сегодня, господин Иванов, — начала Мария виноватым голосом, — вот и сегодня щи, к сожалению, постные...

— Превосходно! — воскликнул Константин Петрович. — Превосходно! О щах мечтал даже великий Пушкин. Помните, он писал об этом в «Евгении Онегине»?

Мария Усениус не читала «Евгения Онегина», но, довольная, она закивала головой: а вдруг Пушкин и про свеклу что-нибудь хорошее написал... И она положила на тарелку господина Иванова большую ложку темно-фиолетовой маслянистой свеклы.

Как всегда, гость за обедом просматривал газету. Мария исподволь следила за выражением его лица: все-таки свекла в масле не всякому мужчине по вкусу. Муж, например, в рот ее не берет...

Гость ел вяло, нехотя, не отрывая глаз от газеты. И вдруг Марии показалось, что он покривился.

— Вам не нравится! Я так и думала! — сказала она дрожащим голосом. — Я плохая хозяйка...

Константин Петрович оторвался от газеты, какую-то секунду молча смотрел на Марию, пытаясь понять, о чем она говорит.

— Да, да, я плохая хозяйка... Вам не нравится свекла в масле...

— Вы плохая хозяйка!? Кто вам сказал такую чушь? Великолепная свекла! Прекрасно приготовлена!

Он оставил газету и принялся за еду.

— Это поразительно, — сказал Константин Петрович, когда опустела тарелка. — Обыкновенная свекла, и так вкусно!

— Муж мой почему-то ее не любит, — сказала Мария.

— Неужели не любит? А у меня к вам просьба: дайте мне рецепт этого блюда. Да, да, обязательно! Сейчас же!

Он схватил газету и вытащил карандаш.

— Диктуйте, товарищ Мария. Вернусь в Питер и отдам рецепт жене...

Мария Усениус благодарно улыбнулась.

— Это делается так, — начала она...

Карандаш господина Иванова быстро забегал по полям газеты.

— Володя, — сказала Надежда Константиновна. — Я разбирала старые газеты и обнаружила на полях «Биржевки» какую-то шифровку. Она тебе нужна теперь?

— Шифровка на полях газеты? — Владимир Ильич удивился. — Странно... На полях «Биржевки»? Не помню, совершенно не помню... Что же там написано?

— Представь себе, я не могла расшифровать. Абсолютно незнакомая мне система. Посмотри, может быть, ты вспомнишь...

Ленин взял из рук Надежды Константиновны старую газету и увидел на полях полустертую запись: «СВКЛ, МЛК. НРЗ, ЗЛТ КПТК. ДРЖТЬ 45 м. ПСЛТЬ»... Дальше карандаш на сгибе стерся, и букв разобрать было нельзя.

Ленин смотрел на запись непонимающими глазами, потом лицо его вдруг просветлело, у глаз собрались морщинки, и маленькая комната в Смольном наполнилась его неудержимым смехом.

— Шифровка! Да это же рецепт! Кулинарный рецепт! Жареная в масле свекла!

— Свекла? Ничего не понимаю! По-моему, меньше всего на свете тебя интересовала кулинария...

— Ты права! Действительно, кулинария никогда не интересовала меня. Но мне всегда хотелось, чтобы у хороших людей было хорошее настроение. И поэтому на свет появилась сия таинственная шифровка. А что касается свеклы... то ты знаешь... я к ней равнодушен...

ЗОЛОТЫЕ СОРВАНЦЫ

Ветер ходит,
Листья рвет,
Только в руки
Не берет.
И летят
Во все концы
Золотые
Сорванцы.

На качели
Стайкой сели,
Покачались,
Полетели.
Покружились
На ветру,
Сели в люльку
К маляру.

Заглянул в окно
Листок —
У ребят
Идет урок.

ЕСЛИ Я ЗАХОЧУ

Захочу —
Сколочу
Из досок
Каланчу.
Захочу —
Смастерю
Дом
С окном на зарю.
Захочу —
Звездолет
Сам отправлю
В полет.
Захочу —
Новый мост возведу.
Вот хотенья
дождусь
И за дело возьмусь!

Дорогая редакция! В нашем классе случилось происшествие. Мальчик и девочка дружили. Но никто об этом не знал, потому что они скрывали дружбу и даже ссорились для того, чтоб никто не узнал. Но неожиданно все раскрылось. Один мальчик, живущий в том же доме, где и они, видел их вместе и рассказал председателю нашего отряда Толе Зирингу.

Вчера у нас был сбор отряда. Все говорили, что Оля и Витя (так зовут мальчика и девочку) неправы. Дружбу не надо скрывать. Но как только вышли из школы, все стали их дразнить, даже те, кто только что так горячо выступал на сборе. Я прямо не понимаю, как так можно? Где же правда?

Придя со сбора, я сразу же решила написать это письмо. Помогите мне разобраться.

Аля Зорина г. Хабаровск

КОГДА НЕ НАДО

БИТЬ В БАРАБАН

Дорогая Аля! На первый взгляд может показаться, что ваш пионерский отряд очень заботливый и внимательный: увидели, что Оля и Витя скрывают свою дружбу и решили им помочь, объяснить, что поступают они неправильно. И даже сбор устроили по этому поводу...

На самом же деле вы оказали своим товарищам медвежью услугу. Очень жаль, что никто из взрослых вовремя не подсказал вам, что к дружбе нельзя подходить с той же меркой, как, скажем, к сбору макулатуры или металлического лома. К человеческим чувствам надо относиться бережно и тактично. Грубое вмешательство, широкое обсуждение могут только навредить, причинить боль и разрушить робкую дружбу, которая только-только началась.

Не по всякому поводу надо бить в барабан. Иногда лучше просто посидеть и подумать. Почему ребята скрывали свою дружбу? Почему не хотели, чтоб о ней кто-нибудь знал? Конечно, не потому, что в этой дружбе было что-то плохое. Совсем наоборот! Просто Оля и Витя боялись — и не без основания! — что их будут дразнить. Знаете, как это бывает: увидят, что мальчик и девочка возвращаются вместе из школы — подымается крик: «Жених и невеста!!...»

А у вас в классе получилось еще хуже. На собрании произносили горячие речи в защиту дружбы, а чуть только за двери — эту же дружбу подняли на смех. Знаешь, Аля, как такое называется? **ЛИЦЕ-МЕРИЕМ!**

Что же теперь остается делать Оле и Вите? Я им не завидую. Или поссорятся по-настоящему, или еще пуще станут скрывать свою дружбу. Одно другого не легче.

Обдумайте-ка хорошенько то, что произошло у вас в отряде, и напишите нам, как будете жить дальше.

Друг отряда ТИМ

— НА КАМЧАТКЕ?

— НА ВЕНЕРЕ!

В Пулковской астрономической обсерватории работает известный советский ученый Николай Александрович Козырев. Его имя знают не только астрономы, но и все те, кто интересуется проблемами космоса.

Луну считали холодной — Козырев обнаружил на этой планете действующий вулкан. В атмосфере Венеры он нашел кислород, а в атмосфере Марса — частицы снега и льда: значит, там есть вода, — может быть, существует органическая жизнь...

Каждое открытие Козырева — не случайность, оно приходит после огромной работы и становится еще одной ступенькой к познанию природы.

В ПУТЬ

Поначалу экспедиции не везло. Середина лета, а погода — прескверная. Тихий океан оказался вовсе не таким уж тихим. В Авачинскую бухту входили в густом тумане. Ее изрезанные берега и конус Авачинской сопки едва угадывались в дымке.

Дождь, дождь — и в Петропавловске-на-Камчатке и дальше весь путь до Ключевской сопки — главного действующего вулкана Камчатки. Дождь и днем и ночью. Не только звездного неба, не только Венеры

и Марса, но даже ближайших сопки не разглядишь.

Что удастся сделать в такую непогоду?

...На самую Ключевскую сопку решили не взбираться. Пять тысяч метров тяжелого подъема! Вокруг главного вулкана разбросано целых семьдесят побочных. Среди них, надо надеяться, тоже есть действующие. Вполне можно ограничиться ими.

Ограничиться! Каждый шаг при подъемах и спусках давался с трудом. Вокруг, насколько хватало глаз, торчали скалы и камни, похожие на льдины во время ледохода, только выкрашенные в черную краску и застывшие в лавовых реках. Дорогу преграждали глубокие щели каньо-

нов, прорытые ручьями в рыхлом вулканическом пепле. Всё кругом — темно-серого и черного цвета, неуютное и зловещее, словно в царстве Кощея.

И дождь, дождь... Лошади то и дело скользят и спотыкаются...

Эх, хорошую бы погоду!

Так обошли несколько маленьких кратеров и наконец добрались до вулкана побольше со странным названием «Плоский Толбачик». Еще недавно геологи видели в его кратере лавовое озеро. Тогда он не спал.

Может быть, здесь будет удача? Нужны хорошие снимки — спектрограммы живого вулкана.

Очень нужны.

ЗАЧЕМ?

Профессор Козырев мысленно снова и снова возвращался к своим предположениям.

Много лет изучая планеты, он при-

шел к выводу, что все они должны быть внутри, как и наша Земля, горячими. А если так, то, вероятно, на всех планетах есть вулканы.

Но это надо еще доказать!

Найти подтверждение своей догадке почти всегда дело нелегкое и кропотливое. А в астрономии оно, пожалуй, требует особого терпения

и упорства. Иной раз на это уходят годы и десятки лет наблюдений.

Прошло много времени, прежде чем появилось первое доказательство. Это было в 1959 году. Удалось, наконец, поймать извержение вулкана на Луне. Полнейшая неожиданность: ведь до тех пор Луна

казалась холодной. «Разоблачить» Луну Козыреву помог замечательный прибор — спектрограф.

Этот прибор делает фотоснимки. Но снимает он не предметы, а свет, который они излучают, вернее, радугу. Радуга-спектр может расска-

зать, из какого вещества состоит источник света, как он нагрет.

Ну, а как Венера?

Снова наблюдения. Снова месяцы и годы. Что-то похожее на следы вулканических извержений на спектрах Венеры бывает. Но — где дока-

зательства? Надо сравнить эти снимки со спектрами земных вулканов, чтобы утверждать увереннее.

Так и родилась идея необычайной астрономической экспедиции на далекую Камчатку — край действующих вулканов.

НЕТ, НАДО ИДТИ ДО КОНЦА!

Как-никак, а Толбачик — это тоже три с лишним тысячи метров высоты над уровнем моря. За сутки одолели только шестьдесят километров. И люди и лошади устало брели по пустынному альпийскому лугу, когда — совсем как в старой сказке — навстречу им вышли три медведя. В бегство обратились обе стороны — и медведи и лошади. Забавная встреча едва не закончилась катастрофой: лошадь, навьюченная ящиками с приборами, шарахнулась и со всего размаху ударилась вьюком о скалу. Правда, один мишка поплатился своей шкурой, но разве это утешение? Спектрограф разбился вдребезги. А если разбился и второй?

Страшно было подходить к этому ящику... Но второй уцелел.

До высоты 1500 метров доехали верхом. Здесь заночевали, оставили лошадей с проводником и дальше двинулись пешком. С Николаем Александровичем шли лаборант и коллектор. Несколько рабочих помогали нести оборудование до вершины.

Дождь лил почти без перерывов.

Несколько раз напал туман, так что приходилось останавливаться и подолгу пережидать. Казалось, он

становился все гуще и беспросветнее. Толбачик не подавал никаких признаков жизни. Боясь уронить спектрограф, рабочие отказались двигаться дальше. Неужели отправиться обратно? Нет. Пока есть малейшая надежда на успех, надо идти до конца.

ЕЩЕ ДВА ЧАСА

Большую часть груза пришлось оставить. Не захватили даже карманных фонариков. Спектрограф тащи-

ли по очереди. Втроем дошли почти до вершины, когда снова напал непроглядный туман. В двух шагах ничего не видно.

На маленьком совете Козырев попросил подождать еще два часа. Последние два часа. Опыт наблюдателя подсказывал: в наплывах тумана была какая-то закономерность.

...Через сорок минут над головой было ясное небо.

Последние пятьсот метров высоты пришлось идти по колено в снегу. Ураганный ветер валил с ног.

В кратер спускались долго. Уже затемно вдвоем раскинули палатку. Еды оставалось в обрез. Теперь все решала погода...

ВСЕ-ТАКИ НЕ ЗРЯ

В середине ночи Козырев выглянул из палатки и не поверил глазам: на фоне ясного звездного неба над кратером поднимался столб багрового дыма...

Теперь уже не имели значения ни снег, ни холод. Вскоре исследователи были у самого жерла вулкана и замерли перед величественным зрелищем: отблески кипящей лавы отражались в ледяных стенах кратера, на бурлящей поверхности с шипением вспыхивало синее пламя. Из

глубины с треском вылетали лавовые бомбы и, падая обратно, взметали огненные брызги...

Нельзя было терять ни минуты. В темноте собрали спектрограф. На шероховатой лавовой бомбе укре-

пили его так, чтобы он смотрел прямо вниз, на озеро, и лихорадочно начали работу.

...Спуск показался легким. Светило солнце. С перевала открылась изумительная панорама: заснеженные

пики сопки сверкали, словно драгоценности. А главное — в рюкзаке были кассеты со спектрограммами.

Через несколько часов их встретил проводник с лошадьми.

ТЕПЕРЬ НА ОЧЕРЕДИ МАРС!

...Обратный путь до Ленинграда не занял и двух суток, но казался очень долгим. Скорее бы увидеть спектрограммы! Опять непрерывно шел дождь. Когда самолет пролетал над Толбачиком, никаких следов извержения уже не было заметно. Вулкан снова заснул... Как здорово, что им удалось попасть в это крохотное окошечко ясной погоды.

Снимки проявили только в Пулко-

ве. На спектрограммах виднелись те же самые темные линии, что и в спектре Венеры. По-видимому, предположение было верным — на Венере есть действующие вулканы!

Надо искать вулканы и на других планетах. Теперь на очереди Марс, — так закончил свой рассказ Николай Александрович Козырев. А потом добавил улыбнувшись, что летом собирается в Антарктиду ехать.

Но об этом — особый, большой разговор.

* * *

Николай Александрович всегда подтянут, собран, энергичен. Трудно поверить, что за плечами у него полвека нелегкой, очень напряженной жизни. Он всегда шел там, где отступали люди, гораздо более молодые и здоровые. Он знал, что этого требует наука и не мог повернуть назад.

...Вот так и убеждаешься — «кто ищет, тот всегда найдет». В этой экспедиции Н. А. Козыреву повезло. Но разве только в этом дело?

Литературная запись Н. Неуйминой

Прочти эти книги

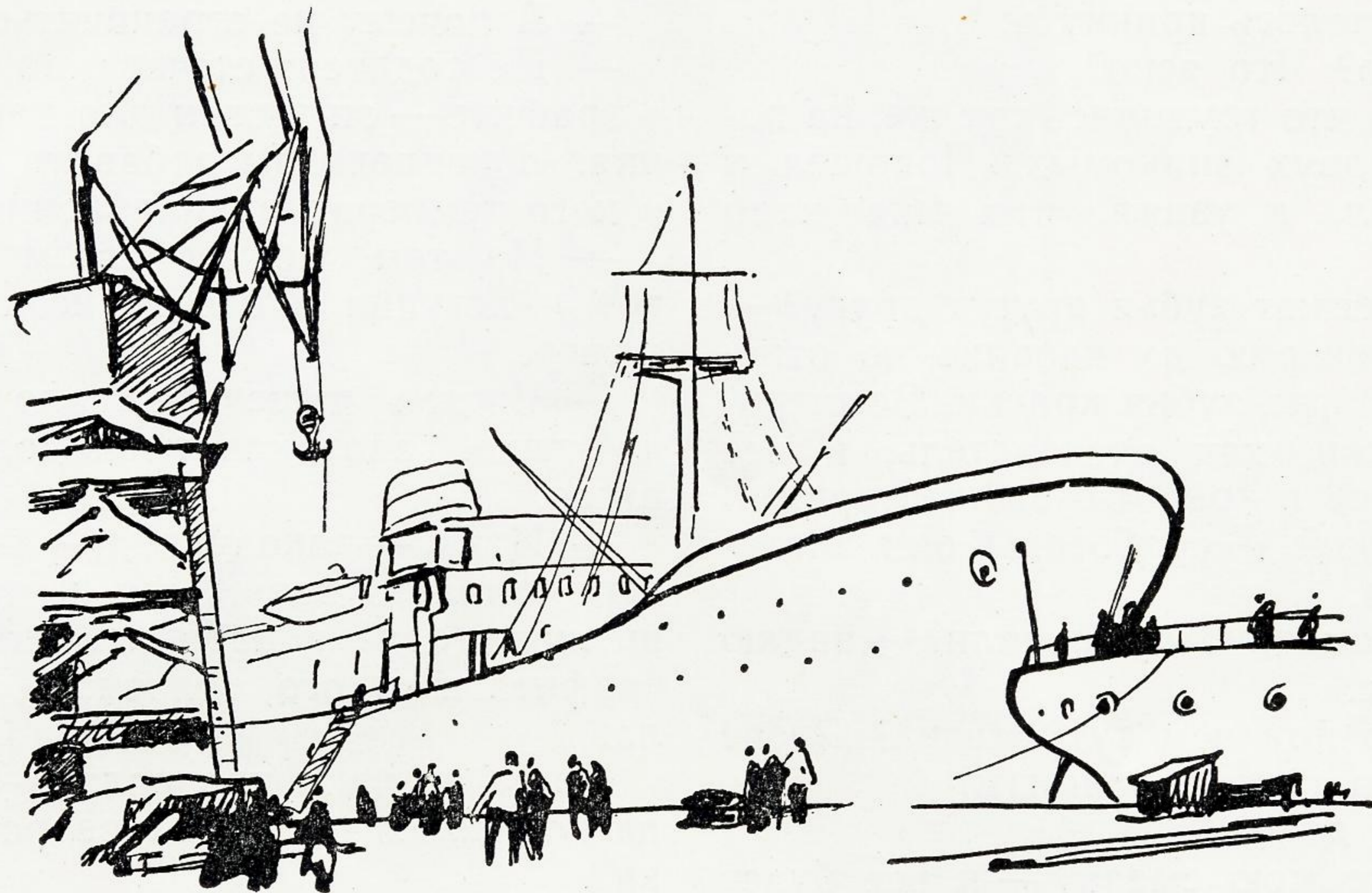

На обложке книги ленинградского писателя Леонида Радищева художник нарисовал маленькие фигурки — здесь и красноармеец в буденновке, и волжский лодочник, и портной, и охотник, и маленькая девочка в косынке, и даже фотограф с большим старомодным аппаратом. Все эти люди — герои рассказов Радищева — встречались с Владимиром Ильичем Лениным. И как бы мимолетны ни были эти встречи, они навсегда запомнились и старому портному, и маленькой деревенской девочке... Потому что очень чутко, просто и вни-

мательно умел относиться Владимир Ильич к каждому человеку. Когда читаешь эти рассказы, то невольно думаешь: наверно, вот так по-ленински будут относиться все люди друг к другу при коммунизме.

Много поработал и другой ленинградский писатель, Н. Ходза, автор книги «Самый человеческий человек». В архивах, в воспоминаниях большевиков он сумел найти немало нового. Зато и рассказы у него получились интересные — прочитайте их, вы сами убедитесь в этом.

Слесарь-механик Ленинградского Балтийского завода Николай Степанович Сорокин написал книгу «Рассказ о рабочей гордости».

В ней он рассказывает о своих друзьях и о себе, ведет разговор о чести рабочего человека.

Мы печатаем главы из книги Н. С. Сорокина. Помогал готовить их к печати писатель А. Еромицкий.

СЛУЧАЙ НА ИСПЫТАНИЯХ

Рисунки Ю. Подляского

Судно давно должно было закончить ходовые испытания, но при каждой попытке поднять якорь с такой силой заедало механизм, что у ведущей шестерни вырывало кусочки металла. Отдадут ее на зуборезный станок, исправят, поставят на место — и опять задирает. Не раз видели мы на заводском дворе эти шестерни — доставляли их из Николаева на самолете. Весили они по сто пятьдесят — двести килограммов, но в масштабе громады корабля казались небольшими, и вот из-за такой мелочи выход судна в море задерживался уже на месяц.

Я на судне, которое стоит у стенки на проверке. Прохожу в носовую часть. Народу у брашпиля видимо-невидимо: механики, строители корабля, начальники отделов, конструкторы. Стал у амперметра, гляжу, жду: спокой-

но проделает стрелка свой путь по шкале — все хорошо, вот-вот покажутся из воды сначала цепь, а за ней тяжелый якорь, но не тут-то было! Рывок — и как ни растет, как ни тужится электрический ток, якоря мотору не вытащить, и испытания прерываются.

Случалось, правда, что раз-другой подьемы проходили благополучно, но требования к брашпилю предъявляются очень строгие: чтобы считать его сданным, он должен поднять якорь подряд десять раз!

— Мы полагаем, — начал объяснения один из конструкторов, — что...

Как будто издали долетали до меня слова:

— Строго говоря, и думать нечего: приемочная комиссия решила, что неправильно подобран материал шестерен, и наша обязанность

взять для них особенно прочный металл. Логично. Ясно.

А мне так и хотелось крикнуть:

— Что логично? Что ясно?

Среди рабочих, что трудились тут же, на корабле, я узнал двух знакомых. Подошел к ним и поговорил, и узнал, что мне надо было.

— А как прилегают зубья друг к другу? — спрашиваю и проверяю их касание по отпечаткам нанесенной на зубья краски. Всматриваюсь в отпечатки, как следователь, и все больше убеждаюсь в том, что за шестернями «вины» нет никакой, — сработаны они знатоками своего дела.

— А какую смазку применяли? — задаю последний вопрос.

— Тавотом, но при чем тут смазка? Разве может она спасти такой механизм?

Вон оно в чем дело!

— А примените мою смазку — и все будет в порядке.

— Надо узнать у конструкторов, разрешат ли.

— Пожалуйста, — охотно согласились конструкторы, — дайте ваш рецепт, и мы живо все приготовим.

Заказ тотчас же передали в малярный цех. А пока, в ожидании, само собой возникло «летучее техническое совещание».

— Растолкуйте хотя бы, из чего вы исходили, составляя рецепт, — довольно заносчиво обратился ко мне один из специалистов. — «Графит, мел, говяжье сало...» — повторил он и улыбнулся, не разжимая губ, холодно сверкнул стеклышками очков: — Да это почти по «Пиковой даме» — тройка, семерка, туз...

Я стал объяснять:

— Если болт с трудом входит в отверстие и его пытаться вгонять силой, он может сорвать металл и задрать. А если отверстие и болт смазать растворенным в воде мелом, ничего такого не случится, хотя мел рабочей смазкой и не является. Бывали случаи, что вместо мела скупали в аптеках и зубной порошок и даже зубную пасту. Раз помогает один мел,

то еще лучше уменьшит трение смесь мела с говяжьим салом...

— А почему не ограничиться одним салом?

— Не годится: стечет при нагреве. Теперь о графите — он нужен для хорошего скольжения. И неплохо бы добавить пушечного сала: у него температура плавления — повыше.

— Но тем же свойством обладает и тавот, — вступил в беседу незнакомый мне инженер.

— Чистое пушечное сало лучше потому, что гуще. Тавот, как и солидол, скорее расплавятся.

— Итак, — закончил я, — нужно взять четвертую часть говяжьего и три четверти пушечного сала и добавить по восьмой части графита и сухого, толченого, просеянного мела.

Наша летучка прервалась сама собой, когда показался рабочий с ведром, полным смазки.

Шестерни смазали. «Все ли готово?» — «Пускайте!» Мотор заработал, и стрелка амперметра решительно двинулась по шкале и остановилась так, будто на нее узду накиннули.

Пятый... седьмой... девятый подъем якоря, а стрелка ведет себя безупречно.

Всех удивляет, что я не прислушиваюсь к работе зубьев: вдруг опять металл начнет выкрашиваться? Нет, за зубья я спокоен, и стрелка не переходит рубежа: десятый... одиннадцатый подъем...

— Хватит! Стоп! — не без испуга кричит строитель корабля. Но когда редуктор останавливают и он видит зубья не только не поврежденные, но блестящие, точно полированные, он несколько растерянно смотрит то на меня, то на зубья...

А зубья с каждым подъемом якоря полируются и блестят все больше.

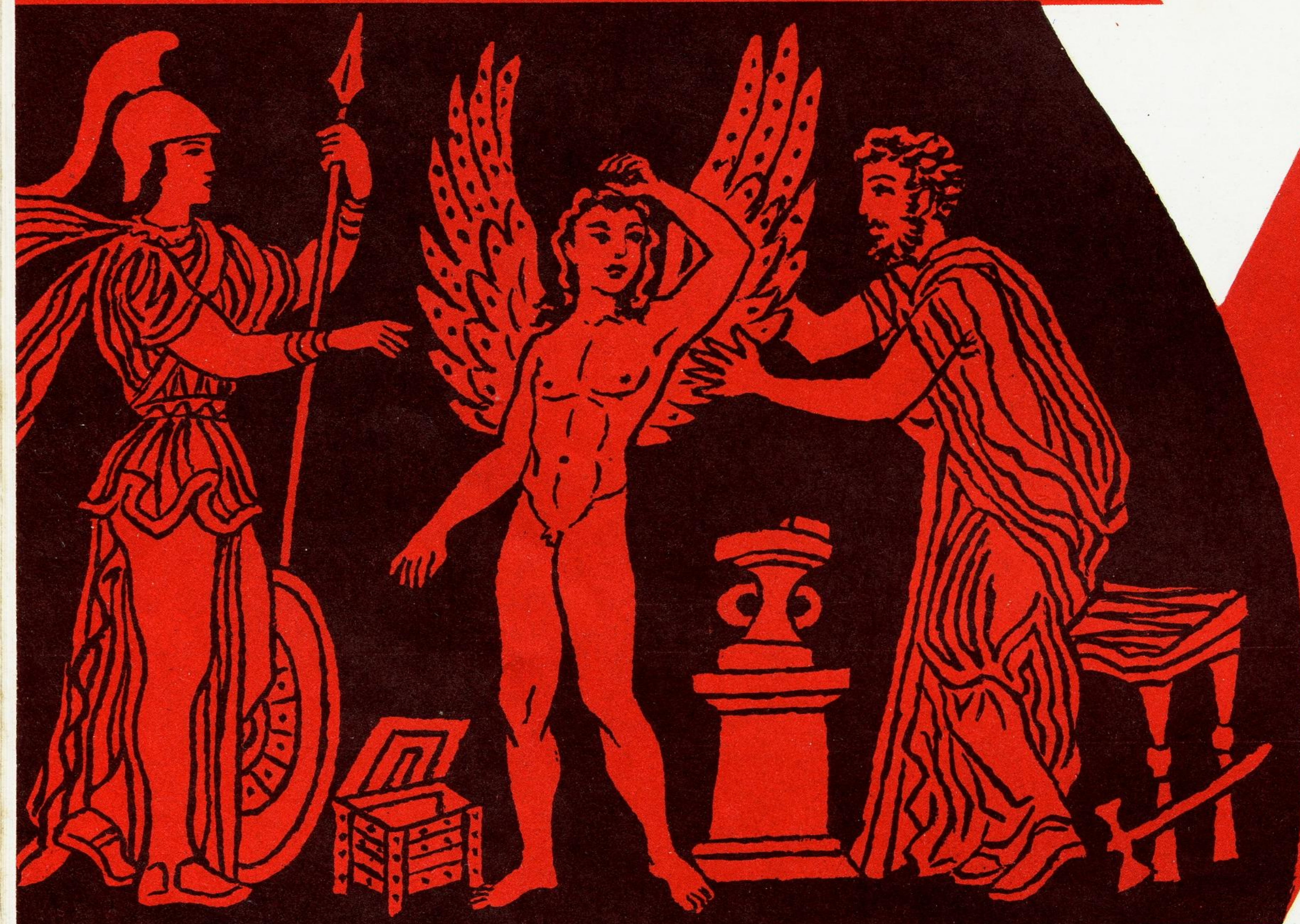
Конструктора радуются, жмут мне руки.

— Простая вещь, а никто и не знал, — слышу я за спиной голос, невольно обращаюсь и узнаю, казалось бы, самого непримиримого моего спорщика. Но теперь стеклышки его очков поблескивают по-другому, тепло...

(Окончание следует)

**Дедал привязывает
Икару крылья.**

*Этот рисунок сделал
художник Н. Седиков
по мотивам изображе-
ний на древнегреческих
вазах.*

Хороший день апреля

Слушайте
поступь Революции!

Эй, выше голову!
Мы встали в полный рост.
Сегодня человек,
как факел,
сердце поднял.
Нам светят издали
лучи советских звезд.
Мы со своей судьбой
вступаем в бой сегодня!
Гляжу я —
сердце Данко светит мне.
Зажжен огонь
рукой советского народа.
Как пота капелька,
он блещет в вышине,
Как радости слеза
на лице небосвода!

Петрос Антеос

Ю. Гагарин у развалин Парфенона

12 апреля 1961 года. 9 часов 10 минут. Мир застыл у радиоприемников. Лихорадочно переключают настройку коротковолновиков. В неурочное время раздвигаются купола обсерваторий.

На стенах домов, и на листовках, и на газетных полосах — одно имя: Юрий. Одна фамилия: Гагарин.

Он не штурмовал Зимний Дворец, он родился много позже, — но то, что сделал он, — прямое следствие и продолжение этого штурма.

Помните сказание об Икаре, юноше, взлетевшем к Солнцу?

В древних мифах герои, дерзнувшие оторваться от Земли, гибли. А сегодня поэты Греции, страны, где родились эти трагические легенды, вместе со всем человечеством славят родину осуществленной мечты, родину легендарной были.

Быль о Гагарине — лишь начало. Растет семья космических братьев!

БОШЕЙКА

Вильям Козлов

Рисунки А. Сколзубова

Щука и Грач объявляют войну

Войдя в класс, я сразу почувствовал, что здесь только что говорили обо мне. Иначе почему все сразу замолчали? Грач и Щука нагло смотрели на меня и ухмылялись. На моей парте лежал тетрадный лист. Крупными печатными буквами было написано: «Здесь сидит Губан — жадина и ябеда. Смерть Губану!» Внизу нарисован череп и две скрещенные кости.

Кровь ударила мне в лицо. Ребята посмеивались, смотрели на меня, ждали, что я буду делать.

— Кто написал? — спросил я своего соседа, Олега Кривошеева.

— Не видал, — ответил Бамбула.

Это я спросил просто так, потому что растерялся. Кто нацарапал эту ерунду, я отлично знал: Щука! С трудом я сдержался, чтобы не подскочить к его парте и не заехать в ухо.

Скомкал лист и сгоряча швырнул Олегу под ноги.

— Ты это брось, — сказал Олег. — Я за тебя мусор убирать не буду. — Взял лист, разгладил и снова положил мне на парту.

Весь урок географии я обдумывал план мести. Но, как назло, ничего путного в голову не лезло. Перед самым звонком Грач залепил из резинки мне в лоб. Я достал свою резинку, скатал полоску бумаги, потолще, прицелился и выпалил в Грача. Но, как водится в таких случаях, промазал и угодил в шею Мише Комову. Миша подпрыгнул и крикнул: «Ой!»

— Пчела ужалила? — спросил географ, по прозвищу «Туманность Андромеды».

— Ага, пчела, — ответил Комов, держась за шею. Миша Комов — безобидный парень, и я пожалел, что в него попал.

Как только «Туманность Андромеды» отвернулся к карте, сразу две туго скатанные бумажки ударились в мою голову. Щука и Грач стали стрелять залпами. Следующий

Продолжение. См. «Костер» № 3, 1963 г.

залп пришелся в Бамбулу. Я видел, как мокрые бумажки смачно щелкнули его по круглой стриженной голове. Олег повернулся к стрелкам и показал свой увесистый кулак. Стрельба на время прекратилась. Укрывшись за широкой спиной Бамбулы, я стал методически обстреливать своих врагов. Как они завертелись! Мои «пули» разили без промаха. Я бы загнал их обоих под парту, если бы не звонок.

На перемене Люда Парамонова, пошептавшись с Ниной Шаровой, сказала:

— Если это будет продолжаться и на следующем уроке, я поставлю о вас вопрос на заседании совета дружины.

— Как поставишь вопрос? — спросил Щука. — Ребром или на попа?..

Из резинок больше в меня не стреляли, но я знал, что мои враги не успокоились. Что-нибудь замышляют. Грач не зловредный. Это все Щука. Он мастер всякие гадости придумывать.

И действительно, на предпоследнем уроке

я чуть было не попался на их удочку. Хорошо, что Олег на перемене предупредил.

— У тебя в парте дрянь какая-то, — сказал он, — шевелится.

Я заглянул в парту и присвистнул: в парте на учебнике географии сидели четыре лягушки и пучили на меня глаза. Лягушек я тут же пересадил в портфели моих врагов: две Щуке и две Грачу. Они в это время упражнялись на турнике. Весь урок я сидел как на иголках: все ждал, когда лягушки дадут знать о себе. Квакать будут или еще чего-нибудь. Но им, наверное, понравилось в портфелях. Они просидели там до конца уроков и не пикнули. Так и унесли Грач и Щука лягушек домой. Какова их дальнейшая судьба, я так и не узнал. Я ведь не разговариваю с Грачом и Щукой. Может, они до сих пор таскают лягушек в портфелях. Что Щука, что Грач — не очень-то любят доставать учебники из портфелей.

Итак, Грач и Щука объявили мне войну. Что ж, посмотрим, кто победит!

Полтинник

Хотя и мечтал я поехать в город на заднем седле мотоцикла, ничего из этого не вышло. Дядя велел мне садиться в коляску. А на колени поставил решето с яйцами. Под ногами стояла плетеная корзинка. В ней лук. Под боком — горшок со сметаной и бидон с молоком. За всем этим хозяйством надо следить, чтобы ничего не разбилось и не вылилось.

Мы ехали по песчаной укатанной дороге, но иногда подбрасывало. Мне наплевать на толчки, вот яйца — могут разбиться. Каждое яйцо — двенадцать копеек. Дядя вел мотоцикл осторожно, на ухабинах плавно притормаживал.

Дядя, когда сидит за рулем, не любит разговаривать. Лицо у него строгое, сосредоточенное. Цепкие руки крепко держат руль. Серая выгоревшая фуражка глубоко надвинута на лоб, чтобы ветром не сдуло. На виске поблескивают седые волосины. Лицо у дяди худощавое с острым бритым подбородком.

Мы подрулили к самой ограде. Хотя время и было раннее, народ уже бродил вдоль длинных деревянных рядов. Я с корзинкой выбрался из коляски. Дядя замкнул заднее колесо на толстую цепь, и мы пошли к овощному ряду. Здесь бойко шла торговля. Полная тетка в розовом фартуке нехотя подвинулась, давая дяде место.

— Поздновато что-то нынче, — сказала она.

— Мы свое возьмем, — ответил дядя, расставляя товар. — Верно, племяш?

Я ничего не ответил. Я смотрел на огромного дядьку в сатиновой косоворотке, который продавал семечки. Когда дядька брал в руку стакан, стакана было не видно. И семечек тоже. Одной рукой дядька торговал, а другой беспрерывно кидал в рот семечки. Шелуху он сплевывал через плечо. К сатиновой рубашке прилепилась шелуха.

— Зеленый лучок, двугривенный пучок! — запел мой дядя. — Свежие яички — от курицы-птички!

Толстая тетка в фартуке засмеялась, и живот ее заколыхался.

— Как соловей поешь...

Подошли первые покупатели. Дядя ловко выхватывал из корзинки зеленые пучки и бросал на стол. Отпуская лук, дядя спрашивал, заглядывая в глаза:

— Сметанки не желаете? Утрешняя... А яичек? Крупные, одно к одному.

Покупатели брали сметану, яйца. Дядя принимал деньги и ссыпал их в кошелек. У него было два кошелька: один для мелочи, другой для бумажек. Тот, который для крупных денег, дядя прятал во внутренний карман.

Мне надоело торчать на одном месте. И смотреть на дядьку в сатиновой косоворотке.

Лицо у дядки было красное. Загорел. Шутка ли — весь день простоять на солнцепеке. Я бы не согласился, если бы мне даже мешок с семечками дали.

Луку и яиц у дяди еще много, можно и прогуляться.

— Погляди, как там мотоцикл, — сказал дядя.

Мотоцикл стоял на месте. Мимо шли и шли люди. В руках у них сетки, сумки, корзинки. Над рынком от людских голосов стоял гул. Слышались звучные удары топора. В мясном ряду рубили туши. Бродить по рынку было интересно. Где еще сразу столько людей увидишь? И все ходят, толкаются, задевают друг друга плечами. И все что-то говорят, спрашивают, отвечают.

И вдруг я услышал знакомую негромкую мелодию: «Подмосковные вечера». Сколько я ни крутил головой, нигде выставленного приемника или репродуктора не увидел. Музыка доносилась из желтоголового парня, который стоял вполоборота ко мне и равнодушно смотрел в другую сторону. Я обошел вокруг парня и окончательно убедился, что «Подмосковные вечера» у него внутри. Вот он не спеша зашагал дальше, и музыка стала тише. Я догнал парня и дернул за рукав.

— Покажи, — попросил я.

— Что показать?

— Ну это... что играет.

— Ах, приемник, — улыбнулся парень. — Я бы показал, да ты все равно не купишь.

Он помахал мне рукой и пошел дальше. Он не был похож на других, кто сновал взад-впе-

ред. Парень шел степенно, никого не спрашивал, ничего не говорил. Я слышал, как умолкла музыка и голос диктора произнес: «Концерт эстрадной музыки окончен. Слушайте последние...» Голос диктора оборвался: парень отошел на порядочное расстояние. Я слышал о приемниках на полупроводниках, крошечных, чуть побольше спичечной коробки. Но никогда их не видел. А посмотреть очень хотелось. Я снова догнал парня.

— Куплю, — сказал я. — Покажи.

Парень взглянул на меня из-под желтой копны волос. Улыбнулся.

— Ты упрямый, чертенок!

Достал из нагрудного кармана плоскую металлическую коробку. Немного побольше папиросной. На коробке были маленькие кнопки и красные деления. Я взял приемник в руки. Он был легкий и теплый. «Притащить бы эту штуку в школу, — подумал я. — Вот бы все ахнули!»

— Производство фирмы «Глебов и К⁰», — сказал парень. — Модель «Малютка — 2».

— Дорого? — спросил я. Надо было воз-

вращать приемник, а мне еще хотелось поддержать его в руках.

— Не продается, — сказал парень и забрал приемник. — Ношу с собой, чтобы быть в курсе всех последних событий.

— А где их продают?

— Сам сделал, — сказал парень, — Фирма «Глебов и К⁰» — это я.

Он снова помахал мне рукой и скрылся в толпе, а я все еще стоял разинув рот.

Вот бы мне такой приемник! Сунул в карман и ходи себе, как бог. Теперь я понял, почему парень не был похож на других: он ничего не покупал и не продавал. Прогуливался. Слушал музыку и последние известия.

Когда я вернулся к дяде, он уже продал все яйца и сметану. На столе осталось пучков двадцать луку.

— Как мотоцикл? — первым делом спросил дядя.

— Куда он денется? — ответил я. — На цепи, как Картуз.

— Погляди тут, — сказал дядя. — Схожу на барахолку... Резину пошукаю.

Дядя ушел «шукать» резину к мотоциклу, а я остался за прилавком. У женщины в фартуке были толстые руки. Таких я еще не видел. Руки проворно хватали связки красной редиски и заворачивали в листы, выданные из книги.

— Редисочка первый сорт, — приговаривала толстуха.

— Почем лук? — спросил мужчина.

— Двугривенный, — сказал я.

Мужчина взял со стола три пучка и бросил на стол три двадцатикопеечных монеты. Потом подошли мужчина и женщина. Молодые, веселые. Они сразу взяли пять пучков, а у тетки три связки редиски.

— Помогаешь матери? — спросил мужчина. — Это хорошо.

— А по-моему, плохо, — возразила женщина. — С таких лет приучают мальчишку...

— Верно, плохо, — согласился мужчина. — Ты, друг, брось это занятие...

— Есть яички от курицы-птички, — сказал я. — Не желаете?

Это я нарочно сказал. Яиц не было. Дядя все продал. Не хватало еще выслушивать нотации от каждого покупателя.

За каких-то полчаса я распродал все пучки. В корзинке валялось несколько помятых стрелок. Штук пять. Я выдернул нитку из рубахи, связал их и тоже продал за десять копеек. Самостоятельно торговать мне довелось впервые. Оказывается, это совсем не трудное дело. Я пересчитал деньги. Три рубля восемьдесят пять копеек.

Когда пришел дядя, я передал ему деньги. Он пересчитал, спрятал: бумажки в один кошелек, мелочь — в другой. А меня похвалил. Said, что я молодцом, не позволил себя надуть. Только меня никто и не собирался надуть.

На это дядя сказал:

— Э-э, ты еще молод... И считанную овцу волк съедает.

А потом дядя снова достал из кармана кошелек, который с мелочью, вынул монету и протянул мне.

— За труды, — сказал он.

Это был полтинник. Тяжелый, блестящий. Новенький полтинник. Заработанный. Я еще никогда не зарабатывал денег. Сегодня в первый раз. Оказывается, это не так трудно — зарабатывать деньги.

— Сбегаю в магазин, — сказал я.

— Попусту не трать, — посоветовал дядя. — Пригодится.

Я забежал в магазин спорттоваров. Я любил заходить в этот магазин. Тут есть всякая всячина. Все для рыбной ловли и охоты. Под витринным стеклом блестели блесны. В углу стояли бамбуковые удилища.

— Цена? — спросил я, кивнув на бамбуковый лес. Раньше бы я не спросил, постеснялся. Тем более, что цену можно было прочитать на табличке, прикрепленной к стене. Но у меня в кармане был новенький полтинник. Я его мог в любую минуту истратить, и никто у меня не потребует отчета. Ведь я его заработал.

Продавец посмотрел на меня. Я засунул руку в карман и пощупал полтинник. И тогда продавец ответил:

— Восемьдесят копеек.

Я выбрал одно удилище, взмахнул. Удилище свистнуло. Хорошее, гибкое. Я поставил удилище на место и нагнулся к витрине. Надо крючков купить. Долго выбирал я, а когда облюбовал два десятка и вытащил из кармана полтинник, вдруг стало жалко тратить. Совсем новенький полтинник. Блестит.

Я вздохнул, спрятал в карман полтинник. И зашагал к выходу. Обойдусь и без крючков.

— Ты что же мне голову морочил? — рассердился продавец.

— Это разве крючки? — сказал я. — Недоразумение.

Продавец еще что-то хотел сказать, но у меня не было времени пререкаться с ним.

Домой мы возвращались в полдень. Я ехал на заднем седле и был очень доволен. Ветер обдувал со всех сторон. За щекой у меня «гусиная лапка». Это дядя купил. Кроме полтинника. А еще говорят, что он скупой. Я пощупал в кармане и чуть не свалился с седла: мне показалось, что полтинник исчез. Провалился в дырку и упал на дорогу. Я хотел сказать дяде, чтобы он остановил мотоцикл, но тут моя рука нащупала круглую монету в другом кармане.

На всякий случай, я достал из штанов полтинник и переложил его в куртку. Куртка еще совсем новая и карманы без дырок.

Ищу друга

Вернувшись из школы, я сел первым делом за уроки. Потом вышел на луг, полежал на траве. Я смотрел в небо. Оно было светло-голубое. Ни одного облака. Высоко-высоко кружила стая голубей. С пруда притащились утки. Проковыляли мимо моих ног и скрылись в сарае, где для них на широкой доске был приготовлен корм. Валяться на лугу и смотреть на чистое небо надоело. Я вышел на улицу. На дороге копошились курицы. Над домом Только Щуки снижались голуби. Надоело им небо, спустились на землю. На крыше сарая стояли Щука и Грач. Глазели на голубей. Ну, ладно Щука — заядлый голубятник. А Леха-то чего на голубей глаза таращит?

На Щуку и Грача смотреть мало радости. Хорошо бы из рогатки пальнуть по ним...

Я вернулся на свой двор. Чем бы заняться? Плохо все-таки одному. Скучно. Весь день как неприкаянный. Скорей бы каникулы. Укатил бы с отцом подальше отсюда: в Ленинград или Полоцк.

Из сеней выглянула мать. Сейчас заставит огурцы полоть. Или пойло приготовить борову. Мать всегда дело найдет. Она не скучает.

— Шел бы к дружкам своим, — сказала мать. — Чего околачиваешься дома?

— Иду, иду...

На всякий случай я выскочил за калитку. И как это она меня в огород не мобилизовала?

Шел бы я к дружкам... А к кому? Был у меня друг, а теперь нету. Раньше я не думал, куда идти. Крикнул через забор — и Ленка тут как тут. У нас всегда дел по горло. То в кузницу сбегает, то на речку, то в овраг. Иной раз не заметишь, как день пролетит. И чего я все думаю о Граче? Как будто, кроме него, мало ребят в деревне. Найду другого товарища. Пускай с Толькой на крыше топчется, обойдусь без него... Кого же мне выбрать в товарищи?

Я стал в уме перебирать ребят. Миша Комов... Он ничего парень, да вот голова его занята другим. Миша известный школьный кукурузовод. Он на школьном участке вырастил богатый урожай кукурузы. Никто и не подозревал, что у Комова такой талант. Все по домам, а Мишка на участок. Мы над ним немного подтрунивали — дескать, не мальчишечье это дело — в огороде ковыряться. А он только посмеивается. И вот урожай вырастил. Да еще какой! Про него в газетах даже писали. Сначала в районной, потом при-

ехал корреспондент из «Пионерской правды». Написал про нашего Мишку большую статью и сделал три фотографии: Мишка на поле, рядом со своей кукурузой, Мишка в школе сидит, нос уткнув в тетрадь, и Мишка дома, помогает матери по хозяйству. Вот какой знаменитый наш Мишка Комов! Ну, ладно, с кукурузой понятно. Человек вырастил богатый урожай. А вот за партой его не стоило снимать: так себе Комов учится. С тройки на четверки перебивается. И дома не очень-то матери помогает. Правда, говорят, теперь стал помогать. Мать повесила статью с фотографиями и чуть что — тычет туда пальцем.

Сначала Мишка зазнался, когда статью прочитал. Важный такой стал, ни с кем не разговаривал. Ходил по школе с задраным носом. Потом это с ним прошло. Забыл, наверное, про статью.

С Мишкой дружить можно. Только, когда надо кукурузу выращивать, Мишка все остальное считает чепухой.

Комов уже был один раз на областной сельскохозяйственной выставке. Ему очень понравилось. Готовится снова. Теперь поедет в Москву. С академиками будет разговаривать. А мне что-то не хочется возиться с кукурузой. Призвания нет. Я вообще с овощами дело имею только за столом. Мне больше нравится шоферское дело. Тимка Сенин, колхозный шофер, обещал меня поучить на машине. Вот это работка! Сиди за рулем и крути баранку: «Еду-еду я по свету у прохожих на виду...» Дядя Матвей, он сейчас и бригадир и председатель, обещал передать школе старый грузовик. Это за то, что мы выручили колхоз в посевную компанию. Вот тогда я первым запишусь в автокружок.

К кому же еще сходить? А что если к Олегу? Бамбула — настоящий парень. Его в школе уважают. Он хоть и редко говорит, но метко. И потом он кукурузой не занимается. Наверное, валяется на лужайке и книжки читает. Он любит книжки. И гири любит выжимать. У него пудовка стоит у крыльца. Такого товарища заиметь, как Олег, милое дело. Никто в школе до тебя пальцем не дотронется. Силач Бамбула не даст в обиду. Олег со всеми в нормальных отношениях. С ним ребята считаются.

Я отправился к Олегу. К моему великому удивлению, дома его не оказалось. Бабушка сказала, что он, наверное, на конюшне. Я спросил бабушку, что он там делает, но она не ответила. Наверное, не расслышала. Олегова бабушка туга на ухо.

Конюшня находилась на другом конце деревни. На каменистом бугре, возле речки. С речкой нам не повезло. Узенькая, неглубокая. И воды-то не видать. Тина да кувшинки. Кроме мальков, ни одной порядочной рыбины не встретишь. И купаться противно: воробью по колено. Зато в трех километрах — большое озеро Белое. Вот там глубина так глубока! На это озеро мы часто ходим. Рыбу ловим, купаемся. Дно там не очень хорошее. Илистое, вязкое. И осока у берегов острая. Пока до воды доберешься, все бока исцарапаешь.

Что-то не видно возле конюшни Олега. Может, бабка перепутала? К старости у людей не только со слухом, но и с памятью не очень-то. И потом чего ему делать на конюшне, если все лошади в поле? И тут я увидел, как из одного окна вылетает навоз. Блеснули жала вил. Я заглянул в конюшню: так и есть — Олег! Вилами вороочает. Не обманула бабка. Больше никого не видно. Бамбула не замечал меня. Он был в одних штанах, закатанных до колен. Подцепив на вилы пласт слежавшегося навоза, он швырнул его в окно. И так раз за разом, не разгибая спины.

— Ты что тут делаешь? — спросил я.

Олег воткнул вилы в кучу, смахнул пот с широкого лба.

— Сено кошу, — сказал он.

Это он прав, нечего глупые вопросы задавать. Но узнать с какой стати он торчит тут на конюшне, мне хотелось.

— Всю эту кучу перекидаешь?

— Чего на нее любоваться?

— Тебе за это трудодень запишут?

— Может, и запишут.

— Все равно ничего на трудодень-то не получишь, — сказал я. — Копейки.

Бамбула ничего не ответил. Вонзил вилы в навоз и, побагровев от напряжения, вывернул огромный пласт. Я прикинул, что тут работы до вечера хватит. Ну, ладно Миша Комов помешался на кукурузе. Его все-таки на выставку посылают, а вот чего Бамбула ковыряется в навозе? Может быть, думает, его тоже куда-нибудь пошлют?

— Тебя заставили? — спросил я.

— Я сам, — ответил Олег.

Чудак этот Бамбула! Я вспомнил книжку «Мифы древней Греции». Там чистил Геракл Авгиевы конюшни. Так то в мифах...

Я знал, что Олег парень упрямый. Не уйдет из конюшни, пока весь навоз не перекидает. Но и ждать мне не хотелось. Мелькнула было мысль подсобить Олегу, но уж очень не хотелось заниматься этим грязным делом, да и вил что-то не видно...

— Пойдем лучше в лес, — предложил я. — Березового соку напьемся.

Олег покачал головой. У него даже стриженный затылок вспотел.

— Хочешь на озеро?

Олег поставил вилы к стене, и мы вышли из конюшни.

— Думаешь, я за копейку работаю? — спросил он.

— А за что же?

Олег присел на телегу, которая стояла возле конюшни, посмотрел на свои руки.

— Мозоли? — спросил я.

— Мозоли — ерунда.

Олег негромко свистнул. Из кустов, что обступили нашу маленькую речку, послышалось ржание. Раздвинулись ветви, и на тропинку степенно вышел черный жеребец с короткой щеткой гривы. Жеребец радостно закивал и потрусил к нам. Олег смотрел на него, и я не узнавал Бамбулу.

— Ах ты, морда, — ласково сказал Олег. — Сахару хочешь. А у меня — вот-те раз! — нету. — Он достал из кармана горбушку хлеба: — Пожуй...

Жеребец вытянул мягкие губы и осторожно взял с ладони хлеб. Съел и снова энергично закивал красивой головой: дескать, спасибо, хочу еще.

— Ах ты, морда, — сказал Олег, запуская руку в жесткую гриву, — более ласковых слов для своего любимца у Бамбулы не было.

Жеребец не обижался. Он тоже ласково смотрел на Олега и помахивал длинным роскошным хвостом. Гладкая шерсть его лоснилась. Это был лучший племенной жеребец. На нем не пахали и не сеяли. На нем раньше ездил председатель колхоза. В район и в город. А сейчас никто не ездит. Оттого жеребец такой гладкий. У дяди Матвея ноги длинные, он и без транспорта всюду поспекает. Жеребец добродушно взглянул на меня своими черными с голубоватым отливом глазами и кивнул. Забавный жеребец.

Олег спрыгнул с телеги, обошел жеребца кругом, похлопал по шее и ловко вскочил на него. Жеребец напряжился, крутнулся на месте и наметом ударился от конюшни. Олег пригнулся, руками вцепился в гриву. Жеребец скакал легко, дробный топот становился все глуше. И вот они исчезли за лесом: Олег и жеребец. Я не знал, что Олег так хорошо держится на коне. От Бамбулы никогда лишнего слова не добьешься. Теперь понятно, почему он торчит на конюшне. За таким жеребцом и я бы согласился навоз убирать. На нем прокатиться не хуже, чем на мотоцикле. Нинка Шарова посмотрела бы, как я бы промчался по улице... Надо попросить Бамбулу, он даст. Только удержусь ли я на этом жеребце? Вряд ли. Мне доводилось верхом ездить на лошадях. На смирных, которых не вдруг раскачаешь на галоп. А этот — огонь!

Олег прискакал обратно. Бархатные бока у жеребца ходили, ноздри раздувались. Он остановился у телеги, опустил голову, как бы предлагая освободить его спину. Олег спрыгнул, клочком соломы отер пот с боков жеребца. Глаза Бамбулы щурились, будто ветер все еще дул в лицо.

— Добрый конь, — сказал Олег.

— Я думал, сбросит.

— Меня? — усмехнулся Олег. — Не сбросит... Мы с ним приятели.

Он шлепнул жеребца по темному крупу.

— Иди, гуляй... Морда!

Жеребец покачал головой, прощаясь с нами, и потрусил к речке, в кусты, где росла сочная трава.

Олег взял вилы и пошел в конюшню.

— Давай помогу, — предложил я.

Олег принес из-за перегородки вилы.

— Валяй, — сказал он.

Минут пятнадцать мы молча работали. Вилы у меня были тяжелые, навоз почему-то срывался с них. Я старался не отставать от Олега. Раз он подденет, второй я. Так удобнее было бросать в окно. Но не успел я приноровиться, как занула спина, потом стали гореть ладони. Это верный признак: будут мозоли. Навоз все чаще срывался с вил, и мне приходилось снова поддевать. Олег, который работал как заведенная машина, терпеливо ждал с полными вилами, пока я управляюсь. Наконец мне до чертиков надоела эта работа. Я швырнул вилы в сторону и спросил:

— Где здесь руки помыть?

— За конюшней бак, — ответил Олег. — Кишка тонка?

— Я за механизацию, — сказал я. — Ручной труд нынче не в почете.

— Руки придется о штаны вытирать, — сказал Олег. — Понимаешь, полотенце забыли повесить...

— Вытру, — ответил я. Еще насмехается! Я ему помог, а он... Нет, с Олегом каши не сваришь. Велика радость конюшню убирать. А он такой, каждый день будет сюда таскать. А потом на этом жеребце опасно кататься. Сбросит где-нибудь, костей не соберешь. Лучше на дядином мотоцикле кататься, чем на Олеговом жеребце.

Проживу как-нибудь и без приятелей. По крайней мере сам себе хозяин. Захотел в лес за березовым соком — иди в лес. Захотел на озеро — пожалуйста. И не надо никого уговаривать. Возьму сейчас пару бутылок и в лес. Я там давно облюбовал одну березу...

Отворив свою калитку, я услышал голос матери:

— А я его ищу-свищу... Быстренько на огород! Огурцы заросли по самые уши. Вот тебе урок: до вечера прополоть две грядки.

Я сижу в лопухах

С огорода, где я полыл огурцы, была видна крыша дома Тольки Щукина. И сарай виден, где у Щуки голубятня. Толька и Грач все еще топтались на крыше. Они что-то приколачивали. Иногда они отрывались от дела и поглядывали на наш дом. Мне очень хотелось узнать, о чем толкуют мои враги?..

Матери не видно. Ушла куда-то. Мне осталось прополоть еще полгрядки. Ничего, огурцы подождут.

Я перелез через забор и огородами пробрался к Толькиному дому. Подождал, пока они повернулись ко мне спиной, и юркнул в лопухи.

Здесь меня не заметят. Зато отсюда все слышно.

Сначала я слышал скрип. Это скрипела крыша сарая под ногами Грача и Щуки. Курлыкали голуби. Потом застучал молоток.

— Черт! — ругнулся Грач. Видно, по пальцу хватил. Так ему и надо!

— Ноготь посинеет, — после длительного молчания сказал Грач.

— Этот слезет — новый вырастет, — утешил Щука.

Снова застучал молоток. На этот раз пореже.

— Тут трубачи будут жить, — сказал Щука. — Мальчишка знакомый обещал продать пару.

Грач что-то пробубнил в ответ, я не расслышал.

«Тук-тук-тук!» — стучал наверху молоток. Я сидел в лопухах у самой стены. Крапива обожгла ногу. Я сгоряча вырвал куст и обжег руку. И теперь попеременно чесал то ногу, то руку. А тут еще кто-то подошел к самому краю крыши, и мне за шиворот посыпалась труха.

— Хочешь, прыгну? — это сказал Щука.

— Там крапива, — ответил Грач.

Только отошел от края, а я перевел дыхание.

Еще не хватало, чтобы Щука прыгнул мне на голову!

Молоток замолчал. Прибил Грач доску к голубиному дому, в котором будут жить какие-то дурацкие трубачи. Я про таких голубей и не слышал.

— Я Ганькин кувшин раскокал, — сказал Ленька.

Наконец-то про меня!

— И правильно, — заметил Щука.

— У него мамаша... живьем съест! Придется три рубля платить.

— Три рубля? За что?

— Со свету сживет... Лучше отдать деньги.

— Обалдел, — сказал Толька. — Кто за разбитые кувшины платит?

Я уж и забыл про этот кувшин. А Ленька помнит. И про мать мою брешет. Никого она не съест. Она тоже забыла про кувшин. Я ведь так и не сказал, что это Ленька разбил. Ну, а раз Грач хочет отдать три рубля — пожалуйста, мы люди не гордые — возьмем.

— Плюнь ты на Ганьку и на этот кувшин, — сказал Щука. — Есть у них еще кувшины?

— Не знаю.

— Я бы тоже парочку кокнул.

— С ними лучше не связываться.

— Плевать!

Мне захотелось камнем запустить в Щуку. Или палкой.

— Достану где-нибудь деньги, отдам, — сказал Грач.

— Ну и дурак!

Крыша заскрипела, закачалась, на меня снова посыпалась труха. Я слышал, как они спрыгнули: сначала один, потом второй. Я думал, что они уйдут и мне можно будет убраться восвояси из лопухов, но они стояли на месте. Боком ко мне.

— Ты сейчас куда? — спросил Толька.

— Пойду.

Грустный Грач. Не хочется ему три рубля отдавать, а надо. Если бы можно было, я крикнул бы ему из лопухов: «Эй, Грач, зря расстраиваешься. Никто про кувшин и не помнит».

Но крикнуть нельзя было. И я молчал. Молчал и Щука, глядя куда-то в сторону. Вот он встрепенулся, достал что-то из кармана и протянул Тольке.

— Пусть подавится, — сказал Щука.

Грач взял деньги, но тут же спохватился и стал отдавать назад.

— Придумал! — сказал он. — Мы им курицу отдадим.

— Ты мне друг? — спросил Толька.

— А трубачи?

— Не к спеху.

Грач положил деньги в карман штанов.

— Я тебе отдам, — сразу повеселел он. — Нескоро.

— Брось ему в толстую рожу!

Это мне... Пускай бросает, подниму. Три рубля на дороге не валяются.

— Брошу...

Щука посмотрел на небо. Лицо его стало хитроватым, когда он спросил:

— Какая сегодня ночь будет?

— Закат хороший, — ответил Грач. — Светлая.

Возвращаясь огородами домой, я то и дело останавливался, чтобы ногу почесать. Ну и крапива растет у Щуки во дворе!

Ночной концерт

В Крутой Овраг пришла ночь. День был солнечный, и над сосновым бором долго не потухал закат. Зазубренные вершины елей не

шевелились. Стало прохладно. Овраг и придорожные кусты до самого леса заволкло густым туманом. В той стороне, где овраг,

небо темное. И на небе сияет крупная звезда. Кажется, что она совсем одна на небе. Но если долго смотреть, то увидишь рядом еще маленькую звезду, потом еще. Месяц пока прячется за бугром, где раскинулось озимое поле. Придет пора, и он важно выплывет на небо и пойдет не спеша бродить меж звезд. И там, где пройдет ясный месяц, останется чуть приметная желтая дорожка.

Весной в деревне ложатся спать с наступлением сумерек. Намаются люди за день на полях да фермах, а утром с петухами вставать. Но не все окна темные. Горит электрическая лампочка в доме агронома Шарова. Чуть слышится музыка. Шаровы смотрят передачу по телевизору. В деревне сейчас у многих телевизоры. Вон сколько рогатых антенн на домах! Есть телевизор и у дяди Пети.

Виднеется свет в окошке Киры Андреевны. Сидит учительница за маленьким столом и проверяет наши контрольные. Мне бояться нечего, все примеры решил правильно. Два

последних списал у Олега. А Бамбула никогда не ошибается.

Не сразу засыпает село. Ночь полна звуков. Неподалеку, на скамейке под вишнями, сидят парни и девушки. Тренькает балалайка. На крыльце правления колхоза мерцают огоньки сигарок. Там дядя Матвей разговаривает со звеньевыми. Договаривается насчет завтрашнего дня, кому что делать. Гремит железное кольцо по проволоке. Это пес Картуз не спит, стережет усадьбу моего дяди Петра Севастьяновича Скопцова. Скрипит ворот. Женщина в светлой кофте вытаскивает из глубокого колодца ведро с холодной водой. Покачиваясь, несет коромысло с полными ведрами к Ленкиному дому. Это тетя Серафима, мать Грача.

Понемногу все затихает.

В Крутой Овраг пришла ночь.

Я заснул, и мне сразу стал сниться какой-то интересный сон, но досмотреть не пришлось. Кто-то громко стучал в дверь. Кто бы это мог в такую пору?

Мать завздохала, заохала — она не любила просыпаться ночью, потом сказала:

— Не спишь?

— Сплю, — ответил я и еще крепче зажмурился. Мне очень хотелось досмотреть сон. Мать встала и пошла в сени. «Кто там?» — спросила она. За дверью молчали. Неужели это тоже был сон? Не мог ведь один сон нам вдвоем с матерью присниться? Мать вернулась, легла.

— Может, это кошка? — спросил я.

— Спи, — проворчала мать.

Но заснуть не пришлось. Вдруг ни с того ни с сего за окном завизжал поросенок. Будто его резали. У меня даже мурашки забегали по спине.

— Наваждение какое-то, — сказала мать. Встала и зашлепала к окну. Отдернула занавеску. Но тут снова постучали в дверь. А поросенок замолчал.

На полу голубая лунная дорожка. Она протянулась от окна до печки. В лунном свете трепыхается какая-то бабочка. В окно видны макушки деревьев, а над ними звезды.

Пока мать выходила в сени, за окном снова ошалел поросенок. А только вошла в избу, раздался громкий стук в дверь.

— Озорует кто-то, — неуверенно сказала мать. Она стояла посередине избы, большая, белая, и лунный свет посеребрил ей волосы.

— Мам, я знаю, кто это...

Мать накинула телогрейку и снова вышла в сени. Я слышал, как гроыхнул дубовый запор. Слышал, как прошелестели ее шаги, как постучала Серафиме в окно. Распахну-

лась форточка, и они стали разговаривать. Мне захотелось послушать. Подошел к окну, распахнул и... тут раздался кошачий визг. Я отскочил и спрятался под одеяло. Дверь отворилась, вошла мать.

— Ленька спит, — сказала она.
Снова загрохали в дверь, завизжали поросята и кошки под окном.

— Нету больше моего терпения! — Мать схватила ухват и выскочила за дверь. Я за ней. Не хотелось одному оставаться. На крыльце никого не было. Мать, выставив вперед ухват, спустилась вниз. Я остался на крыльце. Мокрые от росы доски охладили ноги. И тут сверху на меня что-то упало. Стукнуло по плечу и покатило по ступенькам. Это было полено, обыкновенное березовое полено с бечевкой на одном конце. Это оно свалилось на меня. Кто-то сидел за бревнами и дергал за веревку. Полено, подвешенное к перекладине, раскачивалось и било в дверь.

Кто же это так хитро придумал? На Щуку похоже... Допустим, в дверь Щука грохотал поленом, а кто под окном визжал?

— Погляди в огороде, — посоветовал я матери. — Может, кошку к форточке за хвост привязали.

К наличнику была привязана не кошка, а толстая суровая нитка. Когда я ее взял в руки, она пристала к пальцам. Чем-то натерта. Я понюхал и сразу сообразил: канифоль! Нитка натерта канифолью. Если по такой нитке водить спичечным коробком, то она визжит, скрипит, как сто поросят вместе.

— Твои дружки-приятели, — сказала мать. — Палкой бы вас всех!

Держись, Щука!

Шел урок географии. У доски отвечал Олег Кривошеев, необычно неторопливо, обстоятельно. Когда нужно было, тыкал указкой в карту. «Туманность Андромеды» не слушал. Он и так знал, что Олег ответит. И спросил его просто так, для порядка. Чтобы отметку в журнал поставить. Скоро учебный год кончается.

Иван Кириллович смотрел в журнал и что-то подсчитывал. Он носил большие очки с выпуклыми стеклами. Глаз не было видно. Зато в очках всегда что-либо отражалось: то сразу весь класс в уменьшенном виде, то оконные переплеты, то электрическая лампочка, если в классе горел свет. Поэтому географа и прозвали «Туманность Андромеды». Щука прозвал, а ребята подхватили. Наши ребята всё, что им ни скажешь, подхватывают.

Я не спускал глаз с Тольки. В том, что это он ночью учинил переполох, я не сомневался.

Больше никому. Щука сегодня не смотрел в мою сторону. Подперев ладонью острый подбородок, он внимательно слушал Бамбулу. Это не похоже на него. Обычно Щука вертится, перешептывается с Грачом, разные шуточки отпускает. А тут присмирел голубчик! И Ленька не смотрит в мою сторону. Тоже слушает Бамбулу. И тоже рукой за подбородок держится.

Утром Грач пришел к нам, поздоровался чин-чином и отдал матери три рубля.

— Нечаянно раскокал ваш кувшин, — сказал он. — Вот деньги.

— Так это твоя работа?

— До свидания, — сказал Грач.

Мать еще хотела что-то сказать, но Грач повернулся и ушел.

— Разбогатели, — сказала мать. — Три рубля, как три копейки, выложил...

— Он нечаянно разбил, — сказал я.

— У вас одно баловство на уме.

Мать повертела в руках деньги, потом протянула мне:

— Отдай... Из-за кувшина с соседкой ссориться я не намерена.

— Мне что? — сказал я. — Отдам.

С этими деньгами получилась вот какая петрушка. Вышел я вслед за Грачом, деньги вернуть. А его и след простыл. Кричать: «Эй, Леха, выйди, я тебе деньги отдам!» я не стал. Мы ведь с ним не разговариваем. При встрече со мной Грач нос в сторону воротит. Не хочет знаться со мной. А я должен бегать за ним, деньги возвращать. А на эти деньги мой враг Щука трубачей купит... Нет уж, не будет у него трубачей! Взял я эти три рубля и положил рядом с полтинником, который на базаре заработал. Пускай лежит. Конечно, если бы мы с Лехой не поссорились, я бы ему деньги сразу отдал. Зачем мне чужие три рубля, если у меня есть собственный полтинник?

Когда я вернулся домой, мать занялась завтраком и позабыла спросить: отдал я деньги или нет. Если бы она спросила, я еще не знаю, что бы ответил. Может быть, правду сказал, а может быть, соврал бы. Это когда как на меня найдет.

...Олег вернулся на место. Пятерку получил. Я дотронулся пальцем до плеча Нины Шаровой и спросил, сколько осталось до звонка.

— Восемь минут, — ответила Нина.

Хорошо, когда часы на руке. Всегда знаешь, который час. А с другой стороны, беспокойства много: все спрашивают время и сам минутно смотришь на часы. Будь у меня часы на руке, я бы только на них и смотрел.

Учитель вызвал Щуку. Толька и к карте не пошел — с места сказал, что урока не выучил. До уроков ли ему было... Вчера часа два просидел за бревнами, людям спать не давал.

Географ медлил ставить двойку. Он поблескивал на Тольку очками и молчал. Ждал, что он еще скажет. И Щука сказал:

— Ставьте двойку.

— Почему не выучил?

— Долго рассказывать, — ответил Щука.

— Послушаем, — сказал «Туманность Андромеды», обмакивая ручку в чернильницу.

Толька переступил с ноги на ногу, взглянул на меня.

— Я вчера слушал симфонический концерт, — сказал он. — По радио.

— Причина уважительная, — сказал географ и поставил Щуке двойку. Мне захотелось запустить в улыбающуюся рожу Щуки чернильницей. Я сдержался. Я хорошо запомнил:

«Кто бессилён доказать словами, тот...» Кулаками я не буду доказывать. Но кулак все-таки Щуке показал. И зря. «Туманность Андромеды», наверное, подумал, что я руку поднял и вызвал меня. Чепухой, как Щука, не занимаюсь. Урок я выучил. И ответил бы на пятерку, но Щука меня очень расстроил своим нахальством. Поэтому я два раза перепутал названия рек. Географ поставил тройку. Этого еще не хватало! Теперь надо просить, чтобы до конца года еще раз вызвал. А то чего доброго в четверть тройку выведет. Тогда отец не возьмет в поездку.

На перемене я подошел к Щуке и, сдерживая злость, спокойно спросил:

— Сидел вчера за бревнами?

Если бы он стал отпираться, я бы отступился. Честно говоря, не хотелось мне со Щукой связываться. Но он, смерив меня презрительным взглядом, повернулся к Грачу и спросил:

— Чего Губану надо?

— Тебя не трогают? — сказал Леха, мой бывший друг. — Ну и хромой отсюда.

— А ты, глупая птица, помалкивай! — оборвал я его.

— Товарищ председатель совета отряда, — спросил Щука Люду Парамонову. — Можно я пионеру Ганьке Куклину фотокарточку испорчу?

— Нельзя, — ответила эта дура Людка.

Вокруг нас стали собираться ребята. Нина Шарова сидела за партой и с любопытством смотрела в нашу сторону. Я думал, она подойдет и будет нас уговаривать прекратить скандал. Но Нина сидела за партой и рассеянно листала книжку. Ей было интересно.

— Щукин, ты вызывающе себя ведешь, — торопливо говорит Люда, поводя на нас галочьими глазами. — Куклин, будь ты умнее — не связывайся!

Но я уже не хочу быть умнее. Я хочу изо всей силы ткнуть кулаком в Толькину рожу. Так ткнуть, чтобы он отлетел к стенке и умылся кровью.

— Лен, — громко говорит Щука, — кто это пыхтит, как паровоз? Не бык ли стоит под окном?

Грач, улыбаясь, распахивает окно.

— Не бык, — говорит он. — Это Губан пыхтит... Глядите, сейчас лопнет!

Я с размаху бью Щуку в лицо. Но кулак попадает в пустоту, а я получаю сильный удар головой в живот. Мне не вздохнуть. Проклятый Щука угодил в солнечное сплетение. Вокруг стоят ребята и смотрят на меня. И Нина Шарова смотрит. А я раскрываю и закрываю рот и чувствую, как мои глаза выле-

зают на лоб. Это самое паршивое дело, когда тебя ударят в поддыхало.

Щука прохаживается мимо меня, улыбается, гад! И острит чего-то...

— В другой раз обязательно захвачу из дому нашатырный спирт, — говорит Щука. — Здорово помогает при обмороках...

Дышать стало легче. Отпустило немного. Я нагибаюсь, зачем-то отряхиваю брюки. Мне нужно немного выиграть время. Щука уверен, что победа за ним. Я вижу его ноги. Штаны у него узкие и короткие. Носки в зеленую клеточку. Он небрежно постукивает ботинком о ботинок. Руки засунуты в карманы. Он улыбается. Уверен, что я получил сполна. Плохоты, Щука, знаешь Ганьку Куклина... Я быстро выпрямляюсь и сильно бью в скулу. На этот раз Щуке не удалось увернуться. Я с удовлетворением вижу, как Толькина голова мотнулась в сторону, а коричневые глаза сузились... Щука с поднятыми кулаками ринулся на меня, но тут между нами встал Олег.

— На улицу бы шли, — сказал он. — Тут и развернуться негде.

Щука попытался оттолкнуть его, но Бамбула стоял крепко, как стена.

— Не дури, — сказал он.

И тут из-за его спины выскочила Людка Парамонова.

— Ваше поведение мы обсудим на собрании — крикнула она.

— Делать нам больше нечего, — буркнул Олег.

Людка подбежала к Нининой парте, пошептала и снова крикнула:

— Ребята, прошу всех после уроков остаться!

— Говорил, шли бы на улицу, — проворчал Олег, когда мы усаживались за парту... — Теперь сиди из-за вас...

— Он мне в поддыхало дал, — сказал я.

— Подставлять не будешь.

Ко мне повернулась Нина и сказала:

— Дураки вы, мальчишки...

Я ничего не ответил. Мне было приятно, что она так сказала. Она видела, как я врезал Щуке. Пусть знает, что Ганька Куклин — человек решительный. Бесстрашный человек.

У Киры Андреевны хорошее настроение

Она пришла в класс веселая, с улыбкой поздоровалась. На ней было светлое платье шашками. Голые до плеч руки загорели.

— Кто из вас сегодня был в лесу? — спросила она, раскрыв журнал.

Из нас никто сегодня в лесу не был.

— Я так и предполагала, — сказала Кира Андреевна. — Вам и в голову такая мысль не пришла. До чего хорошо в лесу!

Удивила! В лесу, конечно, лучше, чем в классе. Это мы и без нее знаем.

— Весной в лесу делать нечего, — сказал Миша Комов. — Осенью — это да! Грибы, ягоды... А сейчас ни шиша!

Миша Комов любил на уроках с учителями разговаривать. Хлебом не корми, только дай на отвлеченную тему поговорить. Стоило учителю слово сказать, как он сразу подхватывал и начинал задавать вопросы. Мы не сердились на Мишу. Наоборот, одобряли. Пока Миша разговаривает с учителем — время идет. Глядишь, не всех вызовут к доске.

— Осень — осенью, — сказала Кира Андреевна. — А весна...

— ...весной! — ввернул Щука, поглаживая скулу. Крепенько я приложился! Желвак рос и рос. Одна щека стала вдвое больше другой. Даже нос в сторону отклонился.

— Какой воздух в лесу, — говорила Кира

Андреевна. — Идешь по бору — душа радуется. Листья на деревьях маленькие, нежные. И по-разному пахнут. И тишина. Слышно, как птенцы ворочаются в гнездах. А как они пищат, когда мать им приносит обед! Один птенец на моих глазах вывалился...

— Насмерть? — Это спросила Людка Парамонова. Она у нас очень жалостливая. К разным букашкам и животным. Щука как-то ей в парту положил большого зеленого кузнечика. Людка полезла за книжками и сломала кузнечнику длинную ногу. Очень расстроилась. Весь урок связывала ногу ниткой. А на перемене выпустила кузнечика на волю. Только он прыгать, как раньше, не стал. Так инвалидом и остался!

— Я его посадила в гнездо... — рассказывала Кира Андреевна. — Он сразу притворился мертвым. А потом снова стал пищать и разевать клюв... Кто сегодня пойдет со мной после уроков в лес?

— После уроков мы задерживаемся, — многозначительно сказала Людка. — А потом пойдем.

Прогуляться в лес выразили желание одни девчонки. Мальчишки шлятся по лесу с девчонками посчитали ниже своего достоинства. Очень интересно выслушивать их телячьи восторги: «Ах, какой цветочек! Ой, птичка! Вы посмотрите, что я нашла! Сосновую шишечку».

ку...» Любой мальчишка может забраться на дерево и натрясти этих шишечек — воз.

— Кира Андреевна, а что вы в лесу делали? — спросил Миша. — Гуляли, да?

— Я слушала кукушку... — сказала Кира Андреевна. — Ну, хорошо... а теперь займемся...

— Кира Андреевна, — не унимался Комов, — сколько лет она вам накуковала?

— Много...

— А в лесу...

— В лесу очень хорошо, Миша, — сказала Кира Андреевна. — Иди к доске, поговорим о задаче.

— Я лучше посижу, — сразу скис Миша. — Пусть кто-нибудь другой...

— Комов, к доске! — повысила голос Кира Андреевна.

Миша медленно выбрался из-за парты и нехотя поплелся к доске.

— Шукин, что это у тебя на щеке? — спросила учительница. — Пчела ужалила?

По классу прокатился смешок и умолк. Шука посмотрел на учительницу невинными глазами и спросил:

— На какой щеке?

— Будто не знаешь?

— Ах, на щеке! — Шука осторожно пощупал желвак. — Не-е, не пчела... Это скворец меня клюнул. Я сделал скворечник — живи

себе на здоровье — а он, разбойник, взял да и клюнул. Я чуть с березы не свалился. У него клюв, как кочерга...

Ребята затопали, захохотали. Кира Андреевна тоже улыбнулась. Она, конечно, не поверила, что скворец клюнул Шуку. Но и выяснять, откуда взялся на его щеке желвак, не стала. Уже достаточно поговорили. Пора перейти к уроку.

Бедняга Миша Комов, который из-за своей кукурузы опять не выполнил задание, пыхтел у доски. Мел крошился. Он стирал треугольник и снова чертил.

— Садись, Комов, — сказала Кира Андреевна. — Неважные дела у тебя дела.

— Я подтянусь, Кира Андреевна.

— Хорошая мысль, Миша, только поздно она тебе в голову пришла...

— Лучше поздно, чем никогда, — подал голос мрачный Шука.

— Поговорки ты, Шукин, знаешь, а вот как насчет задачки?

Шука задачку решил. Мелом по доске водил зло и решительно. Белые брызги летели во все стороны.

Кира Андреевна поставила ему пятерку. Но настроение у Тольки лучше не стало. Он втихомолку ощупывал желвак и бросал в мою сторону ненавидящие взгляды.

Прозвенел звонок.

Люда Парамонова выполнила свой долг

— Ребята, я считаю крайне необходимым обсудить недостойное поведение Шукина и Куклина, — так начала свое выступление Люда Парамонова. — На глазах всего класса они затеяли безобразную драку...

— На глазах нехорошо, — перебил Олег. — Могли бы во дворе подраться.

Люда пропустила это несущественное замечание мимо ушей и продолжала:

— Затянули драку, избив друг друга. Поглядите, какой синяк у Шукина! И это пионеры, которые носят на груди красные галстуки! Наша пионерская организация не должна пройти мимо этого возмутительного факта. Вспомните, ребята, каким пионером был Павлик Морозов. Он не дрался...

— Откуда ты знаешь? — спросил Шука.

— Павлик был настоящий пионер. Он любил свою Родину и...

Эту Людку невозможно было слушать. Ну, причем тут Павлик Морозов? Она при каждом удобном случае приводила в пример Пав-

лика Морозова. Все и так знают, что Павлик — герой. Настоящий пионер. Ему памятник поставили.

А тут совсем другое дело. Была драка. В классе. Драться пионерам не к лицу. И пионерам тоже драться не к лицу. Но факт остается фактом: драка была. Кто виноват? Не Павлик же Морозов! Виноват Шука! Все видели, что я его ударил после того, как он меня. Значит — Шуке надо всыпать по первое число.

Однако все повернулось не так, как я ожидал...

После «яркой» речи нашего председателя наступила пауза. Долго никто не брал слова. Наконец подняла руку Нина Шарова. Решила поддержать подругу. Тряхнув прической, она сказала:

— Пусть сами расскажут, из-за чего разгорелся сыр-бор!

— Правильно, — загудел класс. — Пусть расскажут... Давай, Шука.

— Чего рассказывать? — не вставая, сказал Толька. — Таких, как Ганька, нужно из рогатки уничтожать.

— Не стыдно? — воскликнула Люда.

— Всё, я сказал.

— Теперь ты, Куклин.

Я в нерешительности поднялся. Не успел подготовиться, поэтому не знал, с чего начинать. Я не люблю выступать. Не оратор я. Но тут у меня столько зла накопилось, что я решил высказаться. Я рассказал, как Щука устроил под нашими окнами кошачий концерт, как мы всю ночь после этого не спали. Говорил, что Щука — первый задира в школе и задавала. И что вообще таких людей нужно исключать из пионеров. Заодно лягнул и Грача. Сказал, что он — бесхарактерный человек. Куда ветер подует, туда и он. Раньше я не думал, что Ленька такой, а вот тут пришла в голову мысль. Чем я больше говорил, тем больше самому нравилось. Я бы долго говорил, да Олег за штаны потянул. Когда я плюхнулся на место, то был уверен, что Толькина песенка спета. Сейчас выступают другие, проголосуем и...

И тут все пошло наоборот. Выступил Грач и обозвал меня жадиной и мелким собственником. И про нож, который я ему не дал, припомнил. Потом взял слово Миша Комов. Он присоединился к Грачу. И еще сказал, что у меня гнилое нутро и что я не из тех, с кем бы он, Миша Комов, пошел в разведку. На счет разведки он слизал у летчика, который выступал у нас в школе в день Советской Армии. От Миши я такого не ожидал. Вот тебе и хороший парень. Кукурузовод. А я еще, дубина, хотел с ним дружить! Поднялся с места Игорь Воронин. Это тихий худой парнишка. Он каждую зиму болеет ангиной. И даже за партой до апреля сидит в шарфе. Он один в классе, кто носит очки. Игорь всегда казался мне парнем умным, начитанным. И вдруг понес такое, что мне захотелось в него чернильницей запустить. Он говорил, что я оторвался от коллектива, что у меня тяжелый характер, что от меня можно в любой момент ожидать подлости.

Это уж слишком! Я вскочил с места и хотел дать Игорю по очкам, но Олег снова потянул меня за штаны.

— Слушай, — сказал он. — Дело говорят.

Потом выступили три девчонки из тех, с которыми не разговаривают. Они тоже напустились на меня. Им-то что надо? Соли я им на хвост насыпал?

Я уже перестал слушать, что говорили обо мне. Одно плохое. Ни слова хорошего. Как сговорились. И с этими людьми я столько лет

учился! Жалко, что нет близко другой школы. Завтра бы перешел.

Не выступила против меня только Нина Шарова. Она настоящая девчонка. Не зря мне понравилась. Раз не выступила, значит не считает меня таким, как все.

Удивил меня и Олег. Раньше я что-то не замечал, чтобы он выступал, а тут медленно поднялся из-за парты.

— Чего это вы все накинулись на Куклина? — сказал Олег. — Я согласен, что он не Павлик Морозов и не Тимур. Но нельзя же так... Куда же мы все раньше глядели? Рядом живем, вместе учимся, а от сбора до сбора не видим ничего вокруг? Не годится так. У Куклина много недостатков. И все тут говорилось правильно. Если он парень с головой — сделает выводы.

— А если без головы? — спросил Щука.

Олег посмотрел на него.

— Ты тоже хорош гусь. Сидишь со своим синяком, как именинник... Доволен, что не тебя ругают.

— Ругайте, — сказал Толька.

— Бесполезно, — заметила Люда, — не доходит.

— Давайте, ребята, кончать, — сказал Олег. — Надоело.

Хотя меня и ругали в сто раз больше Тольки, наказали нас одинаково: по выговору влепили. А если разобраться, то Щуке все равно больше досталось: выговор и синяк на скуле. А у меня один выговор. А брань, как говорит мой дядя, на вороту не виснет.

Из школы я возвращался один. Щука и Грач с другими ребятами ушли раньше. За ними — Олег. А я самый последний. Я нарочно после всех встал из-за парты. Мне не хотелось идти с ребятами. Какие это товарищи? Очень хорошо, что они выговорились. Теперь я знаю, чего каждый стоит. Да я сам ни с одним из них не пойду в разведку! Разве только с Бамбулой...

Настроение у меня было паршивое. Меня еще никогда так крепко и долго не ругали.

— Куклин! — услышал я голос Нины Шаровой. Я как раз проходил мимо ее дома. Она стояла у калитки.

— Плевать я на них хотел, — сказал я, оттаптываясь. — Подумаешь, разорались!

— Куклин, — спросила Нина, — ты смелый?

Я уставился на нее и не нашелся, что ответить. А она серьезно посмотрела на меня и ждала. Замок на ее портфеле сиял. И часы на руке — сияли.

— Я бы расплакалась, если бы меня так ругали, — сказала она.

Я еще больше удивился. Не хватало, чтобы я заплакал!

— Мне смешно было слушать их глупые речи, — сказал я.

— Куклин, а ты со Щукиным справился бы?

— Видала, какой я синяк ему поставил?

Нина улыбнулась, поддала коленкой портфель и повернулась ко мне спиной.

— Какой час? — зачем-то спросил я. Ведь сейчас не урок и время меня не интересовало.

— До завтра! — сказала Нина. Она поднялась на крыльцо и помахала мне рукой.

Когда на озере нет клева

Домой идти не хотелось. К дяде зайти? Не стоит мешать. Вот уже третий день стучит он топором на зерносушилке. Привезли тес и гвозди. Ничего не поделаешь, надо строить. Бригадир глаз не спускает с него. На дню несколько раз приходит на стройку. Дядя даже позеленел от злости. Больше не улыбается бригадиру. За это время он ни разу не вырвался на рынок. А цены на зелень и овощи с каждым днем падают. У всех на огородах поспел лук, укроп, салат. И курицы стали хорошо нестись. У всех, не только у дяди.

Схожу-ка я на озеро. Посижу с удочкой. Ребята говорили, что с неделю как плотва стала хорошо брать. Я этой весной еще ни разу не ловил. Пойду попробую.

Я тихонько пробрался в сени, схватил удочку и — бегом из дому. Мне повезло. Мать была в огороде и не заметила.

Проселочная дорога к озеру тянулась вдоль поля. Озимая рожь стояла высокая, зеленая. Над полем пролетали жуки. В одном месте кто-то на телеге заехал в рожь и оставил две глубоких колеи. Пройдет еще несколько дней, и во ржи засинеют васильки.

Небо над головой синее. Солнце припекало макушку. Пожалуй, сейчас плотва не будет клевать. Жарко. А вот к вечеру — другое дело.

До самого озера навстречу никто не попался. Все на поле. Где-то далеко стрекочет трактор.

Я отыскал ржавую консервную банку, палкой наковырял в куче прелых листьев красных червей. На такого червя любая рыба возьмет. Кучу снова прикрыл листьями, чтобы не заметили, что я тут ковырялся. А то живо разворочают и не оставят ни одного червяка.

У самого берега из воды торчали черные сваи. Я взобрался на толстый трухлявый пенек, спустил вниз ноги и приготовил снасть. Червяк не очень-то охотно садился на крючок, норовил сползти, но я с ним живо справился. Закинув удочку, я уставился на поплавок и стал думать. Когда рыба берет, невозможно о другом думать, а вот если поплавок не шевелится — думай сколько влезет. Все равно больше делать нечего.

Высокий камыш лениво шевелился, поскрипывал. Стрекозы взлетали, снова садились на длинные листья. В воде суетились паучки и букашки. Окунь не спешили брать. Вода еще холодная на глубине. Станет потеплее, от окуня отбою не будет. Посередине озера — небольшой остров. На нем стоят несколько сосен. У берегов — кусты. В камышах прячутся утки. Я видел, как они садятся в воду. Один раз видел гагару. Гагара близко проплыла мимо меня. Она плыла, как корабль. Большая, серая, она не спеша обогнула остров и скрылась с глаз.

У острова ударила щука. Раз, другой. Я видел, как разбежались круги и закачалась осока. Щуки водились в Белом. На моих глазах дядя Давид поймал на блесну щуку с метр. Она минут двадцать таскала лодку по озеру. А потом дядя Давид подплыл к берегу и вытащил ее. В щучью пасть свободно могла влезть вся моя рука. Говорили, что на этом озере вылавливали щук по шестнадцать килограммов. Я не видел и врать не буду. Раньше щук было много, а теперь каждую субботу из города приезжают на машинах с ночевкой. Всех наших щук повыловили на спиннинг. Хорошо, что еще сетями запретили ловить, а то бы нам на озере и делать было нечего.

Поймать бы мне щуку на полпуда! Я бы взвалил ее на плечо, как дядя Давид, и понес через всю деревню домой. Пускай бы люди смотрели. На удочку щуку не поймает. Она не дура: на червя не берет. Хотя случалось ребятам вытаскивать на удочку полукилограммовых щурят. У меня тоже в прошлом году один взял, да у самой лодки сошел с крючка. Я видел, как мелькнула в воде его полосатая спина. Хороший был щуренок.

Что же все-таки сегодня произошло? Почему ребята так ополчились на меня? Я никому ничего плохого не сделал. Ни разу словом плохим не обмолвился ни с кем. Кроме Грача. Ну и Щуки, конечно. А Щука с каждым успел поругаться по нескольку раз.

Я снова представил весь этот сбор, и мне захотелось нырнуть в озеро и больше не вы-

ныривать. Пусть им совестно станет. Угробили хорошего парня. Не за по-
ных табаку...

Нырять я, конечно, не буду. Пусть
лучше Шука ныряет. У него и прозви-
ще подходящее. А с ребятами все кон-
чено. Ни с кем не буду здороваться.
И разговаривать. Только с Бамбулой.
Ну и с Ниной Шаровой буду. Она
против меня не выступала.

Почему Миша Комов выступил,
я знаю. Я ему из резинки залепил в
шею. Вот он и отомстил мне. А Игорь
Воронин? Он-то почему? И тут я
вспомнил: еще в начале учебного
года, когда нам только что выдали
новенькие учебники, Игорь попросил
у меня задачник. Свой, видите ли, он
дома забыл. Я ему не дал задачник.
У него руки были грязные. Он сва-
лился с турника и измазал руки в
грязи. Я видел, как он потом вытирал
их о штаны. А я как раз перед этим
все учебники в чистую бумагу обер-
нул. Дай ему задачник — испачкает
весь. Наверное, запомнил это Игорь.
И вот сегодня высказался.

Грач заявил, что я жадина. Не дал
ему ножик! Я почему-то ни у кого
не клянчу ножки. И задачники не
прошу. Все, что полагается, у меня
при себе. Лучше быть жадиной, чем
попрошайкой.

Не жадный я, просто бережливый. Люблю,
чтобы все лежало на месте. А так можно все
до последней нитки раздать. Мой дядя никому
ничего не раздает. И тете Матрене запрещает.
У настоящего хозяина, говорит он, все до по-
следнего винтика должно быть в доме. А тот,
кто шляется к соседям за каждой ерундой,
тот не хозяин. У глупых людей, говорит дядя,
и грош скачет, а у нас, Скопцовых, и рубль
плачет. У моего дяди всё есть. И у нас дома
всё, что полагается, есть. Моя мама тоже бе-
режливая. И меня приучила к порядку. Когда

маму называют ску-
пой, она говорит: ску-
пость — не глупость.
Лучше покупиться,
чем промотаться. Ма-
ма и дядя друг друга с
полуслова понимают.

У папы другой харак-
тер. Вернее, у него нет
характера. Так в один
голос говорят мама и
дядя. Поэтому он их и
слушается. Мама и дя-
дя, как хотят, коман-
дуют отцом. Он делает
все, что они велют. Не
хотел в этот раз везти
олифу, говорил, что он
не верблюд. А приве-
зет. Это я точно знаю.
Папа не бережливый.
Он может всё другим
раздать. И постесняет-
ся напомнить, чтобы
отдали. Это разве де-
ло? Деньгами в доме
распоряжается мама.
Она даже на пиво вы-
дает отцу. Раз в неде-
лю после бани. Папа
любит пиво. Он может
каждый день пить.
Мама говорит, что это
вредно. А раз в неделю
после бани, пожалуй-
ста, пей. Один раз не
вредно...

Интересно, почему
Вовка Гаврилов вы-
ступил против?

Я стал вспоминать,
чем мог обидеть его. И
вспомнил! Во второй,
кажется, четверти мы
отправились на лыжах
в деревню Рябинкино.

Там во время войны геройски погиб пионер.
В честь его подвига мы совершали лыжный
поход. Зима в этом году была какая-то кве-
лая: то мороз, то оттепель.

Вышли из Крутого Оврага — снег держал,
а через пять километров стали попадаться
лужи, а потом вообще ехать дальше нельзя
было. Ну, я и сказал — давайте, други, вернем-
ся домой. Нечего дурака валять. Подморозит,
тогда и съездим на могилу к отважному пио-
неру. Не тащить же семь километров лыжи на
себе? Меня никто и слушать не стал, обозвали

паникером. Я хотел было повернуть назад, да одному скучно возвращаться. Впереди меня шел Вовка Гаврилов. Я ему и сказал, дескать, давай, пока не поздно, повернем оглобли назад. «А как другие?» — спросил Вовка. «У других своя голова на плечах, — ответил я, — другие как хотят». С нами шла Кира Андреевна. Она давно сняла свои беговые желтые лыжи и несла на плече. Дорога была скользкая — гололед, и кое-кто из ребят уже успел плюхнуться в холодную лужу. Кира Андреевна сама предложила им вернуться домой. Но ребята заартачились, не захотели и слушать: шлепали по лужам дальше. Так что нас силком не заставляли идти в Рябинкино. Кто пожелает — мог повернуть назад. Я, например, пожелал. Думал, уговорю этого дурака Вовку, пойдем потихоньку вместе. Все веселее, чем одному. Но Вовка не только не пошел со мной, а еще обозвал меня как-то нехорошо, я уже забыл. Я не выдержал и стукнул Вовку лыжей по кумполу. Надо же, не забыл... Иначе зачем бы он выступал против меня?

Хотя рыба все еще не клевала, я немного повеселел. Теперь мне стало ясно, что меня сегодня крыли на сборе за старые обиды. А раз так, значит, незачем мне и перевоспитываться. Ничего плохого я не сделал. Уж такие ребята в нашем классе, злопамятные.

Надоело мне глядеть на поплавок. Нет клева. В прошлом году не успевал рыбу таскать, а тут два часа сижу — ни одной поклевки. Я загадал: сосчитаю до ста, если за это время не клюнет — пойду домой.

На девяносто третьем счете поплавок дернулся, подпрыгнул и лег на бок. У меня заколотилось сердце: так брал лещ! Это его по-

вадка. Я выждал время, пока поплавок не пошел в сторону, приподнялся на своем пне и резко подсек. Удилище изогнулось в дугу. Потом медленно стало выпрямляться. Я видел, как поднялись над водой острые черные плавники. Лещ шел спокойно, уверенно. Он не метался из стороны в сторону, как дурашка-окунь. Я подвел леща к сваям, ухватился за жилку, потянул... Сколько раз я себе говорил: «Купи подсачок!» Лещ приподнял немного голову, кивнул мне и все так же спокойно пошел в зеленую глубину, дальше, мимо свай. На всякий случай он прихватил на память о нашей встрече крючок с куском жилки.

Разве могла моя тоненькая жилка выдержать двухкилограммового леща? Вот почему лещ спокойно шел ко мне в руки. Знал подлец, что я его не поймаю!

Я вспомнил магазин спорттоваров. На полке стоял капроновый подсачок на бамбуковой ручке. Он стоил недорого! Почему я не купил его? Жалко было тратить деньги... А сегодня такого леща упустил!

После такой неудачи на озере делать было нечего. Этаким красавец может раз в три месяца сесть на крючок. Причем, если каждый день на озеро ходить будешь. Лещ — рыба осторожная. Я представил на мгновение, как завтра на переменке расскажу ребятам, как сошел лещ с крючка. Ведь не поверят, черти полосатые!

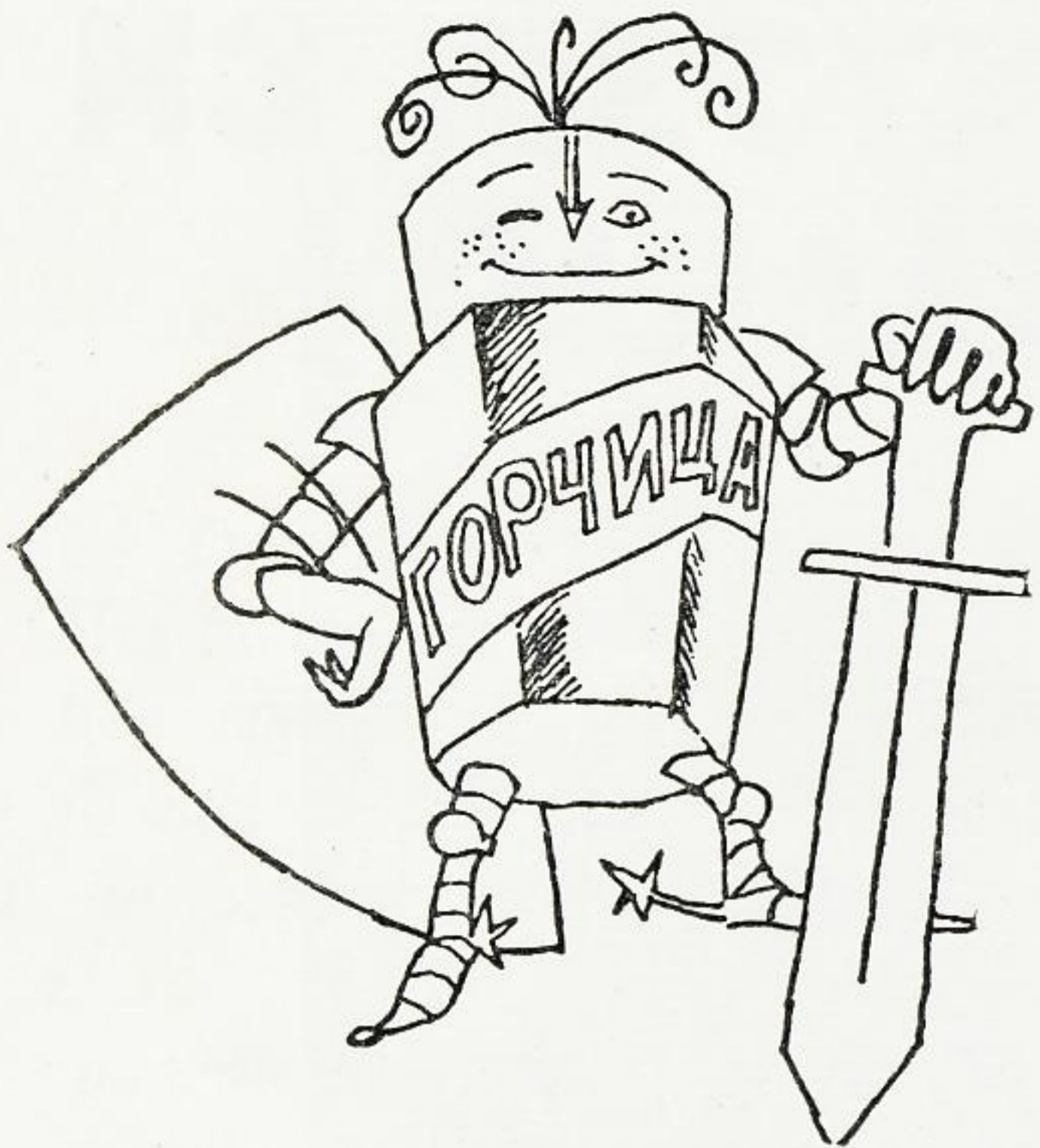
Совсем забыл! Ничего я завтра не расскажу ребятам...

Уже по дороге домой я вдруг подумал: все-таки это очень плохо, когда некому рассказать, что с тобой произошло на озере Белом.

(Окончание следует)

ЛЕТУЧИЕ ПОМОЩНИКИ

Н. Владимирская

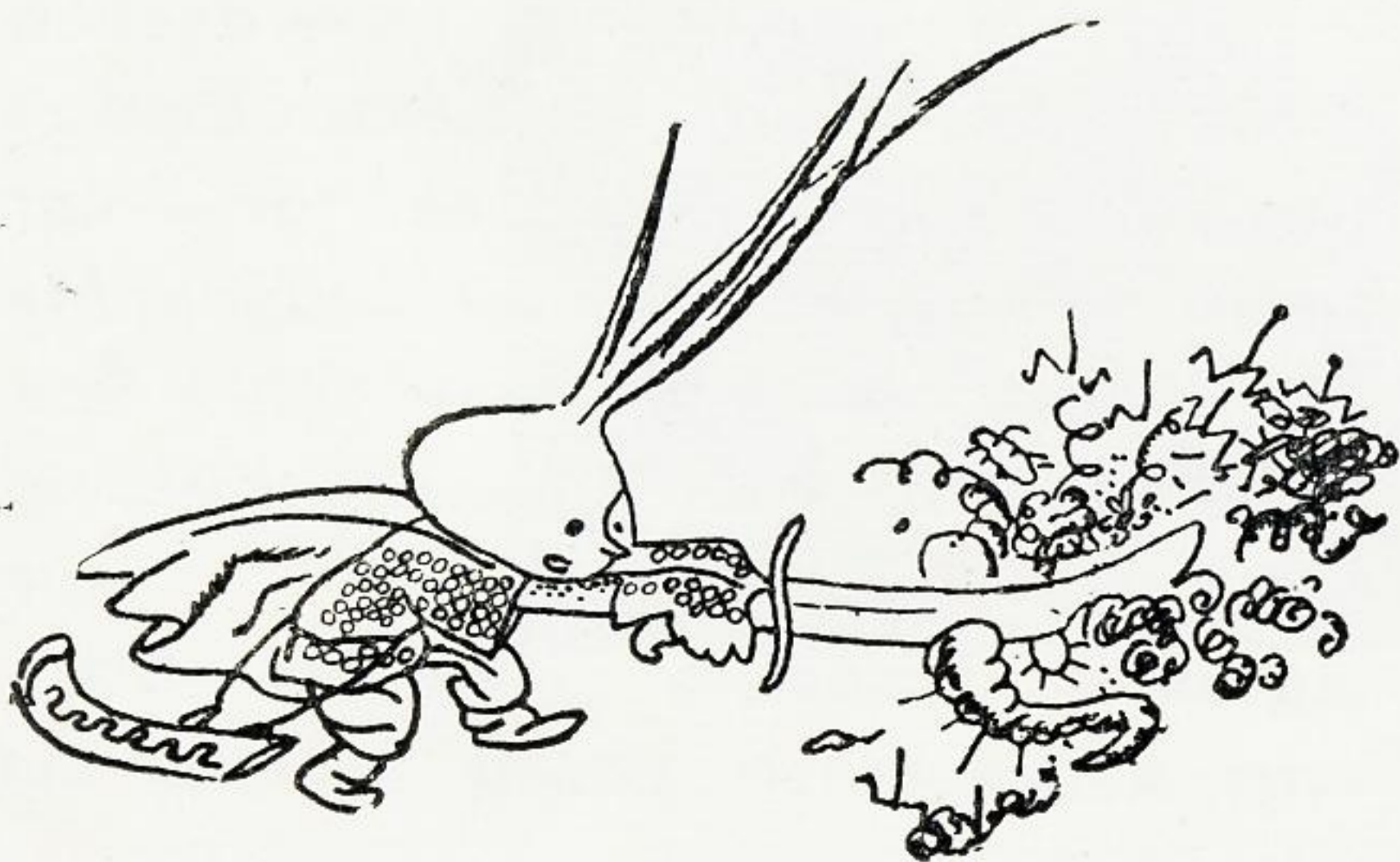
Почему жители небольшой английской деревни Броклей Кресент и стар и млад проливают слезы? Плачут даже их четвероногие друзья. Может быть, они переживают дни тяжкого бедствия?

Нет, дело обстоит проще. Для фабрики овощных консервов население деревни обрабатывает лук. Его очищают, режут в каждом доме. Кругом — отходы лука. Ну, а глаза человека и животных плохо переносят этот едкий запах.

Художник посмотрел в лупу на каплю воды. Там шевелилась гидра — обитательница озер, прудов, тихих речек. Попробовал нарисовать ее портрет, но она беспрестанно двигала щупальцами, ее тело-мешок сокращалось, переваривая пищу. Еле-еле нарисовал.

А соседний рисунок художник закончил без труда. Он нашел только остатки гидры — ее разрозненные мертвые клеточки. Гидра погибла... Отчего? Возле капли воды положили немного накрошенной лимонной кожуры. Приятный для людей запах лимона — яд для крохотной гидры.

Почему никто не остановил этого человека? Почему позволили ему бросить в колодец охапку полыни? Ведь трава загрязнит воду!

Не беспокойтесь. Полынь очистит воду колодца, если на дно его попала дохлятина. Полынь убьет всех гнилостных бактерий, и воду можно будет пить.

Хороша трава полынь! Ее запах, горьковатый и пряный, воспет поэтами. Правда, хозяйки ценят ее больше за то, что она изгоняет блох.

В этой закрытой банке кусок мяса находился целый год и остался свежим! Даже под микроскопом не удалось обнаружить в нем и следа плесени. Даже самые тонкие волокна мышц ничем не отличались от свежих. Что помогло? Насыпанные на дно горчица и листья лавровишни.

Множество таких вот опытов говорят, что скоро рыба, овощи и фрукты будут годами сохраняться свежими не только в банках, но и на складах и в хранилищах.

Лук, лимон, полынь, горчица, лавровишня, хрен, хвоя, чеснок... Эти растения вырабатывают удивительные летучие вещества. Вещества, способные иногда в доли секунды убить другие организмы. Это — фитонциды (по-гречески «фитон» — растение, «циде» — убиваю), настоящие летучие убийцы бактерий, микробов, простейших организмов.

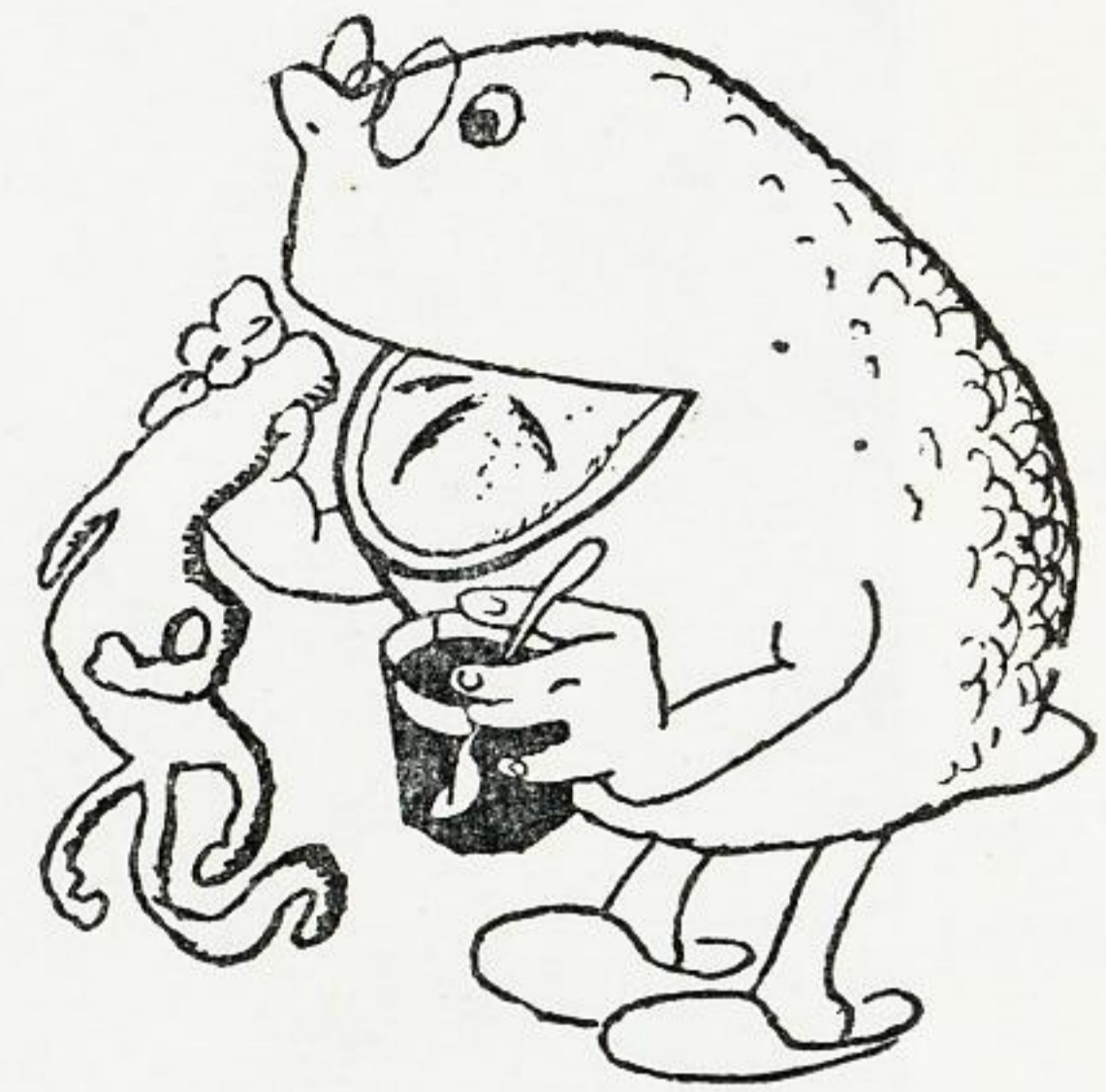
Фитонциды лука — рекорсмены. Они убивают туберкулезную палочку (правда, вне организма), возбудителей брюшного тифа и холеры, уничтожают плесень и гниение овощей и фруктов.

Армию незримых летучих убийц человек заставил служить себе в медицине, промышленности, сельском хозяйстве.

Везде, где идет борьба с грозным невидимым миром бактерий, возбудителей болезней и гниения. Надо только уметь использовать замечательные свойства фитонцидов.

Между рядами крыжовника высажены томаты. И кусты здоровы, и ягоды созрели. На соседнем участке нет томатов, и крыжовник источен вредителями — огневкой и пилильщиком. Поражены корни, побеги, ягоды...

Фитонциды томатов — добрые друзья крыжовника. Выходит, название фитонцидов подчеркивает только одно свойство этих веществ. На самом деле они враги одних организмов и друзья других.

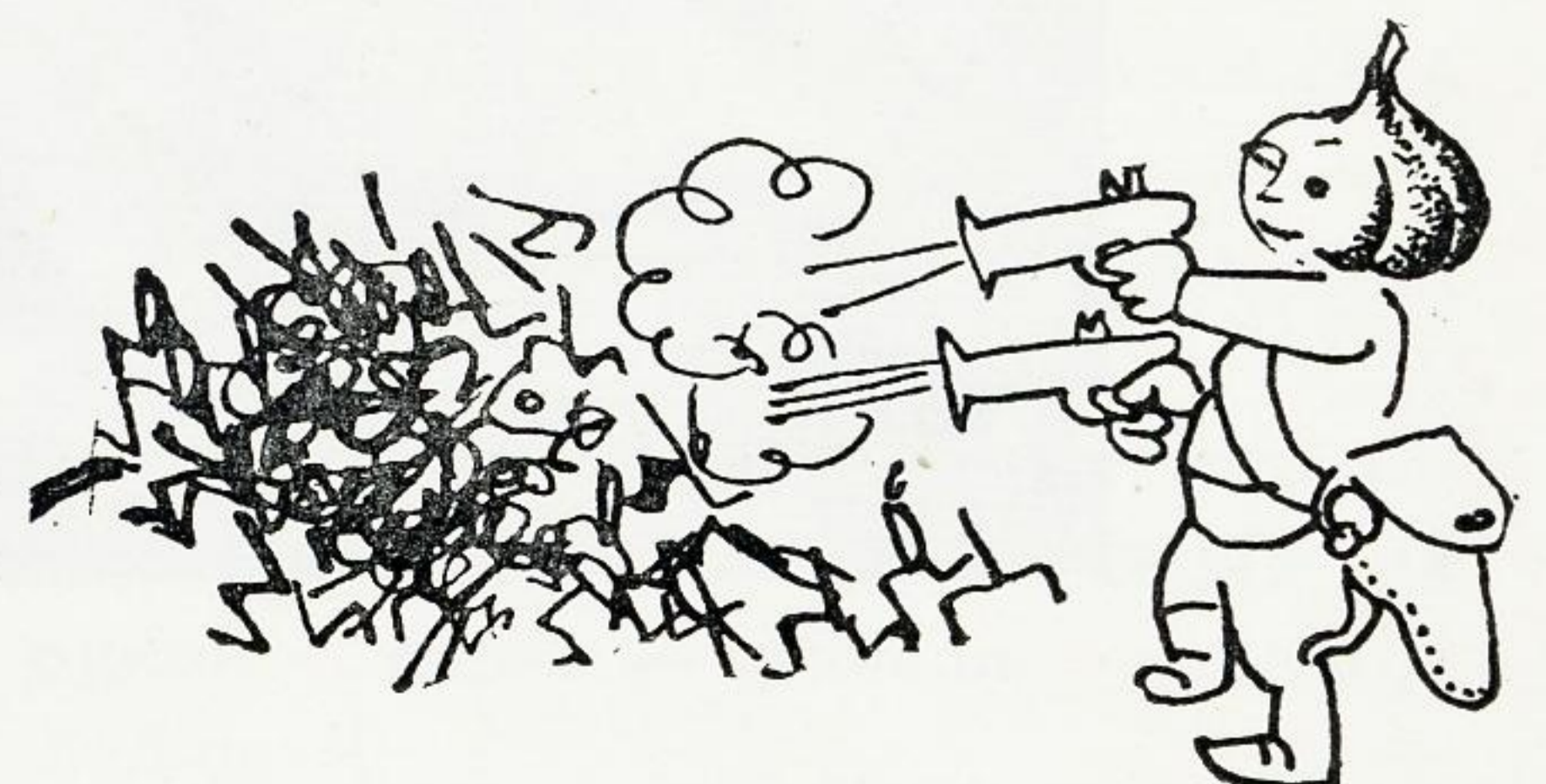
Ландыши и сирень «ненавидят» друг друга: сирень вянет в соседстве с ландышами. А роза и лилия как бы поддерживают друг друга. Оно и понятно — в природе идет борьба, существует и взаимопомощь.

В июне вы взяли хвою, нарезали ее иглы и смочили их в воде. От одной капли этого настоя инфузория погибла мгновенно.

А в ноябре? Инфузория долго сопротивлялась. Только через два часа подействовали на нее фитонциды хвои, и она перестала проявлять признаки жизни.

Почему? Да потому что одно и то же растение в разные времена года или даже время суток по-разному вырабатывает летучие вещества. Листья черемухи фитонцидны весной и летом, а осенью теряют свою силу. Фитонцидность зависит даже от сорта. «Испанский» лук убивает вредителя ячменя, а сорт «Валенсия» никак не влияет на него.

С незапамятных времен люди употребляют лук, чеснок, апельсины и лимоны, знают полезные свойства черемухи, хвои. А изучать летучие вещества ученые стали меньше полувека тому назад. Очень много здесь сделал советский ученый Б. П. Токин и его сотрудники. И сделают еще больше. Залог тому — знания, которые уже вырваны у природы.

Venceremos!
Победим!

ТРОЕ ИЗ ШЕСТИ МИЛЛИОНОВ

— Ты был там?

— Мы были там все.

— Все трое?

— И еще шесть миллионов. У острова не может быть тыла. Только фронт.

И разговор пошел о Плайе-Хирон — золотом тропическом пляже, превратившемся в поле битвы. Перебивая, дополняя друг друга, они вспоминали 72 часа, три дня: 17, 18 и 19 апреля 1961 года.

...Ночной звонок в штабе армии: докладывает батальон Сьенфуэгоса. В районе Плайе-Хирон высадился десант наемников. На горизонте вражеские корабли. Будем держаться до конца. Патриа о муэрте!

Рассказывает Модесто:

Наши орудия стояли у самого тростникового поля. Нас было человек тридцать, не больше, и все — необученные милисьянос из местных крестьян. Стрельба слышалась уже близко. Говорить никому не хотелось. Только командир, седой капитан, приехавший утром из города, шутил без конца.

Оказалось, что еще вчера он лежал в больнице — недавно с ним случился инфаркт. Но, услышав об интервенции, он удрал: «Если умирать, так уж не на койке».

И тут над нами молнией пронесся самолет янки. Раз, еще и еще. Вокруг снапами взрывались бомбы. Захотелось упасть на землю, закрыть глаза... И вдруг я вижу — наши яростно стреляют в самолет. Из чего попало — из ружей, из пистолетов, просто швыряют камни... А капитан — тот во всю глотку хохочет: «Молодцы, так его, так!» Тут никакой страх не устоит, не говоря уже о самолете — мы его сбили, конечно.

Но ликовать оказалось некогда. На дороге резко остановился гру-

зовик с взрывчаткой. Когда мы подбежали, шофер был уже мертв.

— А ведь его ждут, братья! — задумчиво сказал капитан. — Только как проедешь, по такому огню...

И тут же какой-то парень молча сел за руль и спокойно повел машину. Через несколько часов он пришел назад и доложил капитану, что задание выполнил.

— Как его звали?

— Не помню. Да и не имеет значения — он ведь просто опередил других.

Рассказывает Рамон:

Я в те дни находился на летной базе. Самолетов у нас было меньше, чем летчиков, и все такие старые машины, что еще вчера мы стыдились на них летать. Но Фидель позвонил с передовой нашему капитану и сказал:

— Каррера, надо потопить главный корабль с червями!

И Каррера выполнил приказ.

— Как?

— Да вот так. Как летчики выполняют боевые приказы? Мы в тот день сбили еще восемь самолетов. А наши машины — шесть их было, понимаете, только шесть! — все вернулись на базу. Даже смертельно раненный пилот Иллоа привел машину домой.

А он ведь даже не был кубинцем, этот танцор и весельчак, Красавчик, как мы его звали. Он приехал к нам из Никарагуа — чтобы бороться...

Рассказывает Карлос:

18-го утром наш отряд взял в плен десять интервентов, и одного я узнал: мы с ним три года подряд сидели в школе на одной парте. На минуту у меня даже голова закружилась. Но тут он тоже меня узнал, и сразу повалился в ноги, залился

слезами: «Не убивай, пощади, вспомни!»

Я ему приказал встать. И успокоиться: мы пленных не убиваем. Остальных увели, а этого я решил не отпускать от себя.

Показал ему своих солдат — подростков из Организации Молодых повстанцев. Старшему шестнадцать лет. Они не спали уже больше суток: перед боем они еще рыли окопы.

Был там один мальчик, Альберто, худенький блондин лет двенадцати. Когда убили нашего фельдшера, он стал помогать врачу. Врач отпустил его через восемь часов: «Тебе надо спать. Операция не для детских нервов». Альберто замаялся. И попросил разрешения вернуться в окоп.

И еще у нас был один старик — черный, худой, как мачете. Очень старый — если у негра седые волосы, ему не меньше семидесяти. Он ни на шаг не отставал от ребят, тоже стрелял и рыл окопы. Только я заметил, что он то и дело морщится и хватается за бок. «Что с тобой?» — «Ничего». — «Ты болен?» — «Так, щиплет что-то»... Насилу потащил к врачу. Оказалось — приступ аппендицита.

С каким трудом уговорили его остаться в госпитале, — он все твердил: «Перетерплю».

— А если упадешь? Ведь тебя не оставят, понесут в госпиталь. Сколько для этого надо человек?

— Двое.

— Итак, скольких мы тогда солдат потеряем?

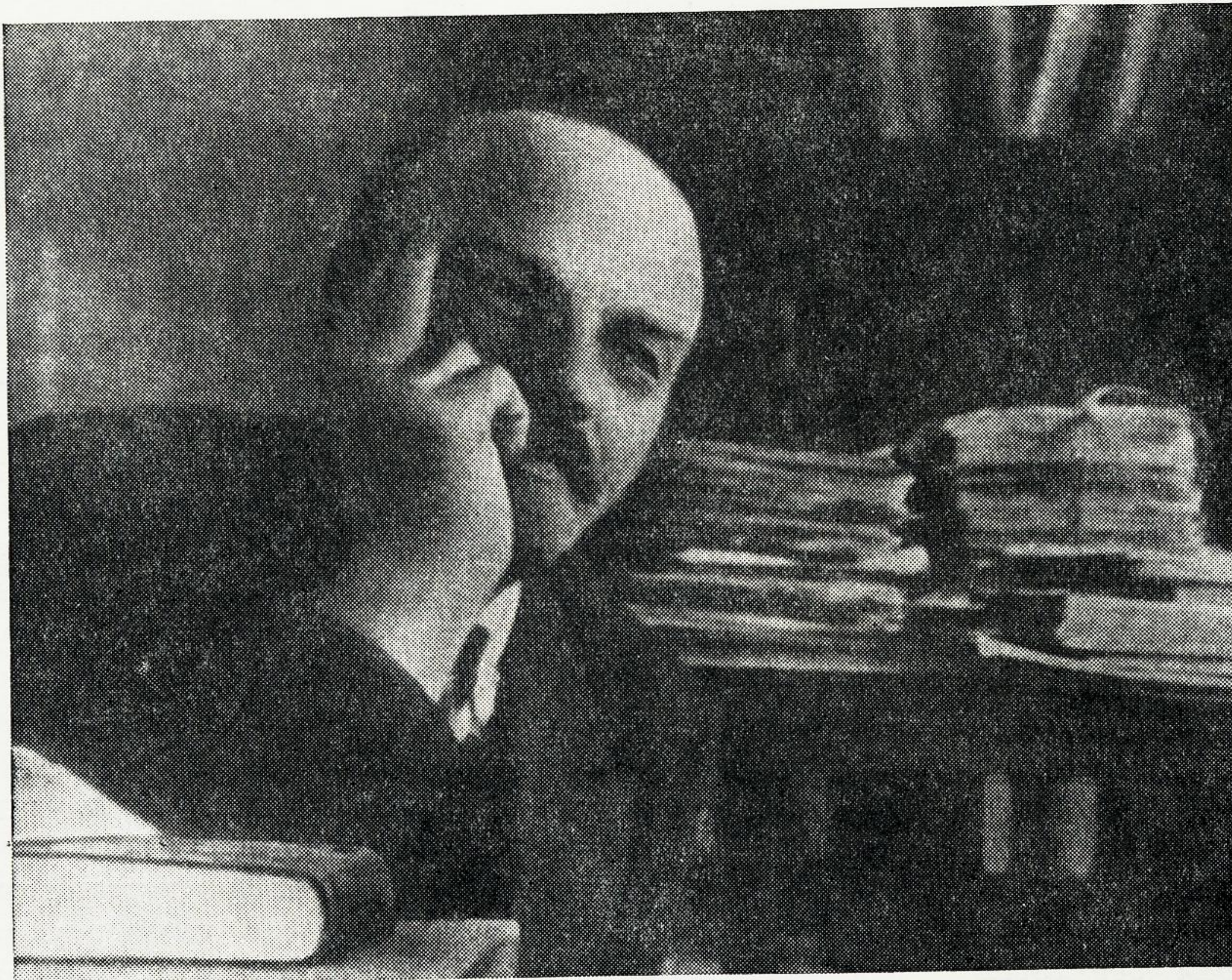
— Трех.

— А если ты сейчас останешься в лазарете?

— Одного. — И нехотя отдал свой миномет.

— Что, — спросил я тогда того гада, с которым когда-то сидел на одной парте, — узнаешь родину? Видишь?!

Записала М. Яхонтова

ВОЖДЬ МЕЧТАЛ—НАРОД ВЫПОЛНИЛ

Если бы Владимир Ильич Ленин мог посмотреть то, что сделал народ, какие творит чудеса, преобразуя свою свободную страну, он снял бы кепку и низко поклонился! То, чем жил Ленин, что он планировал, о чем он мечтал, сейчас наш народ, партия успешно претворяют в жизнь!

Н. С. Хрущев

„12 тысяч киловатт — очень скромное начало. Быть может, иностранец, знакомый с американской, германской или шведской электрификацией, над этим посмеется. Но хорошо смеется тот, кто смеется последним“.

В. И. Ленин

За один только 1961 год в Советском Союзе создано столько новых электростанций, что страна получила еще семь миллионов киловатт энергии в год. Это почти в шестьсот раз больше той цифры, которую назвал Ленин в 1921 году.

Да, хорошо смеется тот, кто смеется последним!

«Мы Россию всю, и промышленную, и земледельческую, сделаем электрической».

В. И. Ленин

За последние десять лет колхозы и совхозы в пять с лишним раз больше, чем раньше, потребляют электроэнергии. Недалеко время, когда будут электрифицированы все колхозы и совхозы нашей страны.

Ленин писал в январе 1920 года:

„...Красин говорит, что электрификация железных дорог для нас невозможна. Так ли это? А если так, то, может быть, будет возможна через пять-десять лет? Может быть, на Урале возможна?“

Более 15 000 километров электрифицированных железных дорог в нашей стране. СССР заслуженно занимает первое место в мире! Магистраль Москва — Байкал длиннее всех электрифицированных дорог США.

Январь 1920 года. Радиолaborатория в Нижнем Новгороде произвела первую опытную радиотелефонную передачу на Москву.

„Газета без бумаги и „без расстояний“, которую вы создаете, будет великим делом. Всяческое и всемерное содействие обещаю Вам оказывать этой и подобным работам“.

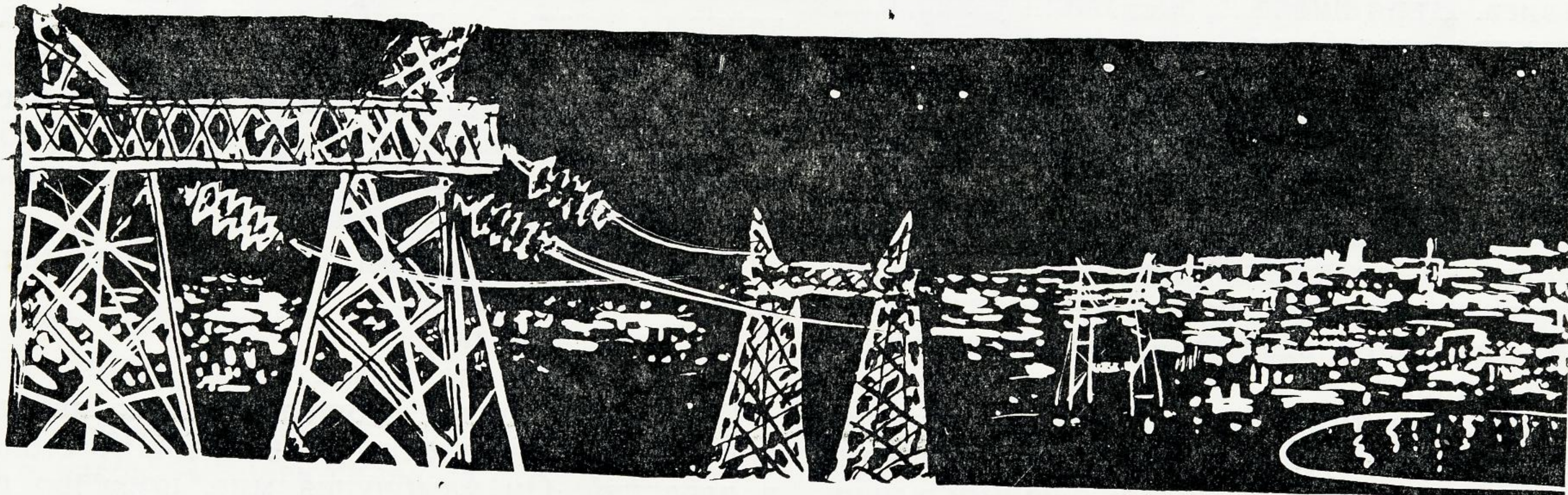
(Из письма В. И. Ленина М. А. Бонч-Бруевичу, руководителю лаборатории)

Теперь по мощности радиостанций СССР занимает первое место в Европе и второе — в мире.

„Если бы могли дать завтра сто тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия), то средний крестьянин сказал бы: „Я за коммунию, то есть за коммунизм“.

В. И. Ленин

Теперь на колхозных полях у нас работает больше миллиона тракторов. Лишь в прошлом году тракторные заводы выпустили свыше двухсот тысяч замечательных машин.

Как я познакомилась с В. И. Лениным

Т. К. Неслуховская

Рисунок Н. Лямина

Мое самое первое воспоминание: мы сидим с Сережей на ковре. Между нами лежит портрет его императорского величества Николая II и государыни Александры Федоровны.

Мы сидим с Сережей и протыкаем портрет булавками. Булавки туго входят в меловую бумагу. Дверь открывается, и в комнату заглядывает баба Агаша. Сережа быстро сдвигает ноги и прячет портрет. Я зажимаю булавку в кулаке. Сережа забыл про булавку, и баба Агаша, видя, что мы что-то прячем, начинает подозревать:

— А что вы тут делаете, детки?

Сережа прячет за спину руку с булавкой и отодвигается. Открылся портрет царя и его проколотой супруги.

— Ой, господи!..

На шум выглянул отец из кабинета, а баба Агаша подняла портрет и сказала горько:

— Зачем же вы такую хорошую бумагу испортили!

Отец посмотрел на портрет, на нас и стал смеяться. Так и остались нянины причитания семейным анекдотом: «Зачем вы такую хорошую бумагу испортили!»

Мы росли, слушая дома политические споры и разговоры о том, «что же будет с бедной Россией и когда же кончится это романовское бедствие». Царя иначе не называли у нас, как «убожество всея Руси».

Наши родственники — тетя Леля Лещенко и ее муж Димитрий Ильич — работали в подполье. Отец и мать всячески помогали им и гордились ими.

...Тетя Леля закрывается с мамой в спальне и говорит возбужденно, взволнованно. Нас не пускают в спальню, но мы подслушиваем. «Ушел в подполье», «мимеографированная прокламация»...

Мы играем в тетю Лелю. Я надеваю ее шляпу, перчатки на пуговках, шарф, влетаю в комнату, увожу Сережу за ширму, сую ему в руки бумаги и говорю:

— Это надо спрятать от лишних взоров, — так часто говорит тетя Леля маме.

Еще мы играем в «явку», которая «провалилась», так что баба Агаша начинает удивляться:

— Где вы такое слышали, что квартира провалилась?

— На Бронницкой квартира провалилась! — вдруг выпаливает Сережа.

Баба Агаша качает головой, вздыхает:

— Так вот живешь-живешь и провалишься! Сам не знаешь, где смерть тебя ждет!

Но наш казенный дом, квартира полковника Константина Францевича Неслуховского — моего отца, была прочной. Дом не собирался проваливаться ни в прямом ни в переносном смысле. Охранке и в голову не приходило за ним следить. Потому-то тетя Леля так часто поселяла у нас своих «родственников», таких же подпольщиков, как и она сама.

Шли годы. И вот однажды, когда я — уже пятнадцатилетняя — была в папином кабинете и брала себе бумагу, я услышала в столовой полусшепот.

— Это такой человек... Такая сила логики, своеобразие мысли, что невозможно не покориться... Он просто приковывает к себе, заставляет слушать... И этому человеку негде спокойно работать! Негде. Он вернулся из-за границы...

— Так пригласи его к нам! — сказал отец.

И вот нам сообщили, что у нас будет работать днем наш новый родственник, Николай Николаевич.

Сначала пришла тетя Леля. Она прошла к маме и спросила:

— Все в порядке?

— Да, — сказала мама.

Позвонили снова. Вошел человек небольшого роста, оживленный, быстрый. Я стояла в передней. Он улыбнулся мне, шутливо поклонился и прошел вслед за мамой в кабинет.

Через некоторое время, идя мимо, я заглянула в дверь. Человек сидел за столом и хмурился. Он читал, листал что-то, писал, бросал ломаные карандаши. Он работал. Теперь у

него было лицо нервное, напряженное, сосредоточенное.

А что, если мне к нему войти и поговорить? Рассердится он? Что он скажет?

Я побаиваюсь войти.

И тут как раз меня посылают снести графин с водой, стакан...

Николай Николаевич головы не поднимает. Я ставлю графин на маленький столик. Я звякаю стаканом. Николай Николаевич не поднимает головы.

Тогда я беру графин и иду прямо к его столу. Он пишет, рвет бумагу. Некоторое время смотрю на него, держа в руках стакан. И тут он резко вскидывает голову. Лицо его еще полно своих мыслей. Потом оно смягчается и улыбается мне. Я теряюсь. Я смотрю на человека и забываю все, о чем хотела спросить...

Он откидывается в кресле, поглаживает себя по голове и вдруг говорит:

— Вы бека или мека?

Я холодею. И он! И он говорит со мной, как с ребенком!

— БЯка?! — говорю я со сдержанным достоинством.

— Нет, — усмехается он. — Бека! Большевики — беки, меньшевики — меки. Вы кто?

И тут я понимаю, что он говорит серьезно, он спрашивает то, чего я еще не понимаю, и я говорю горько:

— Я не знаю настоящего различия! Я почти ничего еще не знаю. С чего мне начать? Я хочу поручение! Дайте мне поручение!

— Непременно, — серьезно говорит Николай Николаевич, — прошу чинить мне карандаши. Я их страшно ломаю.

Я вышла и попала навстречу тете Леле, которая озабоченно ходила по коридору. Я остановилась около тети Лели и сказала:

— Он говорит мне — «вы»...

— Владимир Ильич всем говорит вы, даже младенцам. Однажды его оставили с маленьким на даче, а когда мать вернулась, то услышала, как Владимир Ильич уговаривал ребенка:

— Не плачьте, пожалуйста! Ну... не будем плакать! Давайте смеяться!

— Про какого Владимира Ильича ты говоришь? — недоумевала я.

— Про Николая Николаевича! Тише, — сказала тетя Леля. — это его настоящее имя. Николай Николаевич — для того, чтобы его не выследили, понимаешь?..

Тогда для меня ничего не значило имя. Николай Николаевич или Владимир Ильич. Я знала только, что этот человек первый заговорил со мной серьезно и сказал мне «вы».

Каждый день мы с Сережей чинили карандаши. Десять карандашей. Чинили их особым способом. Сначала делали круглую бороздку поперек карандаша, потом ровно, совершенно ровно строгают от бороздки к грифелю. Открывали грифель чуть-чуть, чтобы не сразу ломался карандаш. И наконец зачищали очиненное место так, будто оно было полированным.

Получались не карандаши, а пики необычайной красоты и остроты. Владимир Ильич каждый раз улыбался, беря их. Улыбался, пока не начинал работать. Потом он становился серьезным, погружался в свои мысли и карандаши летели из-под его рук сломанные — один за другим.

Потом Владимир Ильич перестал бывать у нас.

Прошло немного времени, и я опять увидела его в нашем доме. С ним была незнакомая мне милая женщина, которую он называл Надей.

Я сразу выпалила, что многое уже прочитала, что очень хочу работать с ними, с большевиками. Владимир Ильич переглянулся с женщиной, улыбнулся мне:

— Возьмем ее в союз молодежи?

Женщина кивнула:

— К вам придут, все вам объяснят. Обязательно.

С тех пор я стала ждать того, кто должен был ко мне прийти. Не к тете Леле, не к маме с папой, а ко мне, только ко мне, с партийным делом. Кто это будет? Наверно, человек серьезный и умный, как Владимир Ильич. За ним тоже слезка, он тоже все время меняет квартиры, явки.

Я волновалась. Вдруг он придет и скажет мне какой-нибудь пароль, а я не буду знать, что ответить. Но человек все не приходил и не приходил.

И вот меня позвали в гостиную, сказали, что кто-то меня спрашивает.

Я побежала со всех ног. Строгий, корректный молодой человек в пенсне подошел ко мне:

— Книпович, — представился он, — от Надежды Константиновны Крупской. Я из ученической организации при Петербургском комитете РСДРП. Вы хотите работать? Работы очень много...

Я подала ему руку:

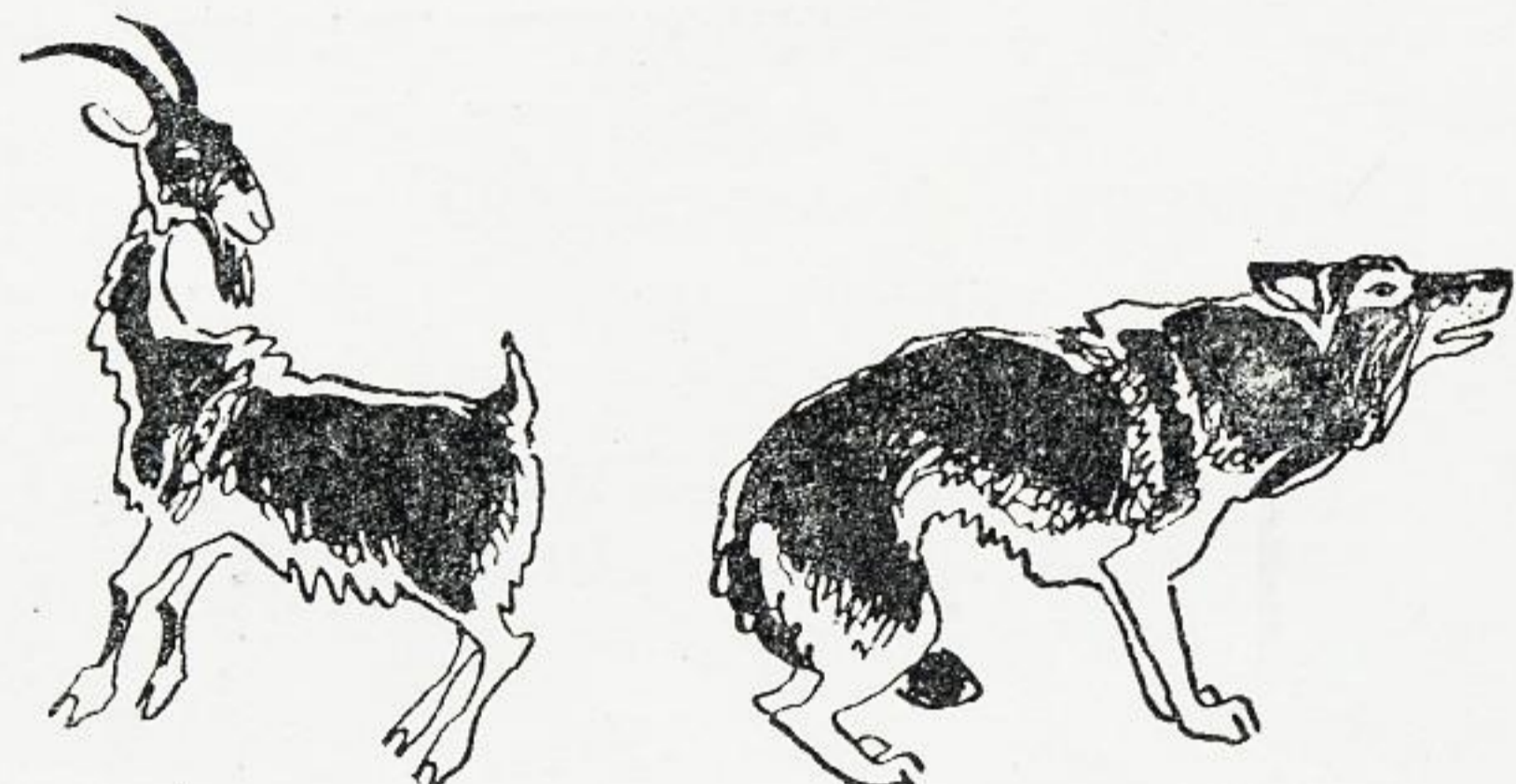
— Да, да, я Неслуховская...

Началась и для меня жизнь, к которой я так стремилась.

Литературная запись М. Данини

МАЛЫШ ХЮПКАЙ

Лезгинская сказка

Жил да был малыш Хюпкай. Лег он под дерево, увидел на ветке зеленый листок с белою изнанкой:

— Листок, листок, слети ко мне!

— Нет, малыш, нет, Хюпкай, нет-нет-нет! Мне летом на ветке жить хорошо. Упаду к тебе осенью, как подует злой ветер.

— Осени ждать? Вот еще! Коза, коза, сорви листок!

— Нет, малыш, нет, Хюпкай, нет-нет-нет! Ветка растет высоко, листок висит далеко...

— Вот ты какая! Пойду на тебя волку пожалуюсь. Волк, волк, загрызи козу!

— А ну-у-у-у ее костляву-у-у-ю... — завыл волк. — Погляди, вон там на горе пасутся жирные овцы. Туда-то я и побегу-у-у!

— Пастух, пастух! — закричал Хюпкай, — возьми ружье, волк под кустом!

— Эх, — вздохнул молодой пастух, — стоит ли связываться с волком? На то есть у меня злые собаки. Послушай-ка лучше, малыш, как звонко поют струны моей балалайки, моего милого чонгури.

— Не берешь ружья, не идешь на волка? Вот скажу мышонку, пусть перегрызет на твоём чонгури тугие струны.

— Нет, малыш, нет, Хюпкай, нет-нет-нет! — пискнул мышонок, — какая для меня в струне радость? Летом найдется пища послаще.

— Кис-кис-кис, — позвал Хюпкай, — выйди, кисанька, на охоту, здесь мышей полно.

— Тише-тише, Хюпкай, мне сейчас не до мыши, Хюпкай. У моей хозяйки молоко в горшке стоит, а сама хозяйка сладко-сладко спит.

— Бабушка, проснись! — крикнул Хюпкай. — Кошка к молоку крадется...

— Сливки слизать хочешь? Бессовестная! — вскричала старуха, вскочила с постели, кинулась за кошкой.

Кошка погналась за мышью, мышь за пастухом, пастух за волком, волк за козой. Коза потянулась за зеленым листком с белою изнанкой.

Ветка сломалась, листок сорвался, шлепнул Хюпкай по лбу.

— Ой, как больно, — заплакал Хюпкай. — Ой, не буду, ой не буду, никогда не буду одному на другого жаловаться...

Записала и обработала Анна Гарф

ДНЕВНИК ФОТОЛЮБИТЕЛЯ

Ю. Цехновицер

Фото автора

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Хорошо помню свою радость и изумление, когда, испортив катушку пленки и не меньше пачки фотобумаги, я получил свой первый крошечный отпечаток.

Глубина пространства подчеркнута фигурами детей на разном расстоянии от объектива.

Постепенно дом наполнился пленками, бачками для проявления, штативами, белыми экранами, вспышками и прочими фотобогатствами. Ложиться я стал поздно, с красными глазами, а ночью мне снилось все, что я снимал или печатал днем.

Однажды, собрав внушительную пачку снимков, я отправился к закадычному приятелю, опытному фотографу. Я заранее предвкушал его восторг, но... был поднят насмех.

— То, что ты делаешь, — сказал мне друг, — больше похоже на добросовестную топографическую аэрофотосъемку, чем на осмысленную фотоработу.

Я, конечно, горячо возражал. Но через несколько дней поймал себя на том, что запальчиво объясняю своим близким всю бесполезность снимков без интересного, четкого замысла. Надо сначала понять, что ты хочешь сказать своей фотографией, задумать ее сюжет, потом интересно «поставить» освещение, выбрать точку съемки — и только после этого снимать. Результаты не замедлили сказаться, если раньше снимок отнимал у меня приблизительно 1/25 или 1/100 секунды, то теперь я тратил на него уже несколько минут. Это было, конечно, шагом вперед.

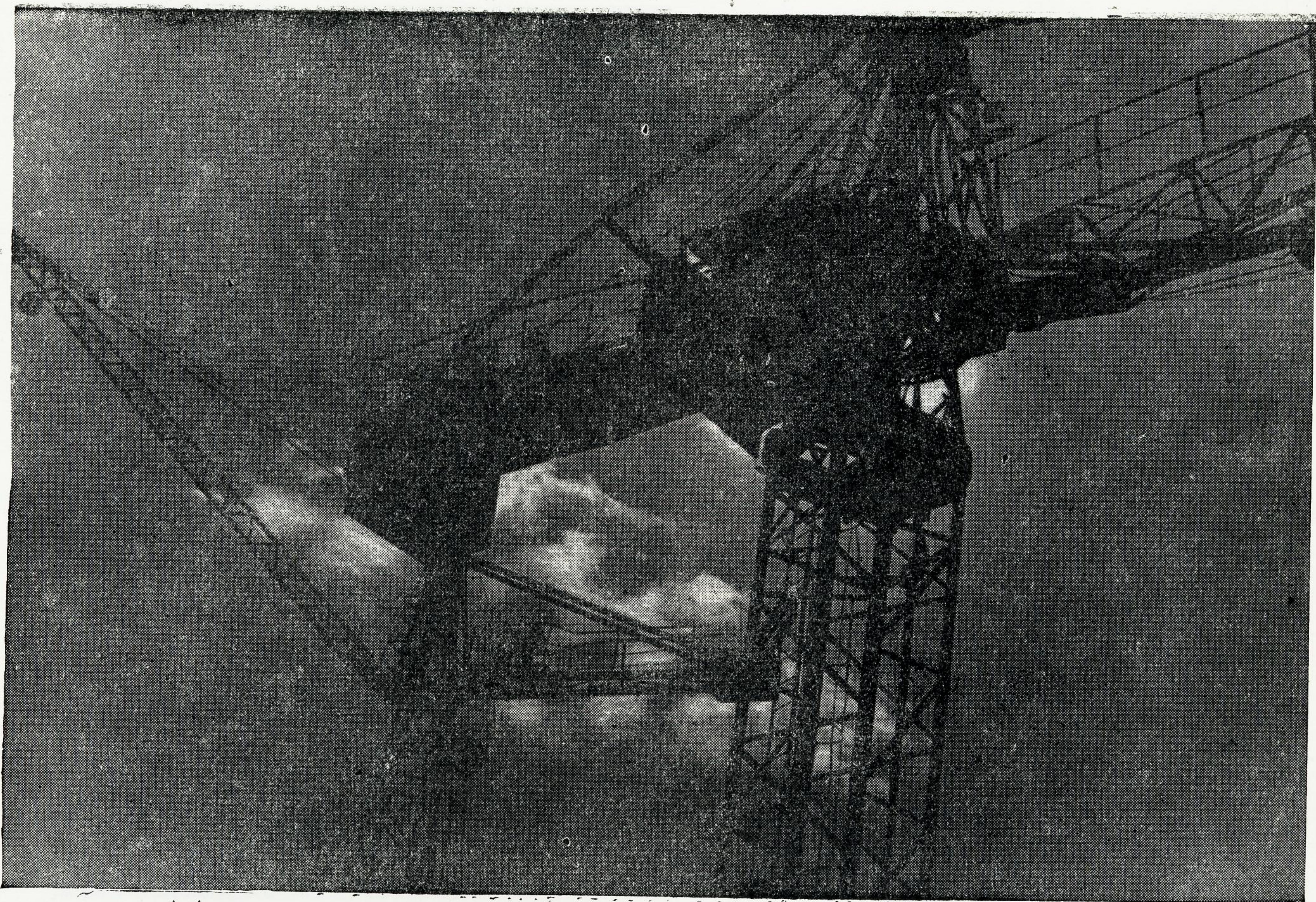
В КАДРЕ — НИЧЕГО ЛИШНЕГО

Тут возникли другие трудности. Как только я стал выбирать объекты съемки, в видоискатель полезла масса посторонних вещей, среди которых на отпечатках с трудом удавалось разыскать нужный мне предмет или лицо. Я стал понимать, что камеру нужно приближать к снимаемому объекту или удалять от него; что необходимы разные объективы, что установка света позволяет выделять главное и убирать все второстепенное. Понемногу мои снимки стали очищаться от лишних предметов, становясь проще, лаконичнее. Со временем приходишь к выводу: чем меньшими средствами раскрыт на снимке замысел автора, тем выразительнее фотография.

Я ОТКРЫВАЮ „КРУШНЫЙ ПЛАН“

Совершенно случайно, взглянув на стол, заваленный снимками, я увидел какую-то часть фотографии, полуприкрытой своими соседками. Вместо целиком снятой фигуры были видны только голова, рука, одна нога. И эти три детали рассказывали о человеке больше, чем вся фотография в целом! Значит, можно продолжать «чистить» снимок и после съемки.

Луна зашла за краны, но света много и можно сделать ночной кадр.

Пожертвовав величиной снимков, я вырезал понравившиеся мне куски, а скоро стал пользоваться этим приемом при печати, подкладывая фотобумагу только под ту часть кадра, которая меня интересовала. Короче говоря, я начал «кадрировать».

Деталь, поданная крупно, подчас говорит зрителю больше, чем весь предмет.

КАПЛИ ДОЖДЯ

Я стал регулярно посещать фотовыставки, смотреть всевозможные издания по фотографии и скоро сделал для себя еще одно открытие. В живописи к нему пришли еще в прошлом веке. Тогда художники-импрессионисты «открыли» среду, то есть воздух, который то окутывает пейзаж туманом, то прочерчивает его нитями дождя и снега, то заставляет играть зайчиками воду или же бросает на все резкие тени от яркого солнца. Воздушная среда придает предмету выразительность, как бы одухотворяет его.

И вот я стал снимать капли дождя на стекле автобуса, а за ними расплывшуюся улицу. Черные пальто прохожих, исчерченные падающим снегом, туман над рекой, мокрый асфальт, повторяющий как в зеркале дома, людей, машины; ветви, покрытые инеем и узоры на зимних стеклах. Но самые интересные находки все еще были впереди.

КАК БЫТЬ НОЧЬЮ!

Казалось, я знал всё: аппарат устанавливается неподвижно на штативе. Выдержка для пленки чувствительностью 60—90 единиц берется равной от полутора до двух минут. Диафрагма объектива открывается полностью. Регулятор затвора устанавливается на «Т» или «В».

Но когда первая «ночная» пленка была проявлена, изображения людей и движущихся машин оказались смазанными. В чем дело? Я загрустил. К счастью, знакомый кинооператор помог выйти из затруднительного положения:

— На съемки отправляйся за несколько минут до того, как на улицах зажгутся фонари, — наставлял он. — Только фонари вспыхнут — снимай: убывающий дневной свет поможет подчеркнуть контуры домов и детали пейзажа. При этом съемки лучше вести у воды или на мокром асфальте: отражения увеличат количество света, попадающее тебе на пленку... «Ночную» пленку проявляй подольше — пятнадцать, а то и двадцать минут. Если появится «вуаль», ее можно убрать раствором красной кровяной ссли, после чего быстро закрепить пленку гипосульфитом.

Я был послушным учеником, и результаты оказались отличными.

Теперь я снимаю гирлянды огней, отраженные в асфальте, светящиеся окна, плавающие в каналах; подсве-

Контрастные фотографии хорошо передают снежную зиму.

Композиция этого снимка построена на повторе: сверху — решетка набережной, внизу ее отражение.

ченные фасады зданий, вечернюю толпу людей, сидящих за столиками кафе, потоки машин и многое, многое другое.

Огни придают городу совершенно новый облик. Предметы как бы меняются, оборачиваются к нам другим лицом. И узнаешь и не узнаешь знакомый перекресток, дом, переулок...

НОВЫЕ ЗАБОТЫ

Количество моих снимков еще больше сократилось, а домочадцы стали подтрунивать. «Поправляется! — говорили они друг другу. — Скоро переключится на радиотехнику!»

Ну, а я помалкиваю — ведь привязанности надо иметь постоянные, иначе хороших результатов не дождешься. Будешь прыгать, метаться, а толку никакого.

Но кое в чем они правы. Я действительно хочу переключаться. У меня появилась новая мысль — снимать солнце. Но как?

Если снимать на диафрагме 16,22 или даже 36, то при выдержках от 1/200 до 1/500 солнце получается, но пейзажа не выходит. Кадр очень темный. По-види-

мому, надо снимать вечером, когда света меньше и снимать длиннофокусным объективом, который сделает солнце на снимке крупнее. Так что самое интересное еще впереди. Мое увлечение фотографией только начинается.

Дело не в том, каким аппаратом снимать, а в том, как снимать.

Хочешь добиться успеха — снимай каждый день. Фотограф — как охотник. Он всегда носит заряженную камеру на плече. Интересный сюжет ждет за углом. Не прозевай!

Широкоплечные аппараты, например, «Любитель», позволяют добиться лучших снимков, чем узкоплечные.

ВСЕГО МУЛЬТИ

А. Лосев

Рисунки

Ю. Галецкого

Один изобретательный гражданин вот как поступил. Он взял толстую книгу (книга была устарелая и ее все равно собирались сдавать в утиль). В нижнем правом углу на последней странице он нарисовал человечка со шпагой в ножнах. Вот так.

На следующей от конца странице человечек чуть-чуть приподнял правую ногу.

На каждой следующей странице нога человечка поднималась, сгибаясь, все выше и наконец поднялась вот так.

Потом еще на двадцати страницах нога опускалась. Потом на сорока страницах поднималась и опускалась другая нога. И так на двухстах страницах двести раз перерисованный человечек поднимал и опускал ноги.

Потом одновременно с ногами у него и руки задвигались. Понадобилось страниц пятьдесят, чтобы человечек взялся за эфес своей шпажки. Потом еще пятьдесят, чтобы он ее вытащил. И еще сотня страниц,

чтобы он помахал шпагой в воздухе.

Так.

Так.

И так.

Больше он ничего не мог сделать — толстая книга кончилась.

Теперь этот гражданин, который нарисовал четыре сотни человечков, ухватил всю толщу книжных листов левой рукой за правый нижний угол так, чтобы большой палец оказался внизу, и стал быстро выпускать листочки по одному из-под большого пальца. Разрисованные уголки страниц замелькали перед глазами. И вот что получилось: человечек ожил!

Он сделал несколько шагов, как бы разминаясь, потом вытащил свою шпагу и помахал ею в воздухе. И тут уж было незаметно, что человечков четыреста, а как будто один.

Отчего? Картинки очень быстро сменяли одна другую незаметно для нашего глаза. Но, так как каждый следующий человечек чуть-чуть отличался от предыду-

щего, то человеческий глаз воспринимал эти плавные изменения. Получилось, что нога человечка поднимается и опускается, рука тянется к эфесу шпаги...

В старой ненужной книге поселился живой человечек. Но знакомство с ним получилось слишком коротким. Кто он? Герой или хвастун? Куда он идет? Зачем вытащил шпагу?

Чтобы рассказать таким образом не очень большую сказку, понадобилась бы сотня таких книг! Да и много ли нарисуешь на уголке-то!

Для настоящей сказки нужны настоящие картинки: красочные, содержательные. Чтобы там были и люди, и животные, и лес, и дома, и река.

Придумали сделать так — снимать картинки на цветную киноплёнку. Сфотографировали первую картинку — кадрик. Сфотографировали вторую — второй. Так снимают сотни кадриков — получается фильм.

Этот фильм можно прокрутить в кинопроекторном

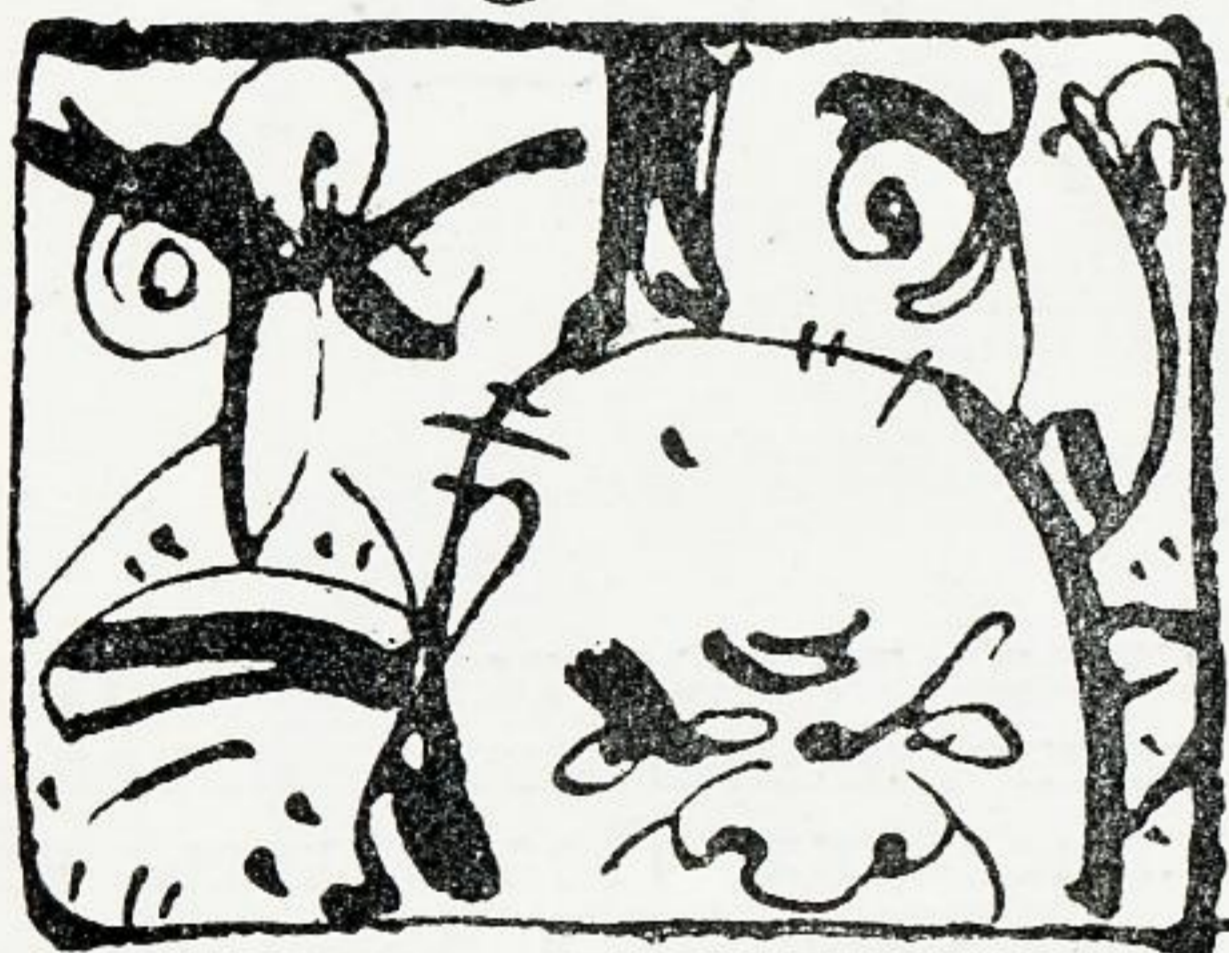
аппарате и все его увидят на экране.

И какой получается фильм! Красочный, сказочный, смешной. В живом кино (с актерами) тоже делаются чудеса, но для этого нужны специальные сложные приемы, а нарисовать то каких только чудес нельзя!

И обстановку сказочную легче нарисовать на бумаге, чем построить в кинопавильоне.

А актеры? В настоящей сказке все должны быть внешне очень смешными, очень страшными и очень-очень прекрасными. Сколько мучений у режиссеров игрового кино с подбором актеров для фильма-сказки!

Набрали сколько нужно очень страшных — нет очень смешных!

Набрали смешных — нет очень прекрасных!

А нарисовать настоящих сказочных героев можно сколько угодно.

Нарисованные фильмы любят все. Эти фильмы еще называются мультипликационными. От латинского слова «мульти», что значит много.

Слово «мульти» недаром стоит в названии советской

студии рисованных фильмов «Союзмультфильм». Здесь действительно всего мульти.

Мульти этажей, мульти коридоров. В мульти рабочих комнатах работает мульти редакторов, режиссеров, операторов, монтажеров и, главное, мульти художников...

Недавно на студии закончен первый полнометражный широкоэкранный детский фильм «Дикие лебеди». В основе фильма сказка Андерсена о доброй принцессе Эльзе и ее двенадцати братьях, превращенных злой мачехой в лебедей...

Как же это делается, чтобы лебеди взлетели в сказочное небо и чудеса начались?

Писатели написали по сказке Андерсена сценарий.

Отныне фильмом командуют режиссеры Вера Мстиславовна и Михаил Михайлович Тихановские. Мысленно они должны представить себе весь будущий фильм, рассчитать по времени каждую сценку. Они составляют свой подробный режиссерский сценарий, где предусмотрено каждое движение героев. Они руководят созданием фильма с начала и до конца.

За дело принимаются художники - постановщики Макс Жеребчевский и Натан Лернер. Им важно продумать облик всех героев, композицию ключевых сцен. Им потруднее работать, чем книжным иллюстраторам. Ведь художники фильма должны придумать для каждого персонажа еще и характерное движение, походку.

И еще очень важное. Как говорят в кино, художники-постановщики «решают цвет». Ведь каждую сцену можно нарисовать по-разному. Можно — яркими, сочными, грубоватыми красками. Можно — нежными, мягкими. Можно использовать одну-две основные краски и легкие полтона. А можно — ослепить зрителя целой радугой цветов. Что

лучше? Всё лучше. Только для грустных сцен неуместны буйные яркие краски. А в сценах пышных праздников, рыцарских турниров неуместными показались бы лирические полтона.

Вот мы и подобрались к самому главному в работе художников-постановщиков: от них зависит настроение. Они (в этом им помогает музыка, написанная для фильма композитором) заставляют нас грустить и радоваться, смеяться и плакать порой.

Основные сцены будущего фильма собраны в толстом альбоме. Теперь надо наполнить движением то, что остается между двумя соседними страницами альбома.

Когда новичок впервые входит в рабочую комнату художников - одушевителей, он очень удивляется. Иногда пугается даже.

Мужчины и женщины сидят за конторскими столами. Перед каждым овальное зеркальце. Одушевители то и дело смотрятся в него, подмигивают, сами себе показывают язык или длинный нос, корчат страшные рожи, надувают щеки, словно набили рот сладким пирогом. Некоторые внимательно глядят на товарища, который по их просьбе дерется с невидимым противником или дает пинка пониже невидимой спины.

И, хотя разные мысли могут прийти в голову новичку, все это здоровые остроумные и изобретательные люди. Ведь каждому художнику-одушевителю надо быть еще и актером. «Прогрывать» в уме то движение, гримасу, которые предстоит изобразить. Тут очень помогает работа с зеркалом. А иногда и помощь товарища нужна.

У одушевителей, как у актеров, есть свои амплуа: у одних лучше получаются сцены драк, у других — танцы, у третьих — скачущие всадники...

Очень наблюдательным

должен быть одушевитель. Взять хоть походку. У одного человека она бывает разной: на параде, на прогулке или в лесу, когда человек крадется по мягкой траве, прячась за деревьями... И художник-одушевитель работает, как актер на репетиции, когда декорации еще не готовы, и режиссер говорит: «Представьте себе, что вы в лесу, эти стулья — деревья, а я в моем кресле — медведь в берлоге...»

Тут и фантазия огромная нужна.

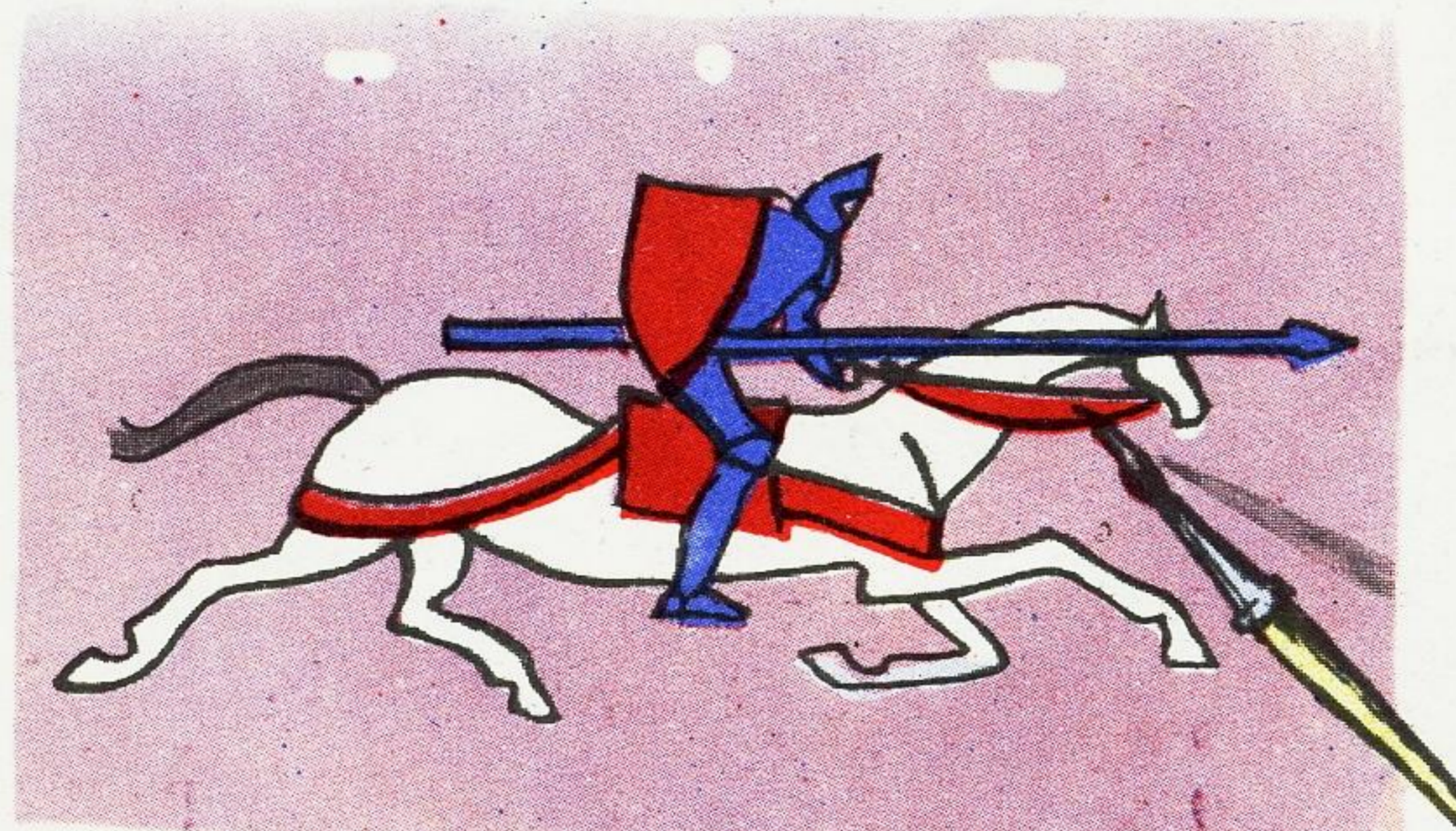
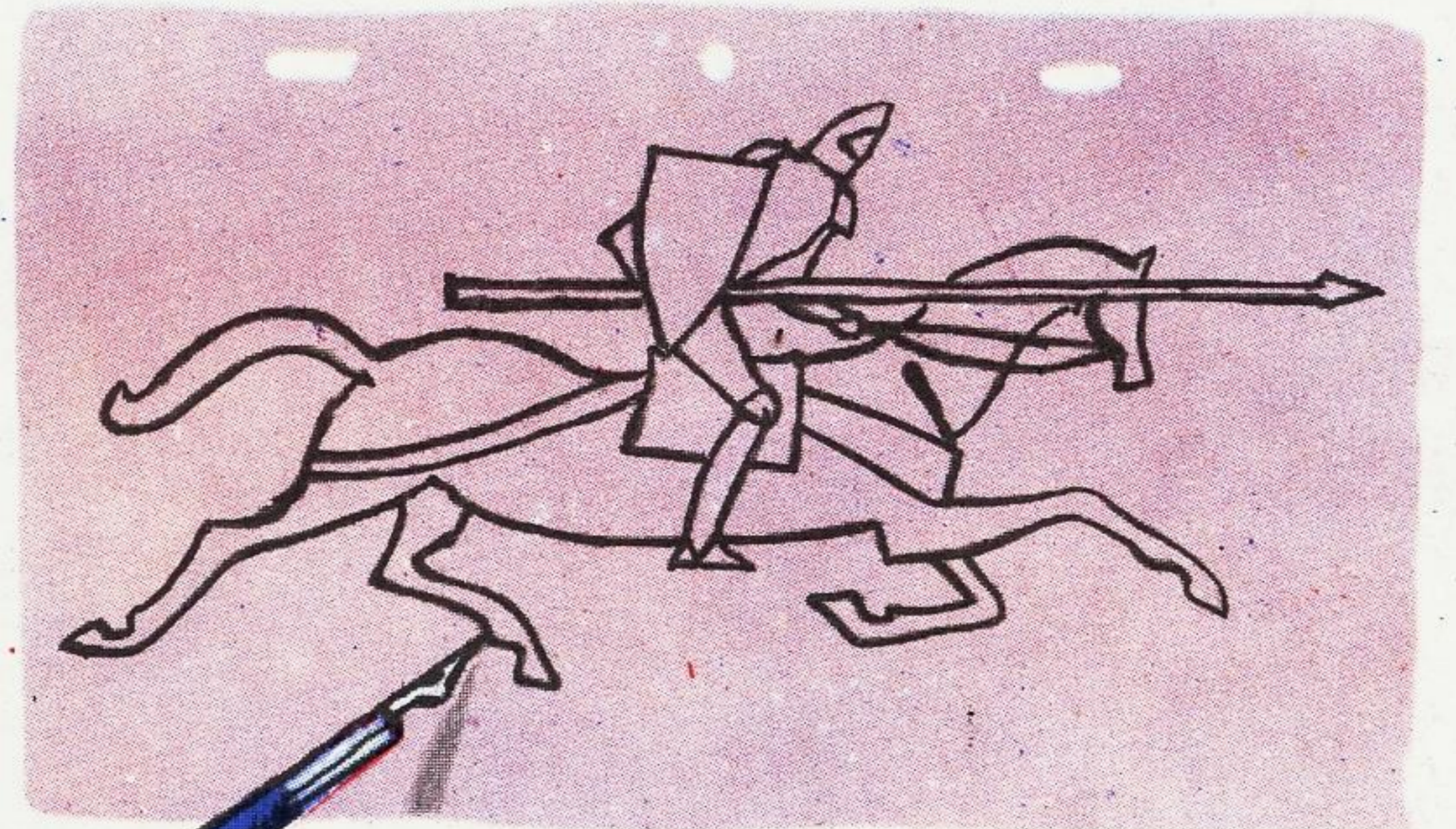
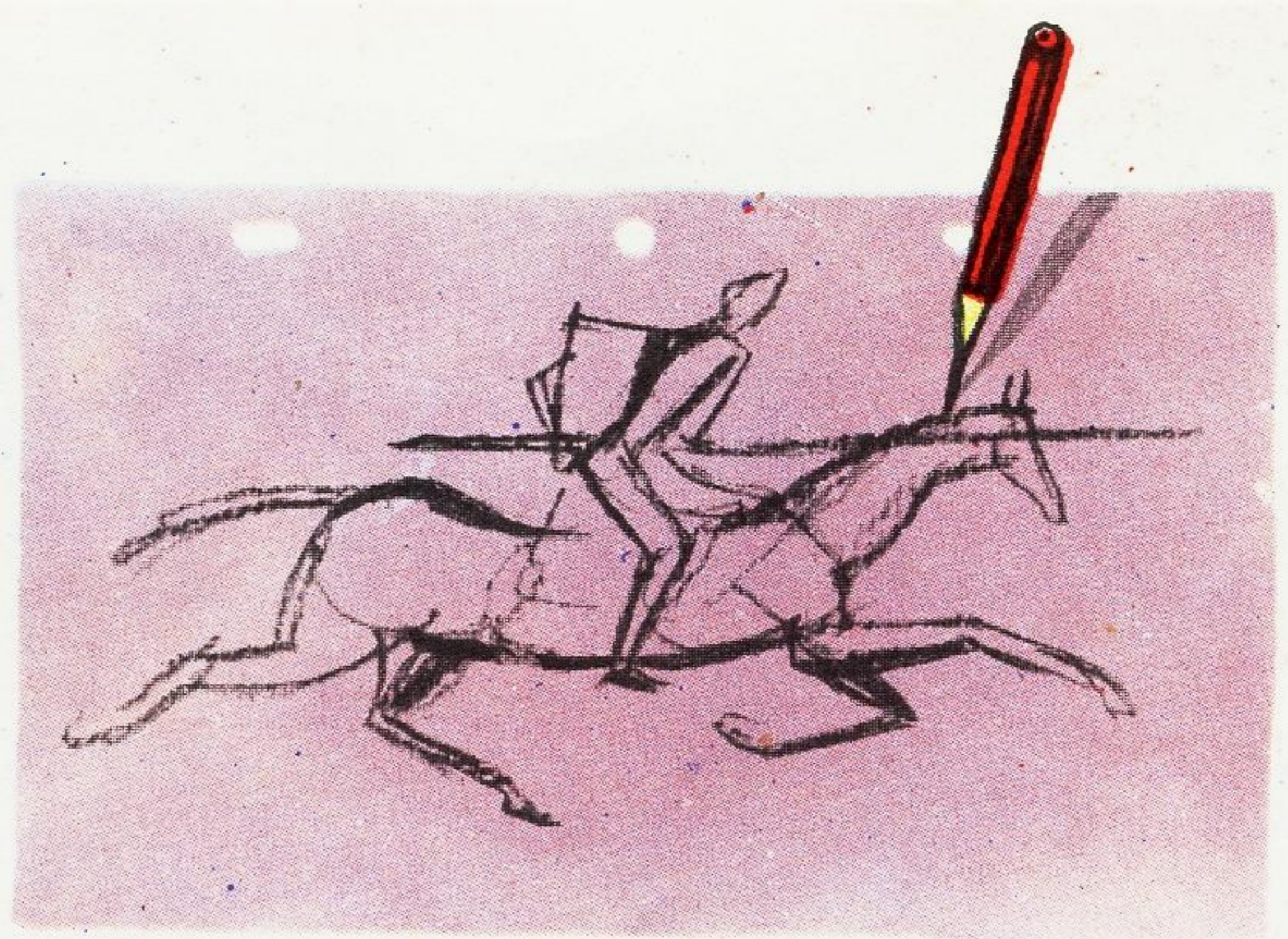
Художники - одушевители рисуют на полупрозрачной бумаге начало и конец каждого движения. Например, поднятую ногу и ногу на земле. Но мы-то знаем: чтобы на экране получился настоящий шаг, нужно по крайней мере двадцать четыре промежуточных изображения, когда нога будет на разных уровнях.

Художник-фазовщик на лист, полученный от одушевителя, накладывает свой полупрозрачный лист и копирует рисунок. Только слегка меняет положение ноги. На этот лист он положит следующий... Словом, эта кропотливая работа похожа на работу с толстой книжкой.

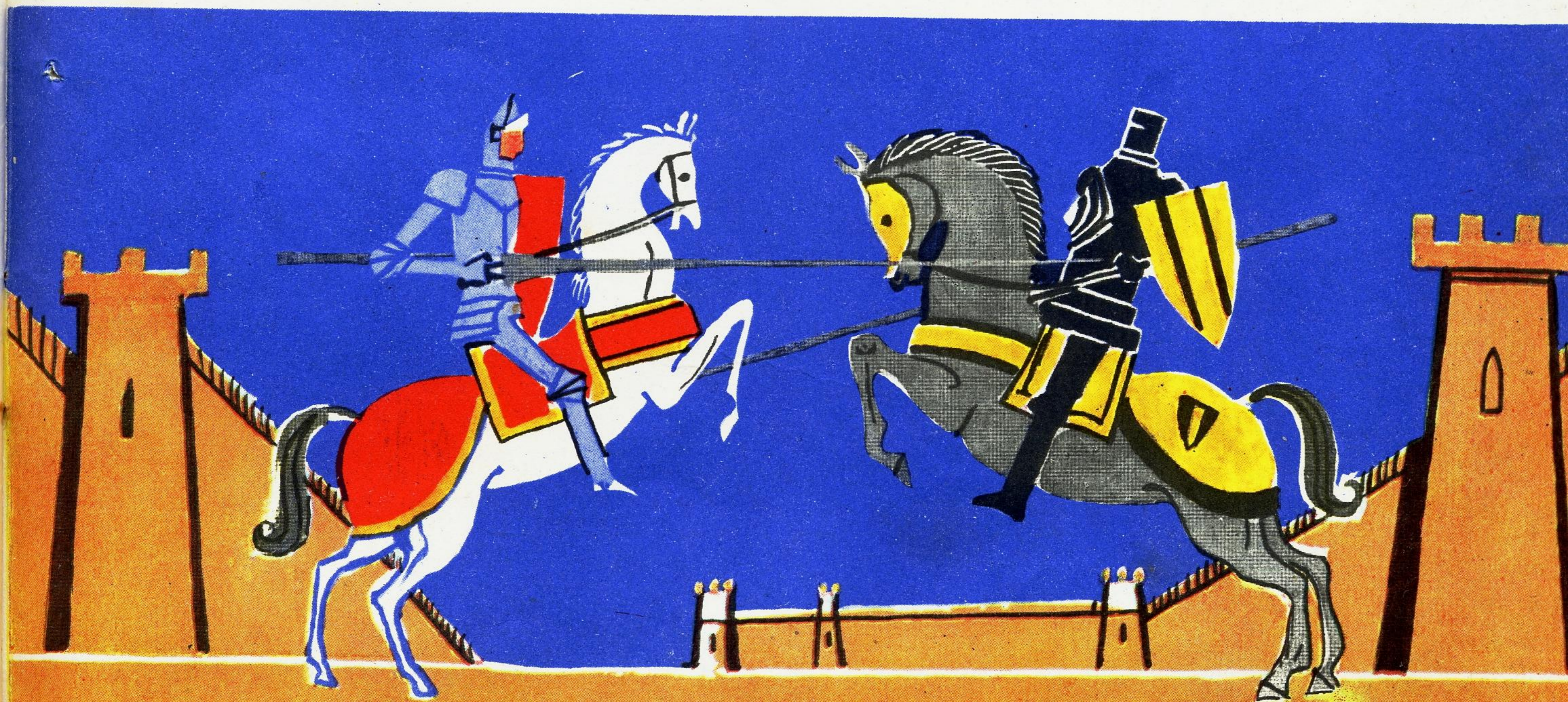
Сотни и тысячи накопившихся на полупрозрачной бумаге рисунков переносятся на целлулоидные листы и раскрашиваются специальными красками. Отдельно специальные художники по эскизам художников-постановщиков рисуют фон для всех сцен. При съемке целлулоидные листы совмещают с фоном. Где на целлулоиде прозрачно, ничего не нарисовано, виден фон. А где нарисован человек, животное или деталь обстановки — они и видны. Потому что краска непрозрачная.

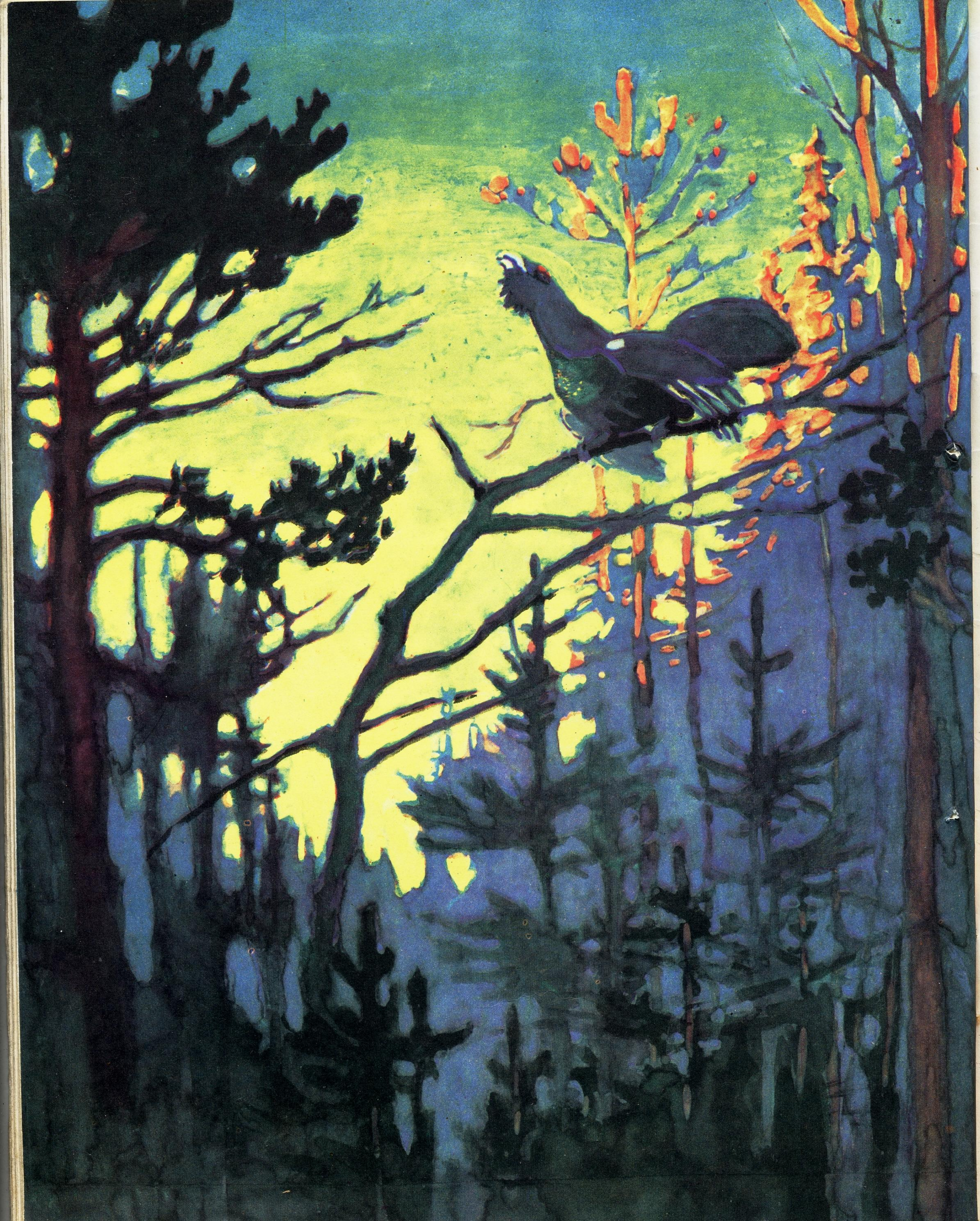
На соседней странице мы видим все превращения одного из героев сказки от первого карандашного наброска до готовой сцены в фильме.

Некоторые сухие и скучные люди выходят из зала, говоря: „Я-то думал, кино будет, а показали всего лишь мульти...“ Но мы любим веселые и увлекательные мультфильмы. Мы знаем, что в них вложено мульти труда. Мульти умения. Мульти таланта. Мульти всего!

Рисунки Н. Лернера, художника студии „Союзмультфильм“

НА ГЛУХАРЯ

М. Смирнов

Рисунки И. Ризнича

Взял как-то отец меня в лес. И не куда-нибудь, а на глухаря весной. Чаевали мы с ним у костра на закрайке мохового болота. Кругом ель да сосна. Под мохнатыми лапами елок снег белеет. Хоть и дружная пришла весна, а зиме так просто уходить обидно. Вот и оставляет она свои следы всюду, где только может. Перед рассветом и вовсе инеем землю припорошило. Лужицы ледком подернулись.

Затоптал отец костер, уложил в сумку котелок да топорик, ружье проверил, наказал мне за ним следовать. Посошок в руку сунул, чтобы идти было легче.

Темно в лесу. Ветки так и норовят по глазам хлестнуть, ноги за корневища цепляются. А отец идет, будто в своем саду, ни один сучок под ногой не хрустнет. Сделает десяток-другой шагов, послушает и дальше идет. Тихо в лесу. Ночь ведь еще.

Остановился отец, меня подозвал:

— Слышишь, птичка чиликает, — это зорянка проснулась. Значит, и глухарь играть должен.

— Как играть? — спрашиваю.

— Песню свою играть, — пояснил отец.

И снова шаг за шагом, след в след пошли мы дальше, петляя меж сосен и елей, осторожно обходя вывороченные с корнем деревья.

Посветлело чуток. Прокричали журавли на болоте, над просекой вальдшнеп протянул. Остановился отец:

— Чуешь, глухарь играет.

Прислушался я:

— Нет, — отвечаю шепотом, — не чую.

— Как не чуешь, ведь совсем близко играет. Шапку на одно ухо сдвинул, верчу головой во все стороны, а глухаря все равно не слышу.

Слышу, как зорянка насвистывает, как дятел на сухой сосне барабанит, как проснувшиеся дрозды гомонят, а вот как глухарь играет, не могу распознать. И вдруг сквозь неясные лесные шорохи, сквозь нарастающий птичий гомон донеслось до меня: тэк-тэк-тэк... Будто капля в пустое ведро падает. А потом — вжик-вжик, и снова: тэк-тэк-тэк.

Неужто это и есть глухарина песня?

Отец молча кивнул: да, мол, она самая, и тихохонько дальше двинулся. Шагнет под песню раз, другой — и замрет. И я от него не отстаю. На самом краю лесной гривы остановились.

Все сосны, что кругом стояли, глазами обшарил, а глухаря наглядеть не могу. Куда он запропастился? Ведь не иголка, не малая птаха?

Тут отец меня за плечо тронул, на осину показал: корявая такая, совсем рядом стояла, только я на нее почему-то никакого внимания не обращал, — все на сосны смотрел.

Взглянул на осину и вижу — высоко на суку глухарь сидит. Вначале он мне с голубя показался, не больше, а потом определил: ничего себе, знатная птица.

Пошумел я, наверное, от радости, что глухаря увидел. Потому что затих он вдруг, крылья сложил, шею вытянул, вниз смотрит. Минут десять молчал, выдерживал, а потом успокоился и снова запел.

Прицелился отец, подержал ружье у плеча, да и отпустил.

— Не будем, Юрка, глухаря стрелять, уж больно играет хорошо. Да и мало их нынче поет что-то...

Цветные карандаши

Рассказ

Валерий Воскобойников

Рисунки К. Савкевич

Папа был на фронте и писал письма про войну. Мама уходила на работу рано утром, а вечером приходила домой накормить меня и прочитать папины письма.

Я с соседом Генкой сидел в запертой квартире. Генка был взрослый. Иногда его даже выпускали погулять одного и он приносил рассказы о таинственной батарее зениток и о дяде сержанте Колчине. Дядя сержант Колчин был с большими усами. Он все дни напролет ждал прихода Генки и каждый раз давал ему пострелять из зенитки. Он никого не боялся, кроме сурового капитана Волкова — главнокомандующего всеми зенитными войсками. У капитана Волкова были не только усы, у него была борода. А Генка и главнокомандующего Волкова не боялся.

У Генки была коробка цветных карандашей. С картинки, приклеенной к коробке, человек в золотом шлеме стрелял из лука по фашистам. Генка никогда не давал мне рисовать этими карандашами. Он рисовал только сам. Когда карандаши тупились, он точил их складной бритвой.

У него получались красивые картинки: пушки с цепочками красных черточек — снарядов, самолеты, наши со звездочками и горящий — с фашистским знаком. Лучшее всего у него выходила лошадь. Он рисовал зеленую траву, делал вокруг небо синим карандашом, а на небе — красный кружок — солнце. Потом черным карандашом он рисовал лошадь. Он ставил ее на траву. Одна нога у лошади торчала вбок.

— Она бьет копытом, — говорил Генка. Он развешивал свои картинки на стенах, а я сидел на полу, посапывая, и с восхищением разглядывал их.

— Это что, — говорил Генка, — вот достать бы белый карандаш, я б и дождь и брызги...

Я часто пытался нарисовать такие картинки, но они не получались. А все потому, что у меня был только один объединенный простой карандаш, а у Генки — целых шесть, и все цветные, кроме одного — черного.

Мама приходила с работы, и я подступал к ней с вопросами:

— А папа много фашистов убил?

— Много. Он герой — наш папа.

— У него есть цветные карандаши?

— Есть.

— И даже белый?

— Не знаю.

— А у меня будут цветные карандаши, когда я вырасту?

— Будут. Все у тебя будет, когда ты вырастешь, — и она укладывала меня спать.

Потом мама стала плакать по вечерам. Потому что от папы не было писем. Я лежал под одеялами и воображал, как вырасту, приеду на фронт и разыщу папу.

Потом мама радовалась.

— Он выполнял спецзадание. Он скоро приедет в отпуск, — говорила она всем.

— Жди папу, сыночка, — говорила она мне.

— Он привезет цветные карандаши? — спрашивал я.

— Спасибо, что невредимый, и ничего больше не нужно, — испуганно говорила мама.

А я представлял: приедет папа. Папа с усами и бородой, как у капитана Волкова. Он протянет мне коробку. В ней поблескивающие золотыми буквами шесть карандашей — пять цветных и один черный. А может быть, будет и седьмой — белый. И сразу получатся у меня

А меня увели к себе соседи и угощали черствым пряником.

Я вырос. Иногда я захожу в детские игрушечные магазины. Я ничего не хочу там. Я хочу цветные карандаши.

Будут карандаши, кажется мне, и я начну рисовать! Ох, как я стану рисовать! Я буду

замечательные картинки: и небо, и трава, и лошадь.

Мы ждали папу, а он все не ехал. А потом мама снова плакала. Она плакала весь вечер. Она не пошла на работу и плакала с утра.

рисовать с утра и до вечера. Вся моя комната заполнится бумагой и картоном. И я сделаю много прекрасных картин.

Я долго стою у прилавка. Карандаши рядом. Но я отхожу, так и не подержав их в руках.

Путешествие на «ТРИГЛЕ»

Эту книгу я писал вот так:

С. Сахарнов

Рисунки М. Беломлинского

О чем она?
Может быть, о следах доисторических зверей.
Может быть, о кораблях.
Может быть, о черных, в белую полоску, скалах...
А может быть, о людях, которые плавают на кораблях, проходят скалистыми берегами, ищут древние следы...

НАЧАЛОСЬ ТАК

Больше всего на свете я боюсь показаться трусом. Когда Марлен спросил:
— Хочешь в экспедицию?

Я ответил:

— Еще бы!..

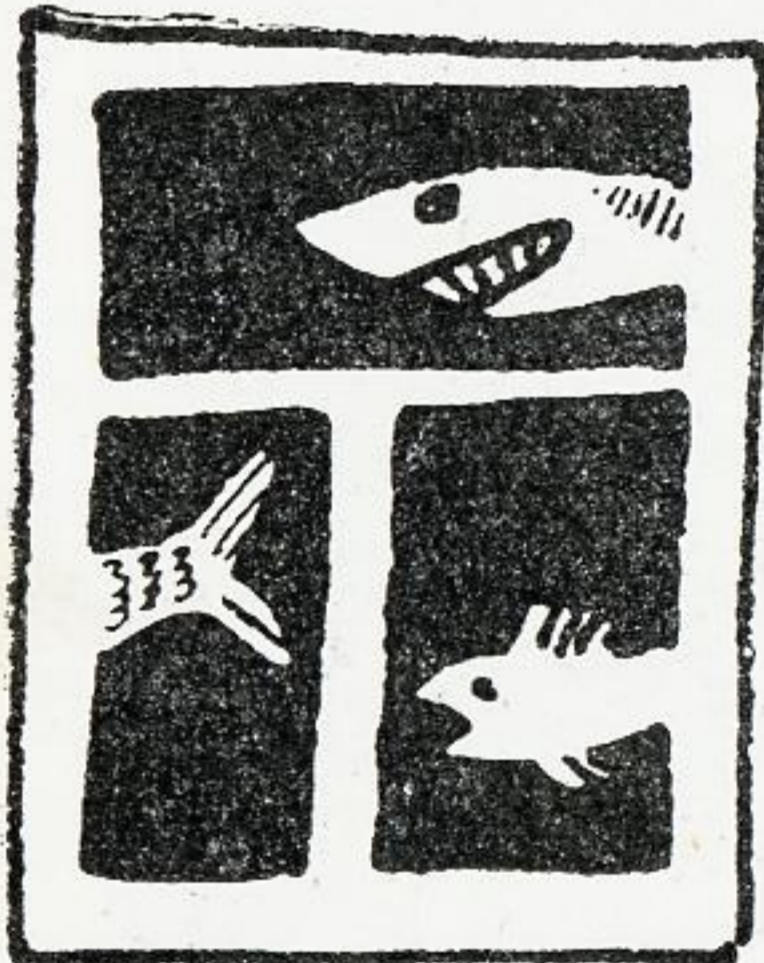
Ночь я уже не спал.

За окном мне мерещились горбатые волны и зловещие плавники акул.

Марлен — ученый и водолаз. Он изучает морское дно.

А я художник. Я плохо плаваю. Зачем мне все это нужно?

ПРИЧЕМ ТУТ Я?

«ТРИГЛА»

На другой день с чемоданом в руках я пробирался сквозь толпу на пристани.

— Где здесь экспедиция? — спросил я мужчину в желтой соломенной шляпе.

Соломенная шляпа посмотрела на меня сверху вниз.

— Прямо.

Прямо передо мной возвышался белоснежный борт теплохода. На белой краске золотом горели бронзовые окошки — иллюминаторы.

Загорелые матросы, как обезьяны, бегали по крутым лестницам.

А ГДЕ МАРЛЕН?

Грохнула музыка. Тонкие стальные канаты шлепнулись в воду. Белый борт медленно пополз вдоль причала.

Уу-у-у-у!!!

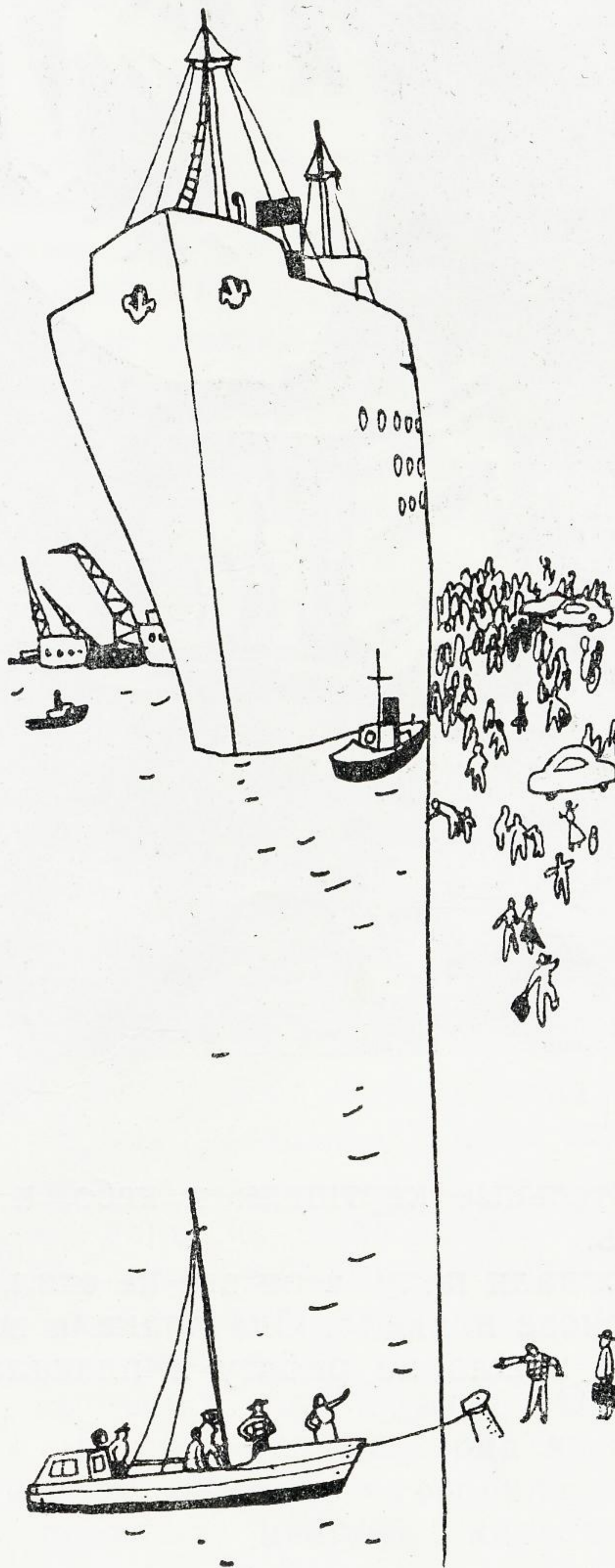
Теплоход описал по бухте широкий полукруг и вышел в море.

ВОТ ТАК РАЗ!

Кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что здесь делаешь?

Позади меня стоял Марлен.

— Живее, тебя ждут.

Рассекая толпу, как ледокол, он повел меня вдоль причала.

В самом конце пристани стояла маленькая, выкрашенная в грязно-зеленый цвет шхуна. На ее носу белыми буквами было написано:

ТРИГЛА

На палубе стояло несколько человек. Шагнув через борт, мы очутились среди них. Парень с бородой отвязал канат. Затарахтел мотор. «Тригла» покачиваясь пошла на выход.

МАРЛЕН

Марлена я знал давно.

Мы вместе росли в деревне под Минском. Из всех пацанов в деревне он был самый отчаянный.

Однажды ему сказали, что к змеиному яду можно привыкнуть.

Марлен поймал гадюку и дал ей укусить себя. В руку.

Рука вздулась и почернела. Марлена увезли в больницу.

Месяц он провалялся там. Мать плакала навзрыд. Рука из черной стала синей, затем желтой.

Через месяц он вышел, поймал вторую гадюку и дал ей ту же самую руку.

Горячего, как печка, с деревянной рукой, его снова увезли.

Пролежал на этот раз неделю. Вернувшись, поймал змею и дал укусить себя в третий раз.

Ту же руку.

Рука немного покраснела. И все.

И вот с таким человеком я должен плыть в открытое море!

Зачем?

ЗАЧЕМ?

Чтобы искать СЛЕДЫ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ЗВЕРЕЙ.

Так объяснил мне Марлен.

Миллионы лет назад на месте Крыма бушевало море.

В море плавали ихтиозавры. Они были похожи и на рыб и на ящеров. Длинные челюсти. Тело, покрытое чешуей. Рыбий хвост.

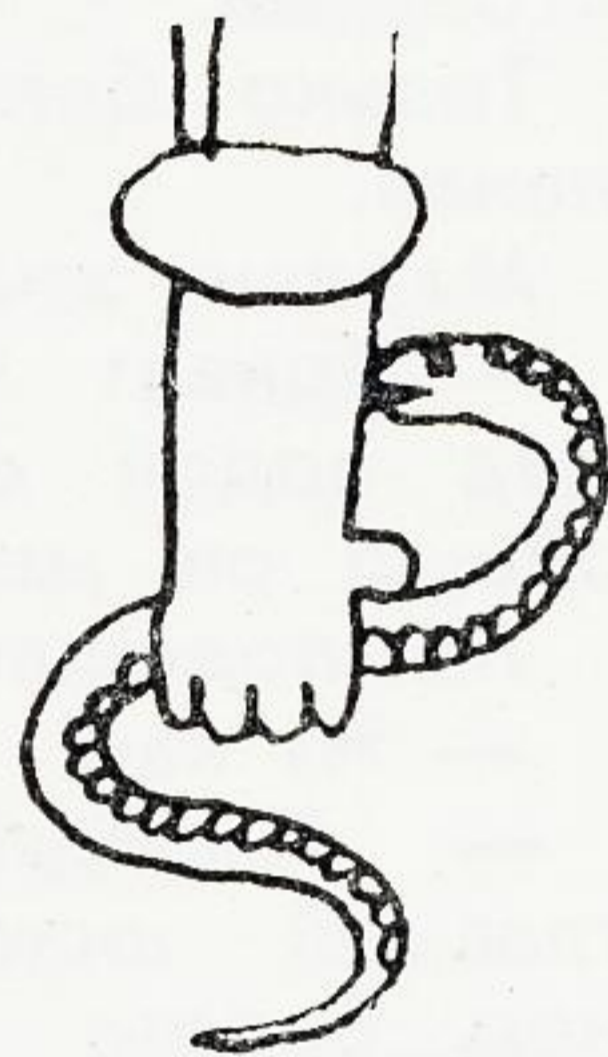
Это были хищники. Они нападали на рыб, на спрутов. Устраивали драки между собой.

Когда рыбо-ящер погибал, тело его опускалось на дно. Оно покрывалось известковой корой. Отпечатывалось на камне.

Шли годы. Тонули и всплывали материка. Там, где морское дно обнажалось, отпечатки оказывались на суше.

И вот однажды в Голубой бухте на скалах, над самым морем, нашли отпечатки трех рыбо-ящеров.

Скорченные, раздавленные, распластанные, они равнодушно смотрели пустыми глазницами в небо.

Восторгу ученых не было конца. Неприступные скалы? Пустяки!

Решили подогнать к берегу баржу, вырезать из скалы плиту с отпечатками, опустить ее на канатах в баржу и увезти.

Помешала война.

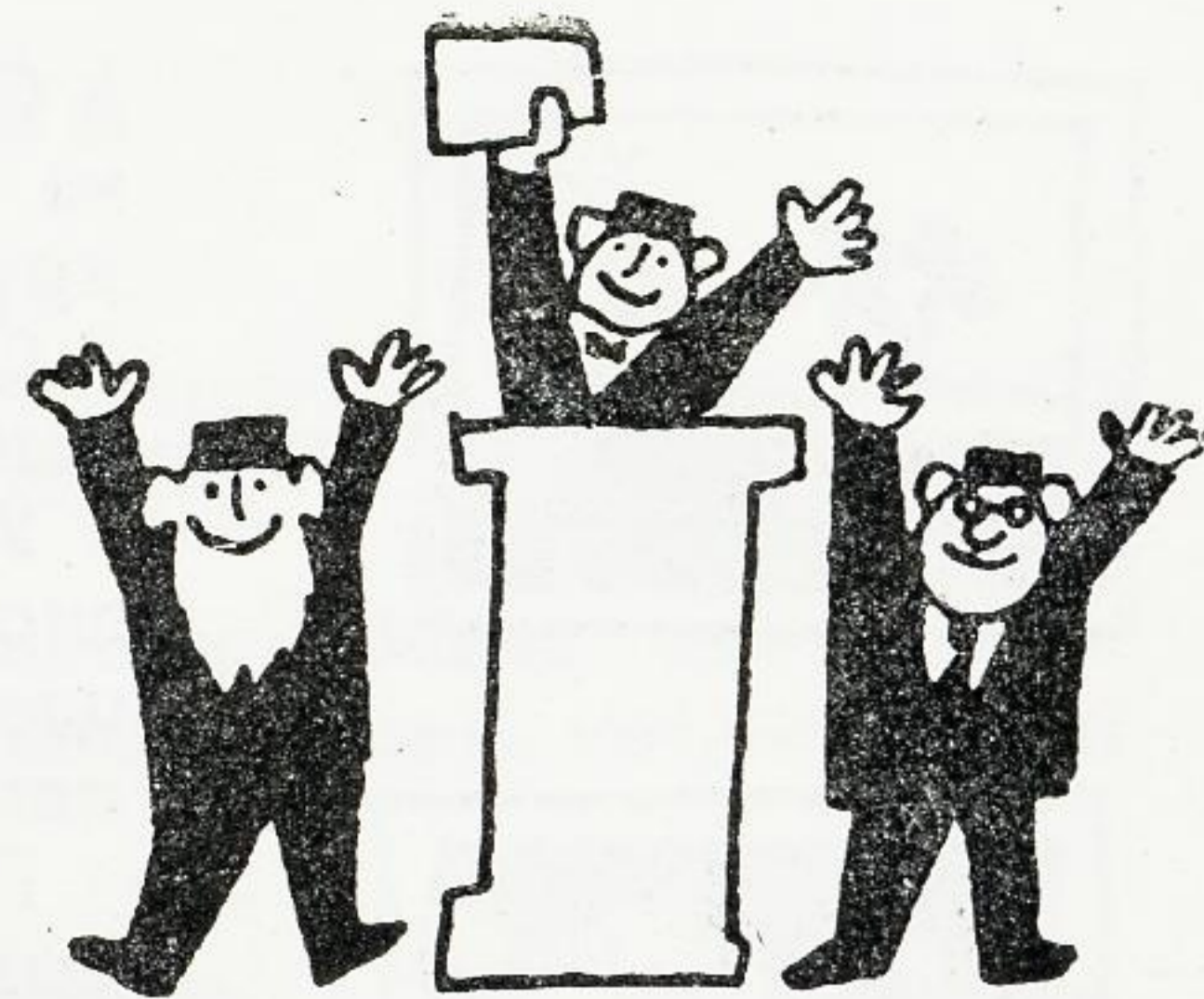
В Голубой бухте шли сильные бои. Гремели взрывы. С моря из тяжелых орудий по горе били корабли.

Отступая, немцы взорвали склад снарядов, устроенный на берегу.

Полгоры сползло в море.

Когда после войны в бухту вернулись ученые, отпечатков не было.

И вот Марлен предложил искать их ПОД ВОДОЙ. ЗАНИМАЛСЯ БЫ ОН ЛУЧШЕ СВОИМИ РЫБАМИ.

В МОРЕ

Как только «Тригла» вышла в море, ее начало качать.

— Только чтобы не было шторма!.. Ах, как не нужен шторм!

О бурях на море я читал много.

Сначала волны ласково покачивают корабль.

Затем они начинают захлестывать палубу.

Пассажиры вступают в бой из-за шлюпок.

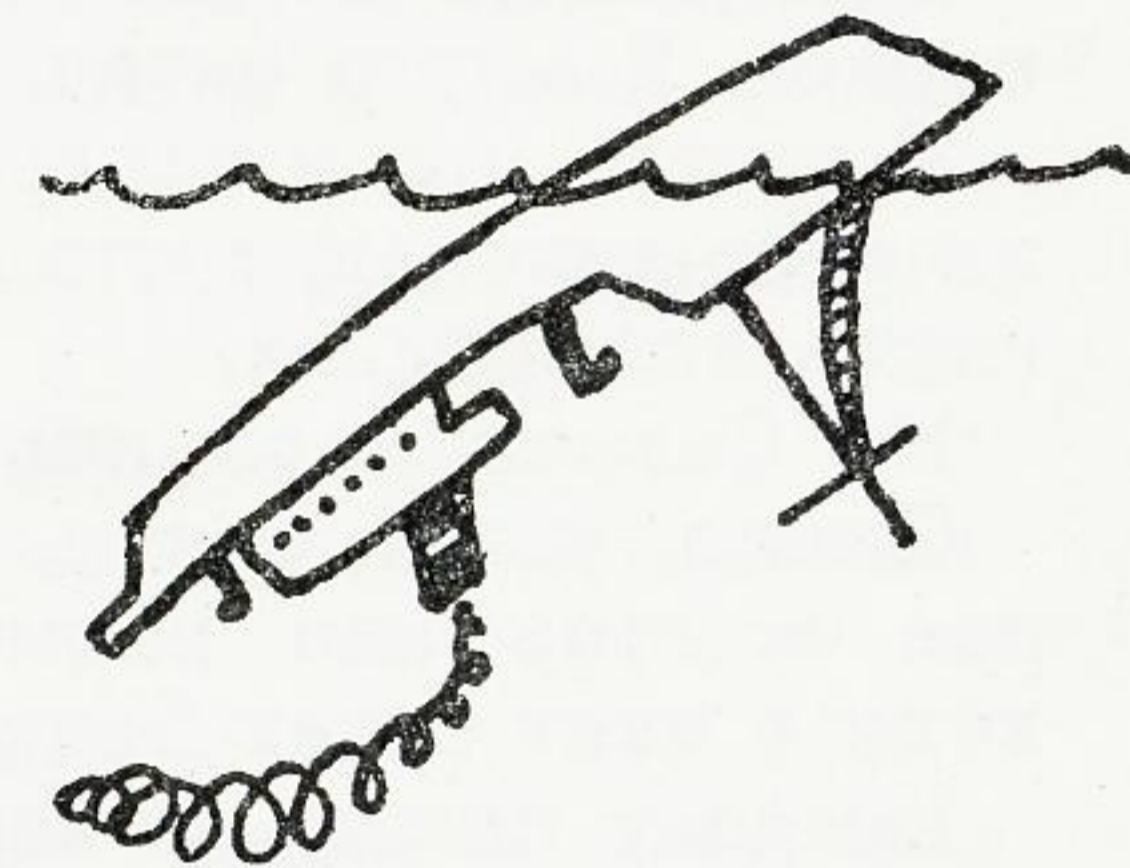
Наконец волны переворачивают судно.

Я с тоской оглядел палубу. Всего одна шлюпка. Она лежала у борта. Коротенькая и мелкая. Как детское корытце.

КОМУ-КОМУ, А МНЕ МЕСТА В НЕЙ НЕ ДОСТАНЕТСЯ!

Берег, такой милый и ТВЕРДЫЙ, отступал все дальше и дальше.

Мне отступить было некуда.

МОИ ТОВАРИЩИ

— Знакомьтесь, — сказал Марлен, — наш новый товарищ. Художник.

Я назвал себя:

— Николай.

— Дима, — сказал парень с бородой.

— Кая.

— Вениамин.

— Капитан у руля, — продолжал Марлен, — моторист — в машине. Вот и вся команда. Ну, как тебе здесь нравится?

— По-моему, мы идем слишком далеко от берега.

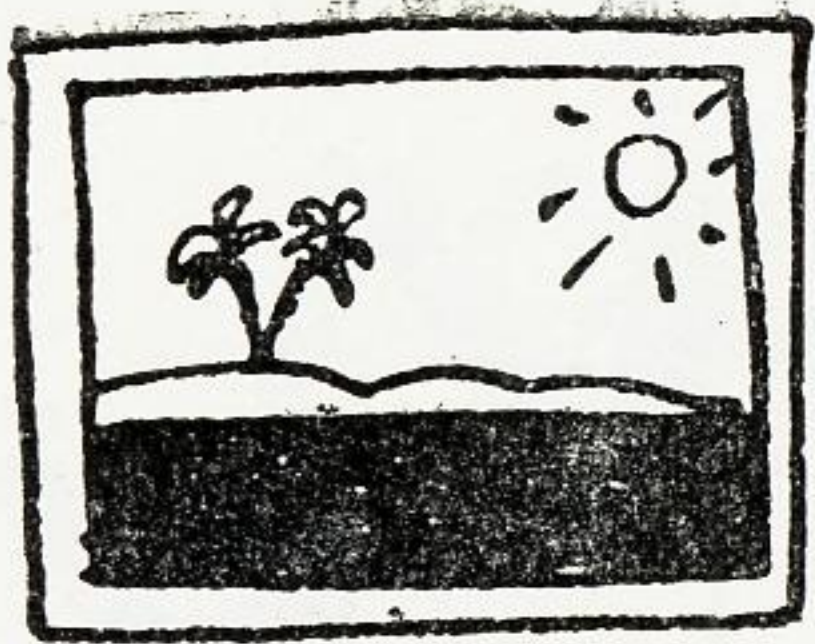
КАКОГО ЦВЕТА МОРЕ?

В детстве я знал, какого море цвета. Я любил его рисовать. Брал кисточку, густо разводил кирпичик ультрамариновой краски и проводил в тетради узкую синюю полосу.

Потом я стал учиться на художника.

Стал присматриваться к морю.

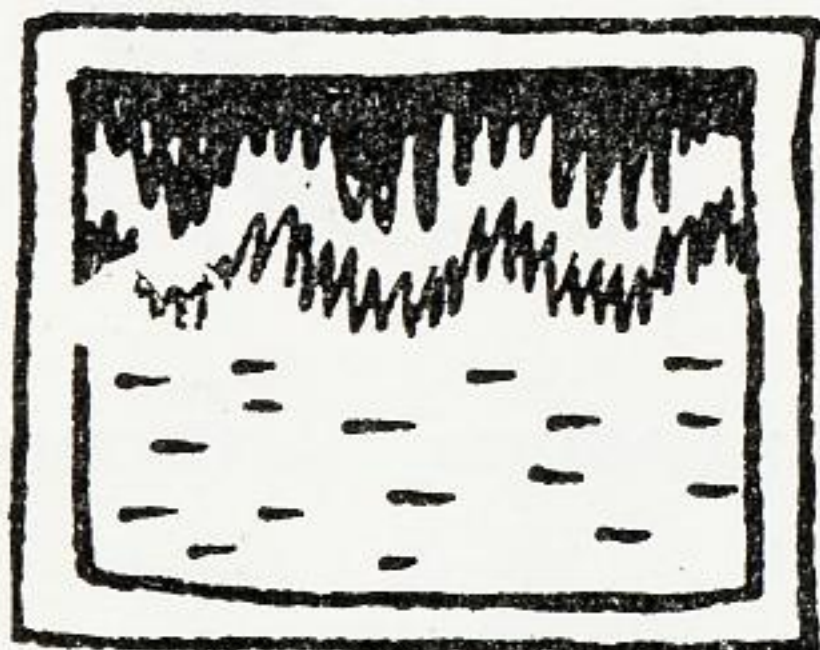
Оно оказалось каким угодно, только не синим.

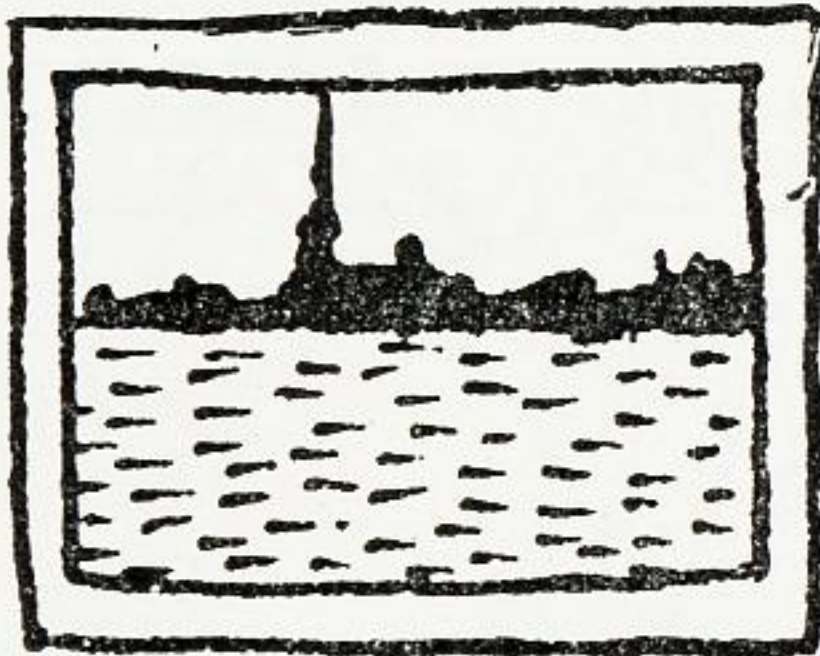
Однажды я прожил месяц на острове. Море было вокруг меня.

Оно оказалось переменчивым.

Утром, до восхода солнца, оно было белесого сероватого цвета. Как поле, посыпанное пеплом.

Поднималось солнце. Поле розовело, по нему ползли лиловые и синие полосы. Полосы росли, ширились, охватывали все море. Небо голубело, тянул утренний ветерок — бриз, и море, как чаша, наливалось до краев зеленой или голубой краской.

При облачном небе море так и оставалось на весь день серого цвета.

Перед штормом оно чернело и только там, где светился солнечными лучами облачный разрыв — глаз циклона — делалось изумрудно-зеленым.

Вернувшись в Ленинград, я снова начал учиться живописи. Я много читал.

Я узнал, что у теплых берегов Африки и Азии вода зеленая-зеленая, густо настоенная на мелких, невидимых глазу, водорослях.

На Севере вода прозрачная, как кристалл льда.

Около устья рек в море всегда держится громадное желтое или коричневое пятно. Это река красит воду в цвет своих берегов.

Когда у пляжа из кварцевого или кораллового песка грохочет прибой, вода взбаламученная, — серая, почти белая.

В Калифорнии есть залив. Вода в нем кроваво-красная от малюсеньких рачков-ночесветок. Ночью такая вода, если ударить по ней веслом, вспыхивает миллионами огоньков. А быстрый дельфин кажется сказочным чудовищем, источающим синее пламя.

Превращения моря нет конца.

Какого же оно цвета?

Этого не знает никто.

А «ТРИГЛА» ВСЕ ИДЕТ ВПЕРЕД.

Я готовлю кисть и краски.

Замечательные краски, на чистейшем растительном масле.

Я буду рисовать.

Уж если попал на эту посудину, так хоть напишу много-много картин!

ИНАЧЕ ЧТО С НЕЕ ТОЛКУ?

ШТОРМ

Мы обогнули какой-то мыс, и шхуну начало качать.

Сначала волны были так себе.

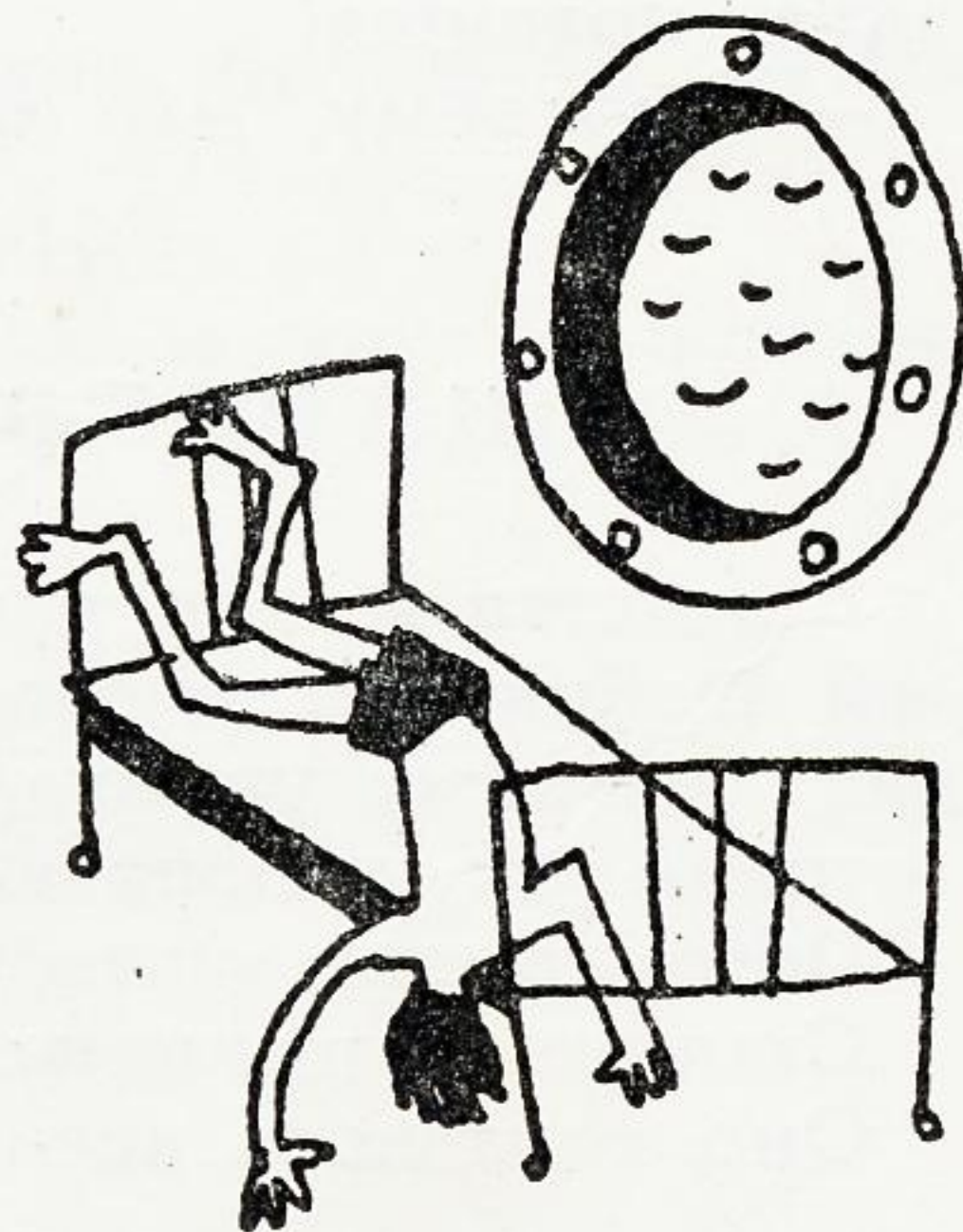
Затем все больше и больше.

И наконец стали черт знает какие большие и страшные!

К горлу у меня подступил комок.

— Ик!

Я икнул и опрометью бросился к борту.

Зачем я так много ел утром!

Потом я лежал в каюте на койке и тихо стонал. Лоб был в испарине. Руки болтались, как чужие. Во рту был вкус медной пуговицы.

НЕТ, КОНЕЧНО, Я ЗРЯ ПОШЕЛ В ЭТОТ РЕЙС!

Мои кисти и краски уже валялись под столом.

ОБЛАКО ПОД ВОДОЙ

К обеду волны улеглись.

Впрочем, мы не обедали.

Мы шли вперед, в открытое море.

Нас вел капитан. Толстый, волосатый. Он стоял за рулем в одних штанах и фуражке. Сразу было видно — моряк. Всю жизнь водил океанские пароходы. Плыть на такой букашке для него пустяки.

За высоким обрывистым берегом нас ждала встреча.

Здесь стояла на якоре шхуна — родная сестра «Триглы».

Только белая, а не зеленая.

Марлен замахал шапкой.

— Привет киношникам!..

Под водой снимают, — сообщил он мне.

Мы подошли к шхуне.

— Ну как?

— Порядок, — сказал главный киношник в черном берете и в очках. — Сняли взрыв под водой. Мина. Отличные кадры!

Тут я заметил, что недалеко от шхуны расплывается черное маслянистое пятно.

— Ах, бесовы дети, — сказал наш капитан, — вот это рванули!

Марлен загорелся.

— Надо посмотреть, что там на дне!

Он нацепил ласты, маску и, не ожидая, когда капитан поставит «Триглу» на якорь, прыгнул за борт.

— Что они там натворили — жуть! — крикнул он вынырнув. — Николай, иди посмотри!

Я?

Этого еще не хватало!

Пока я раздумывал, Вениамин принес мне водолазную маску.

В ЭТОЙ МАСКЕ Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАХЛЕБНУСЬ.

С маской на лице я подошел к борту.

Авось, Марлен не дожидается меня и вылезет.

Не успел я так подумать, как очутился в воде.

Я барахтался, как в молоке. Вокруг меня висела неподвижная белая завеса. Тысячи мелких пузырьков.

Они клубились, как кучевое облако, а я медленно опускался сквозь него.

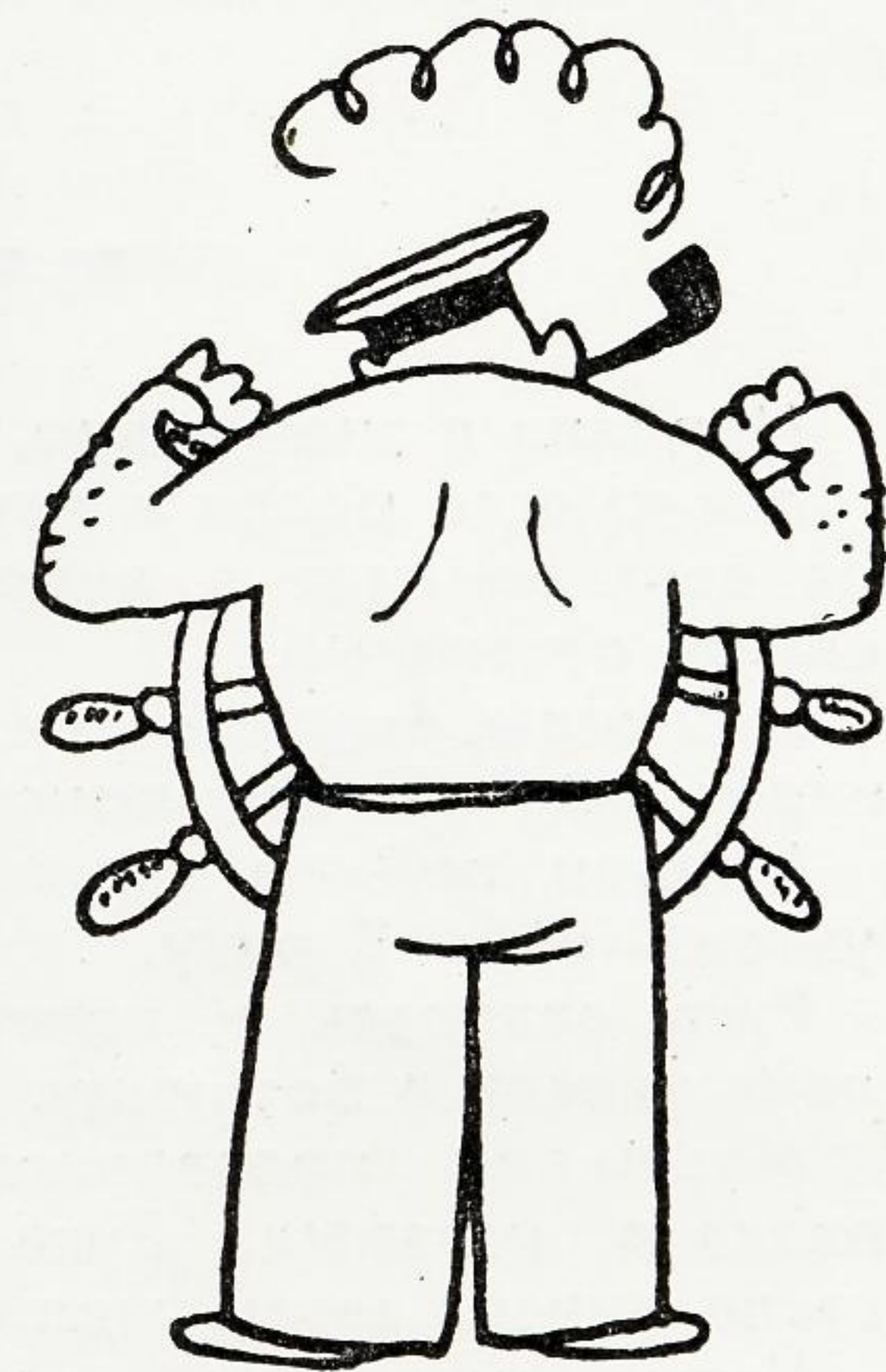
ВОТ УЖАС!

И тут я вышел из белой завесы. Подо мной было дно. Бурое, каменистое. Надо мной — белое облако. Я висел между дном и облаком. В камнях там и тут блестели серебряные полоски и запятые.

Рыбы.

Это были рыбы!

Убитые или оглушенные взрывом, они лежали на дне.

На обожженных взрывом камнях.

Мне сжало грудь.
Дышать! Дышать!

Я отчаянно замолотил руками по воде и, как пробка, выскочил на поверхность. Уф! Маска сползла на грудь.

За руки меня вытащили на шхуну.

Марлен был мрачен, как туча.

— Видал, — обратился он ко мне, — сколько рыбы погубили? Киношники... Отличные кадры!

В голосе его было презрение.

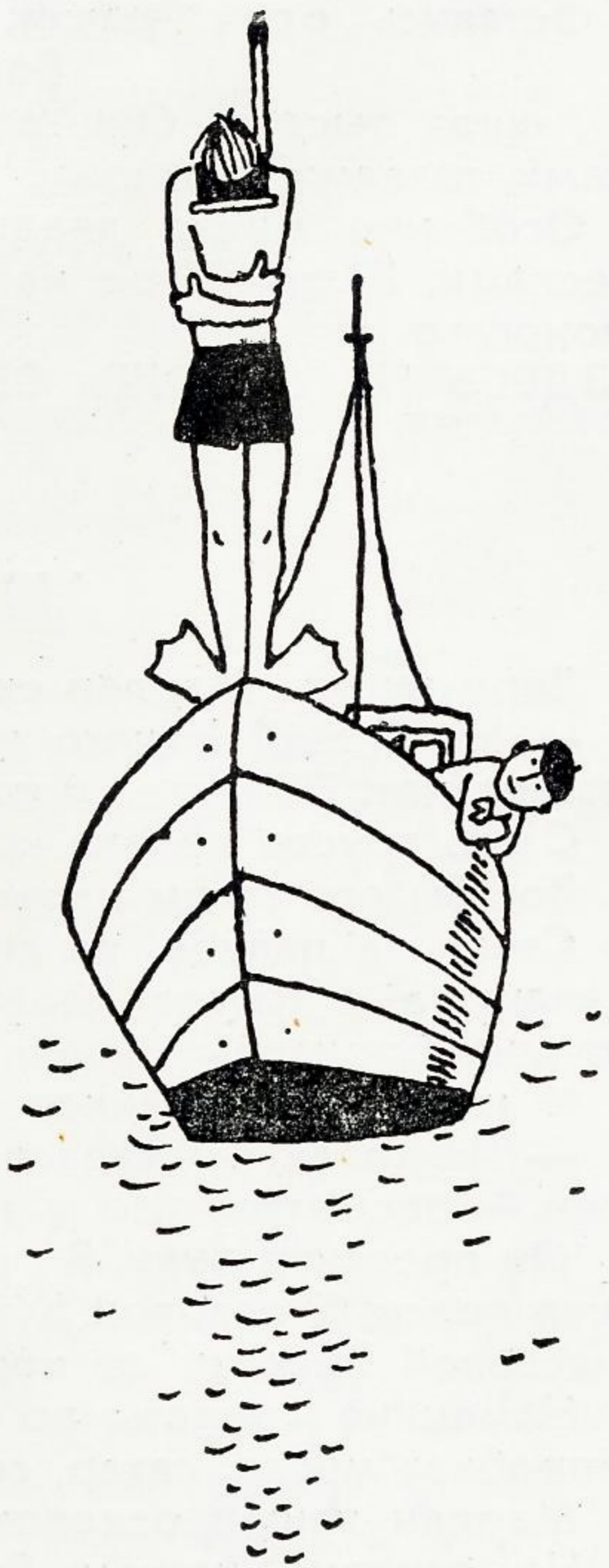
— А пузыри? — спросил я.

Он ответил не сразу.

— Белое облако?.. Это от взрыва.

Я понимающе кивнул.

ИНТЕРЕСНО, КАКАЯ ЗМЕЯ ТОЛКНУЛА МЕНЯ В ВОДУ?

ВЕНЯ

Вениамин толкнуть меня не мог.

Он был чересчур занят.

Бормоча что-то себе под нос, он готовил аппаратуру. Термометры, вертушки. И пробирки. Сотни пробирок.

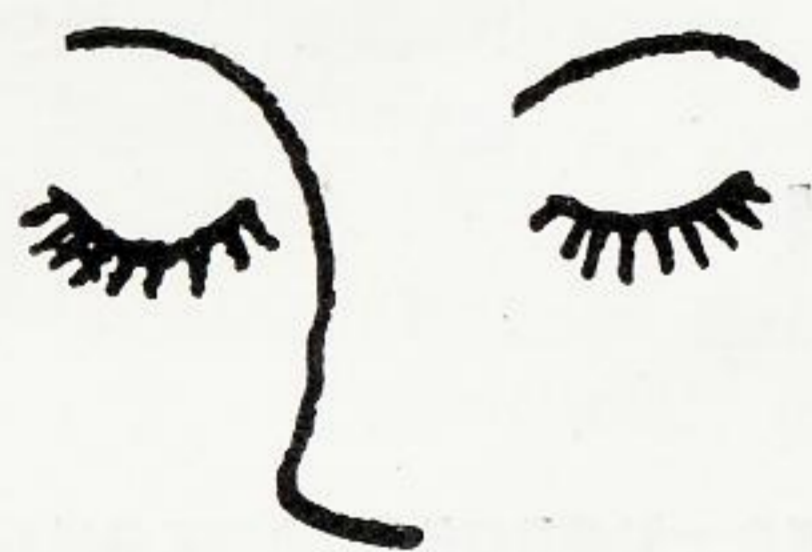
А еще микроскоп, сачки, марлю...

Дел у него невпроворот. Он будет «делать станции». Брать пробы забортной воды, записывать ее температуру и соленость.

Четыре толстенных журнала для записей ожидают его.

Некогда ему баловаться.

КАЯ

И Кая не могла толкнуть.

Она спала.

Она спала с той минуты, как шхуна отошла от берега.

Как выяснилось позже, она всегда спала. На ходу. Сидя. Стоя.

Кая была врачом. Легководола-

зам нужен врач. Он нужен им, как воздух, как насос, как ласты.

Она была самым удивительным врачом, какого мне только приходилось встречать.

В свободное время, когда она не спала, ОНА ТОЛКАЛА ЯДРО.

Тяжеленное ядро. Я как-то попробовал и вывихнул руку.

А она ничего. Ядро летело у нее как из пушки.

Она была ЧЕМПИОНОМ города.

А сейчас она спала.

Спала не просыпаясь. Как Спящая красавица. Как февральский медведь.

— ХР-РР-Р! ФФФ... ХР-РР-Р!

Где уж ей толкать меня!

ДИМА

Дима тоже толкнуть не мог.

Дима только-только окончил институт. Он специалист по доисторическим рыбам. **ПО РЫБИМ ОТПЕЧАТКАМ НА КАМНЕ.**

Дима — это маленький Марлен. Очень дельный и решительный. Только у Марлена бороды нет, а у него борода.

Замечательная борода.

— Вы не с Кубы? — спрашивали у него мальчишки.

— Нет, дети, я не с Кубы! — отвечал Дима.

— Врет! Конечно, с Кубы! — мальчишки шли сзади него толпой.

Мог такой человек толкнуть меня? Нет.

А КТО ЖЕ?

Капитан стоял у руля. Моторист был в машине. Между прочим, я так его и не видел.

КТО ЖЕ МЕНЯ ТОЛКНУЛ?

Наверное, я сам себя толкнул в воду. Так сказал Марлен.

ГОЛУБАЯ БУХТА

Вечером мы пришли в Голубую бухту.

Я даже не понял, что это бухта.

Мы шли с моря прямо на высокий берег. Он рос, рос, отступил, выбросил в море справа и слева от нас два низких мыса.

— Пришли, — сказал капитан, — Голубая бухта. — И зевнул.

Ему надоели все бухты на свете.

Он поставил шхуну на якорь, сел и начал штопать носок.

НАСТОЯЩИЙ МОРСКОЙ ВОЛК!

Из машины послышался стук. Моторист перестал управлять мотором и начал чинить его.

Интересно, покажется ли он когда-нибудь?

ПУШЕЧНЫЕ ЯДРА

«Тригла» стояла у самого берега.

Высокая каменная стена, освещенная закатным солнцем, уходила отвесно в воду.

Стена была покрыта круглыми глубокими ямками.

— Ого! — удивился Дима. — Что это?

Капитан отложил носок.

— Нахимов, — сказал он и подошел к нам. — А может, Лазарев. Кто их знает, — русские адмиралы, прежде чем палить в турок, учились здесь. Палили в стену. В упор всем бортом как ахнут! Вот дыму!

У Марлена в руках был бинокль. Он внимательно осматривал каждый выступ.

— Нет, — сказал он, — отпечатков. И той скалы нет. Сползла в воду... Показать ее?

Он протянул мне фотографию.

Старую пожелтевшую фотографию Голубой бухты.

Одна из скал на снимке была помечена крестиком.

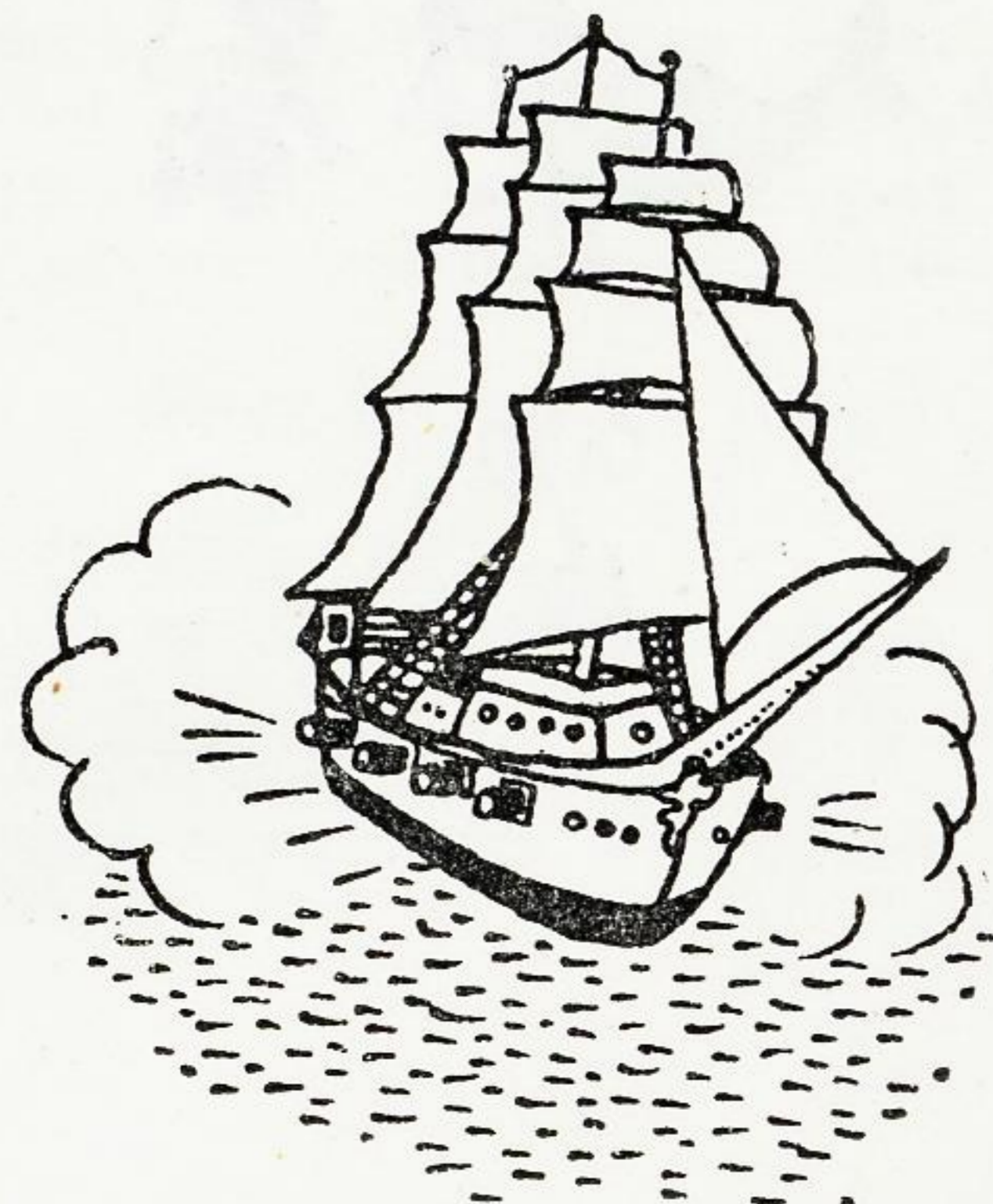
Черная скала, с белыми полосками.

— Это и есть отпечатки? — спросил я.

— Нет. Отпечатков на снимке не видно. Это кварц.

Белые полосы кварца. Очень приметная скала.

Интересно, найдем мы ее или нет?

НОЧЬ

Это была моя первая ночь в море.

Мы спали на палубе. Вповалку.

Шхуна вздрагивала. Слабая волна то и дело поднимала ее.

Поскрипывал узел, которым был завязан якорный канат. Поскрипывали доски.

Надо мной в звездное небо тенью уходила мачта. Верхушка ее запуталась в звездах.

Тонкий крючок луны цеплялся за вершины гор.

С берега доносился шум водопада; сладко пахло сухой травой.

НЕТ, НА МОРЕ НЕ ТАК УЖ ПЛОХО!

НАЧАЛОСЬ

Когда я проснулся, моторист уже стучал внизу в машине. Капитан протирал суконкой сигнальный фонарь. Марлен и Дима готовились к спуску в воду.

Они надели акваланги: гулкие металлические баллоны, маски, ласты.

Кая вытащила на палубу сумку с красным крестом. Марлен и Дима спустили за борт лесенку, сошли по ней в воду.

Там, где они исчезли, забили серебряные роднички пузырей.

Следом за ними в воду полез Веня. Без акваланга. Он будет дежурить на поверхности.

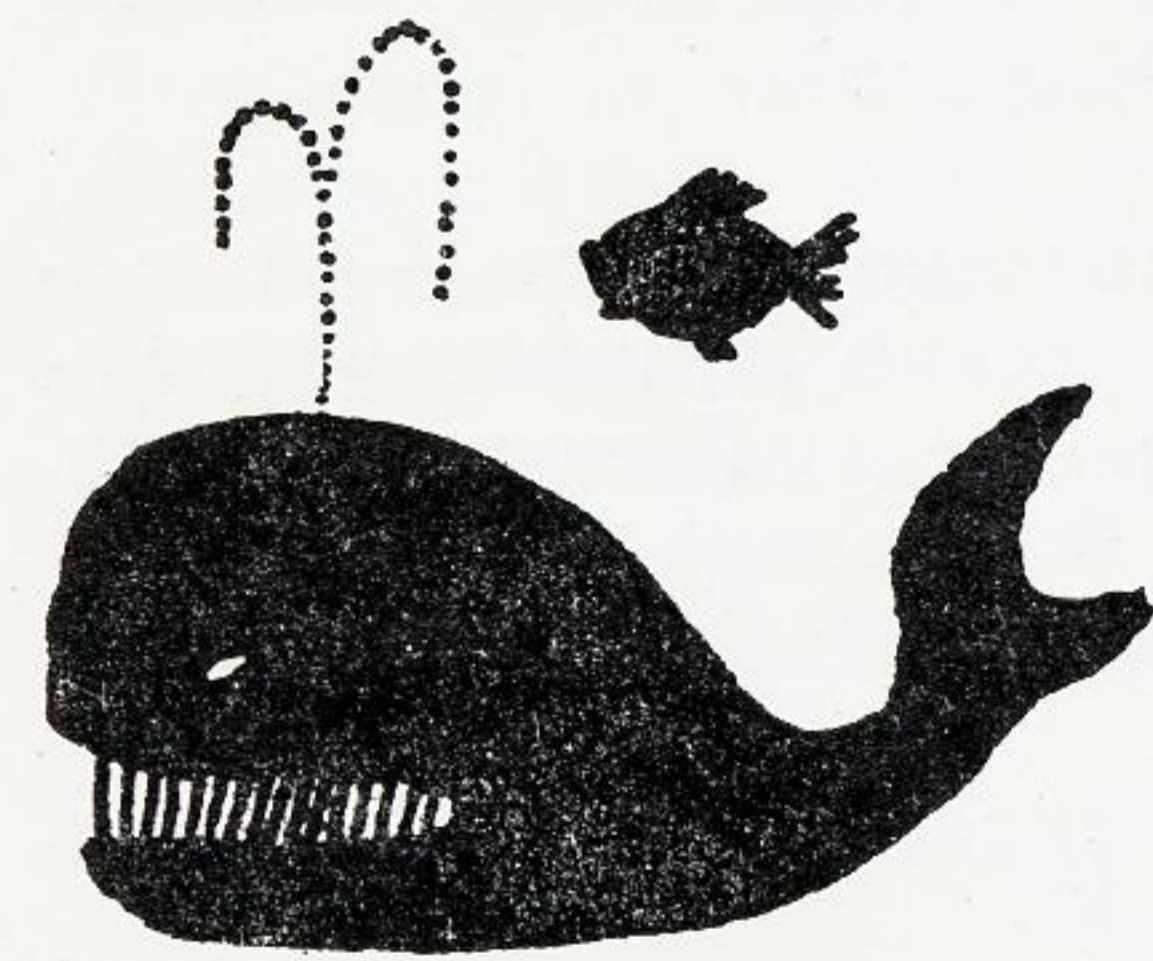
Мало ли что может случиться!

Медленно перебирая руками, он переплывал с одного места на другое. Лицо его было задумчиво.

Я уже знал, о чем он думает:

КАК БЫ ПОЙМАТЬ ВЕСЛОНОГОГО.

ДВАДЦАТЬ НОГ

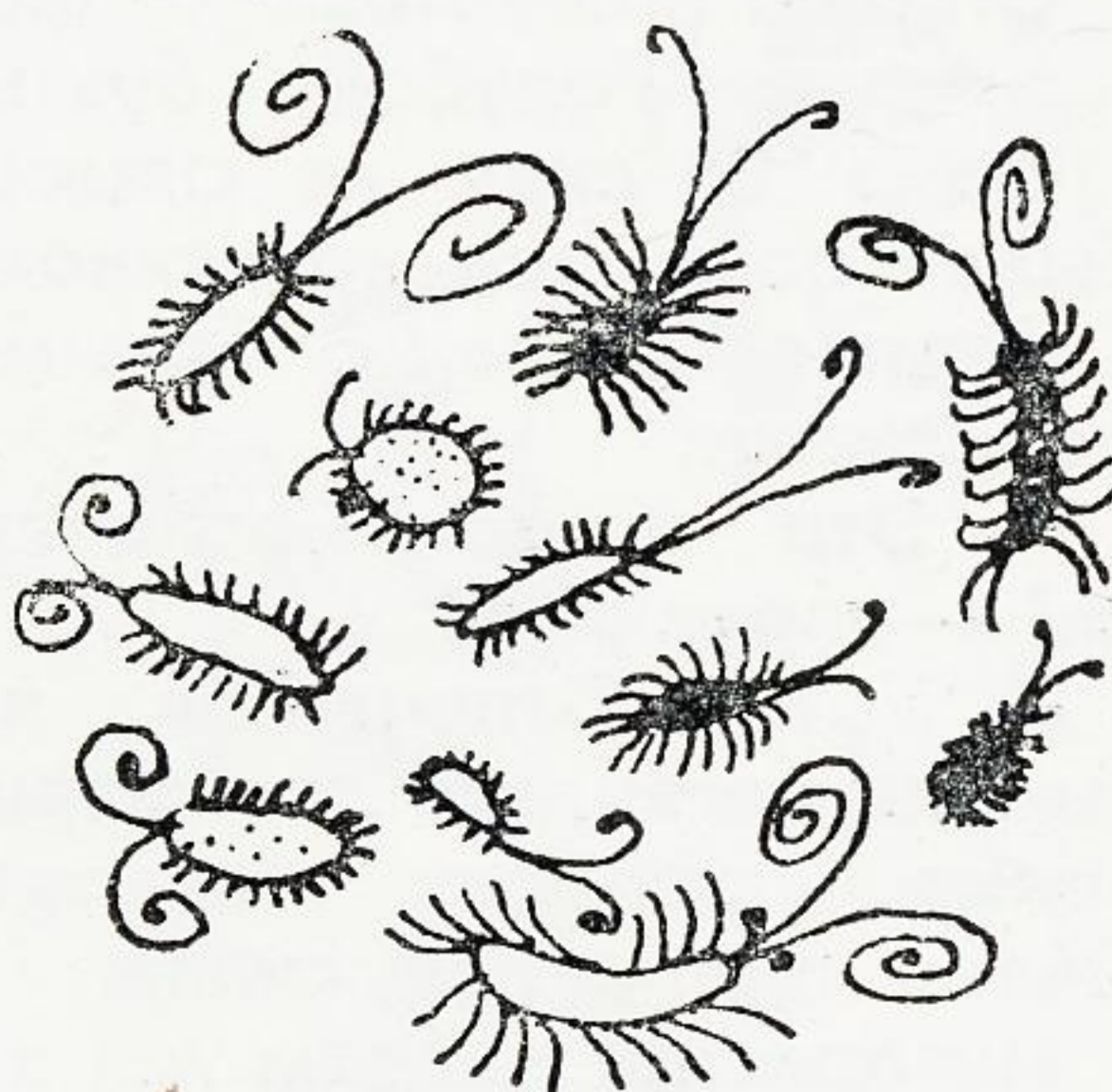

Это Марлен рассказал мне, о чем мечтает Веня. Он хочет сделать ОТКРЫТИЕ.

Открыть новое, неизвестное науке животное.

Сделать это ужасно трудно.

Рыбы все открыты. Открыты киты, тюлени. Даже лягушки.

Остались одни рачки. Малюсенькие, малюсенькие. Вот такие.

Рачков тысячи. Они отличаются друг от друга усиками, глазами, ножками.

Особенно много двадцатиногих рачков с ножками-веслами. Каждый год на земле открывают нового веслоногого рачка.

ЗДЕСЬ НА «ТРИГЛЕ» ВЕНЯ ОТКРОЕТ ЕЩЕ ОДНОГО

...ХЕЛЬ

Вернувшись, Марлен сказал:

— Ну и дно! Ничего не понять: камни есть, а отпечатков нет. Придется оплавить всю бухту!

С его трусов падали круглые, как пяточки, капли.

Вот бы его таким нарисовать!

Стоит на палубе, за спиной акваланг, а с трусов падают большие бронзовые капли.

И небо — синее-синее.

— Николай, — сказал Марлен, — посмотри, что я нашел.

Он протянул руку. В руке лежал красный осколок. Кусок пластмассовой крышки от коробки.

Немецкие солдаты во время войны хранили в таких коробках масло, сахар, соль.

Марлен нашел осколок на дне, между камнями.

На осколке ножом было нацарапано по-немецки.

— Хель... Видно, его звали Михель, — сказал Марлен. — Когда немцы взорвали склад, в нем было еще много людей...

Он замолчал.

Я вспомнил. Марлен воевал под Севастополем. Тут, рядом. Я как-то спросил его:

— Ты кем кончил войну, лейтенантом?

— Солдатом.

Очень странно! Ведь Марлен всегда впереди.

И вдруг — простой солдат!..

К нам подошел капитан.

— Вот здесь, хлопчики, — сказал он, — высаживал я разведчиков. С мотобота. Кто-то с берега как полочет из пулемета! Хорошо, была у нас дымшашка...

Но тут Марлен поднял руку.

— Дельфины! — сказал он. — Скорее к ним!

ДЕЛЬФИНЫ

Дельфины нам были нужны.

Дима говорит, что дельфин после человека самое умное существо на земле.

Умнее собаки. Умнее лошади.

Дельфин может носить за человеком палку, играть в мяч, прыгать через обруч. Может считать до десяти. В Новой Зеландии был дельфин, который катал на себе детей. Прямо по воде. С седлом, как пони. И ни разу не уронил ребенка.

ДЕЛЬФИНЫ — ЭТО ТЫСЯЧА И ОДНА ЗАГАДКА

Они даже плавают как-то по особенному, не так как рыбы. А как — точно не знает никто.

А как они разговаривают друг с другом?

Марлен давно мечтал попасть в стаю дельфинов. Поплавать с ними. Посмотреть на них под водой.

— Полный вперед!

«Тригла» снялась с якоря и направилась к стае.

Но дельфинов мы нагнать не смогли. Они плыли в десять раз быстрее шхуны.

Тогда Марлен предложил: он выбросится за борт, шхуна отойдет в сторону, дельфины вернуться, и он останется среди них!

ЗДОРОВО ПРИДУМАНО!

Мы так и сделали. Марлен прыгнул за борт.

А мы ушли.

Через полчаса шхуна вернулась. На то же самое место. Тютелька в тютельку.

Но Марлена на месте не оказалось.

— Что такое?

Битый час мы ходили взад-вперед, разыскивая его.

Марлена не было!

— Уж не утонул ли он?

Наконец капитан заметил далеко от шхуны в воде человеческую голову.

Это был Марлен.

Его вытащили на борт.

Он ослабел и ругался шепотом.

Он проклинал нас, море, дельфинов.

Он говорил, что мы **НАРОЧНО** целый час ходили вокруг него. **НАРОЧНО** не замечали знаков. Один раз чуть было **НАРОЧНО** не зарубили его винтом.

Что за чепуха!

И только капитан догадался, в чем дело.

С шхуны голова Марлена казалась точкой. В темной воде ее не было видно.

А для Марлена шхуна на фоне неба была все время видна и казалась все время рядом.

— А дельфины?

— Они так и не приплыли.

— Еще бы, — сказал капитан, — так морской зверь к тебе и подплывет! Он человеком обижен...

И мы услышали историю серого кита по прозвищу Боб.

СЕРЫЙ БОБ

— Это произошло, — сказал капитан, — лет десять назад. В Северной Атлантике.

Летом там собираются на промысел рыбаки. Ловят сельдь.

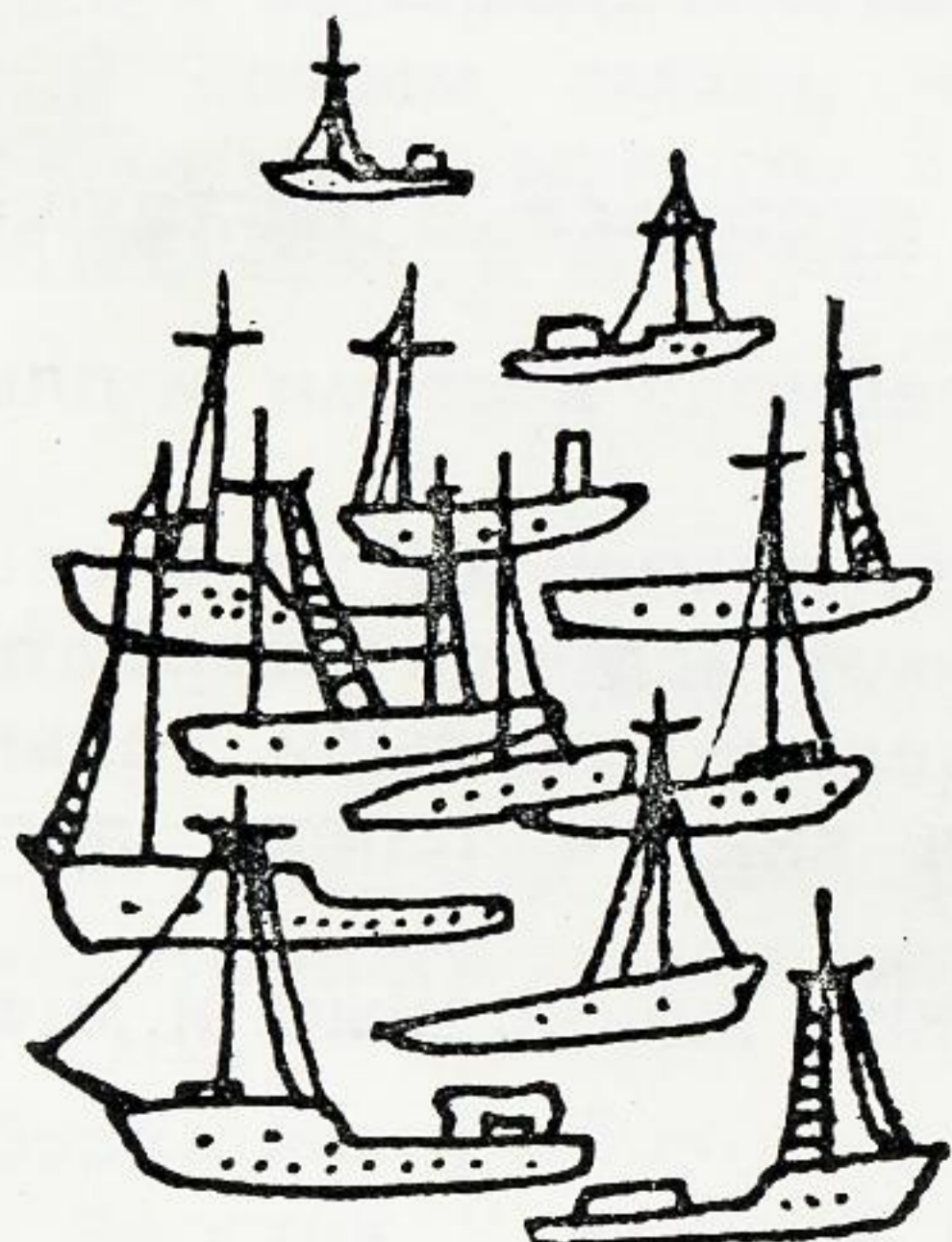
Сельдь ходит громадными косяками на отмелях, прогретых солнцем. На отмелях, где тучами роится еле заметный глазу рачок. Рыба нагуливает жир.

Ловят ее здесь в несметных количествах.

Тысячи рыболовецких шхун со всех концов мира бродят следом за лиловыми селедочными косяками.

Шхуны, как черные муравьи, снуют по отмелям. Каждая тащит за собой невод.

Стучат дизеля. Стучат разделочные ножи. Густой запах соленой рыбы стоит над океаном.

И вот однажды среди шхун появился кит.

— Гляди, серый! — удивились рыбаки.

Серый кит — редкость.

Рыбаки сказали это на разных языках, но одинаково радостно. Даже кит — развлечение в эти дни, туго набитые работой и рыбой.

В полдень с итальянского судна за борт упал человек.

Он поскользнулся на брошенной на палубу селедочной голове и не успел крикнуть, как очутился в воде.

На шхуне хватились его не сразу. Бросились искать. И, конечно, не нашли.

— Жаль Антонио, — сказал капитан, — он был хороший рыбак...

Он мог бы добавить: «и хороший отец». У Антонио было четверо детей.

— Надо искать его, капитан, все время искать! — сказал молодой моторист. Он впервые видел, как гибнет в море человек.

Капитан молчал. Уж он-то знал: человека ищут **НЕ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ОН МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ НА ВОДЕ.**

— Капитан, я вижу вон там что-то серое.

— Это сегодняшняя кит. Гоняется за селедкой.

— Но он кружится на одном месте!

Капитан пожал плечами.

— Можно посмотреть...

Шхуна направилась к киту.

Когда рыбаки подошли, серый великан отплыл в сторону. На том месте, возле которого минуту назад кружилось животное, белела матросская куртка.

Это был ослабевший, потерявший надежду Антонио...

С этого дня кит стал другом рыбаков и получил кличку Серый Боб.

Каждое лето Серый Боб появлялся на отмелях.

— Здорово, приятель! — кричали ему матросы.

Шумно вздыхая, Боб медленно проплывал между шхун.

Дважды он попадался в сети. Одну сеть он порвал, во второй запутался.

Его подтащили к борту траулера и осторожно разрезали сеть.

После этого случая Боб стал совсем ручным.

— Не кончится это добром! — говорили старые капитаны, глядя как Боб лениво переворачивается под самым носом у кораблей. — Где это видано, чтобы животное лезло на корабль?

И беда пришла.

К самому концу сезона на отмели появился английский траулер. Вместо дизелей у него стояла газовая турбина. Капитан его, молодой моряк, впервые получивший под свое командование судно, торопился. Нужно было до ухода рыбы с отмелей набить трюмы.

Кита он возненавидел с первого же дня.

— Этот проклятый зверь пугает рыбу, — зло говорил он. — Кому нужен цирк в море!

Однажды траулер, приготовив сеть, гнался за косяком. Неожиданно перед носом судна вынырнула громадная серая туша. Боб перевернулся несколько раз и, привлеченный необычным звуком моторов, приблизился к самому борту.

— Осторожнее, капитан! — крикнул кто-то из матросов. — Не пораньте Боба!

Капитан сделал вид, что не слышит.

Он уже заметил на горизонте фиолетовое пятно. Косяк!

— Право руля!

Корма траулера стремительно покатила в сторону кита.

— Эй, приятель!
 Но было уже поздно. Острые, как ножи, лопасти винта врезались в мягкое тело животного.
 Боб рванулся и, оставляя за собой дымный кровавый след, ушел на глубину.
 Больше его на отмелях не встречал никто...
 — Капитан, это правда? — тихо спросила Кая.
 Капитан с жалостью посмотрел на нее.
 — Разве так выдумашь... — помолчав сказал он.
 — А кит... его убили?
 — Н-не знаю. У кита на спине сала — полметра. Могли и не убить... Обиделся кит.
 — А что стало с англичанином? — спросил Веня.
 — Вернулся в Англию. Там вся команда списалась на берег. Пришлось уйти и капитану. Ни один матрос не хотел больше плавать с ним... Вот так.

ЖЕЛЕЗНОЕ РАСПИСАНИЕ

Когда мы вернулись в Голубую бухту, Марлен распределил обязанности.

Он составил железное расписание.

Веня берет станции. Каждые четыре часа.

Кая следит за водозлазными спусками и заполняет Венины журналы.

Марлен и Дима два раза в день обследуют дно.

Всё по расписанию и ни шага в сторону!

Я должен всем помогать!

Так...

Так... так... Картины я, очевидно, должен писать ночью.

МЕНЯ УЧАТ ПЛАВАТЬ

— А ты, кстати, плавать умеешь? — спросил Марлен.

— Умею. Не очень... В общем, плохо.

— Это хорошо! Не надо переучиваться.

И он показал мне, как надо плавать.

Надеваешь маску и ласты, ложишься на воду. В маске воздух. Она, как поплавок, держит голову. Дышишь через трубку. Шевелишь ногами. Ласты извиваются, как змеи, и ты поплыл. Руки свободны для работы.

— Не переплыви сгоряча море! — предупредил Марлен.

В маске, с ластами, я сполз за борт. Зашевелил ногами и — поплыл.

Долго плыл. Оглянулся — от шхуны отплыл шагов на десять.

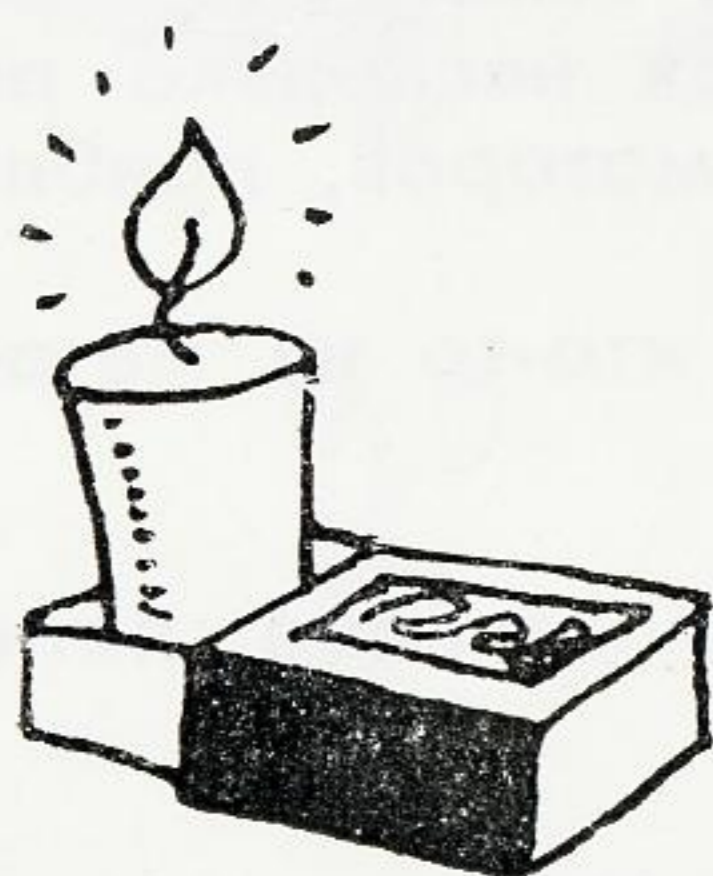
Так что зря Марлен беспокоился — море я не переплыву. Разве что сгоряча.

ПИСЬМО

Вторая ночь.

Я зажег на палубе огарок свечи и написал письмо. Письмо моряка. На клочке бумаги. Огрызком карандаша. Под свист ветра и выстрелы пиратов. Капитан, где моя шпага?

Вот что я написал.

Дорогие мама и Зина!
 Не удивляйтесь, если письмо будет пахнуть смолой и солью — пишу на корабле.

Второй день плывем по Черному морю. Все идет замечательно. Я боялся, что не будет ни одного шторма, но их здесь достаточно. На днях какие-то олухи взорвали в море мину. Я первый бросился за борт, чтобы обследовать дно.

Капитан и Марлен (наш начальник) — парни ничего. Если с ними что-нибудь случится, боюсь, заменять их придется мне.

Отвечать не старайтесь, почта не дойдет. Письмо бросаю в бутылке в море (здесь все делают так).

Ваш сын и брат Коля.

Я запечатал письмо в бутылку из-под нарзана и бросил бутылку в море...

УТРО

Проснулся я раньше всех.

По бледно-желтому небу ползли ватные облака.

Море было тихим и стальным.

Я вышел на корму и начал делать приседания.

— Раз... Два... Раз... Это что такое?

Метрах в десяти от шхуны покачивалась на воде бутылка.

МОЯ БУТЫЛКА С ПИСЬМОМ.

Я представил: ее вылавливают, раскупоривают и читают вслух.

СГОРЕТЬ МОЖНО ОТ СТЫДА!

Раздумывать было некогда.

Я перевалился через борт в воду.

Стуча по воде руками, как утопающий, я поплыл к бутылке. Цоп!

Холодное скользкое горлышко очутилось в моей ладони.

— Что ты там делаешь?

Сонно протирая глаза, у борта стоял Дима.

НАДО ЖЕ БЫЛО ЕМУ ПРОСНУТЬСЯ!

Я судорожно глотнул воздуха и скрылся с бутылкой под водой.

Пробка как камень!

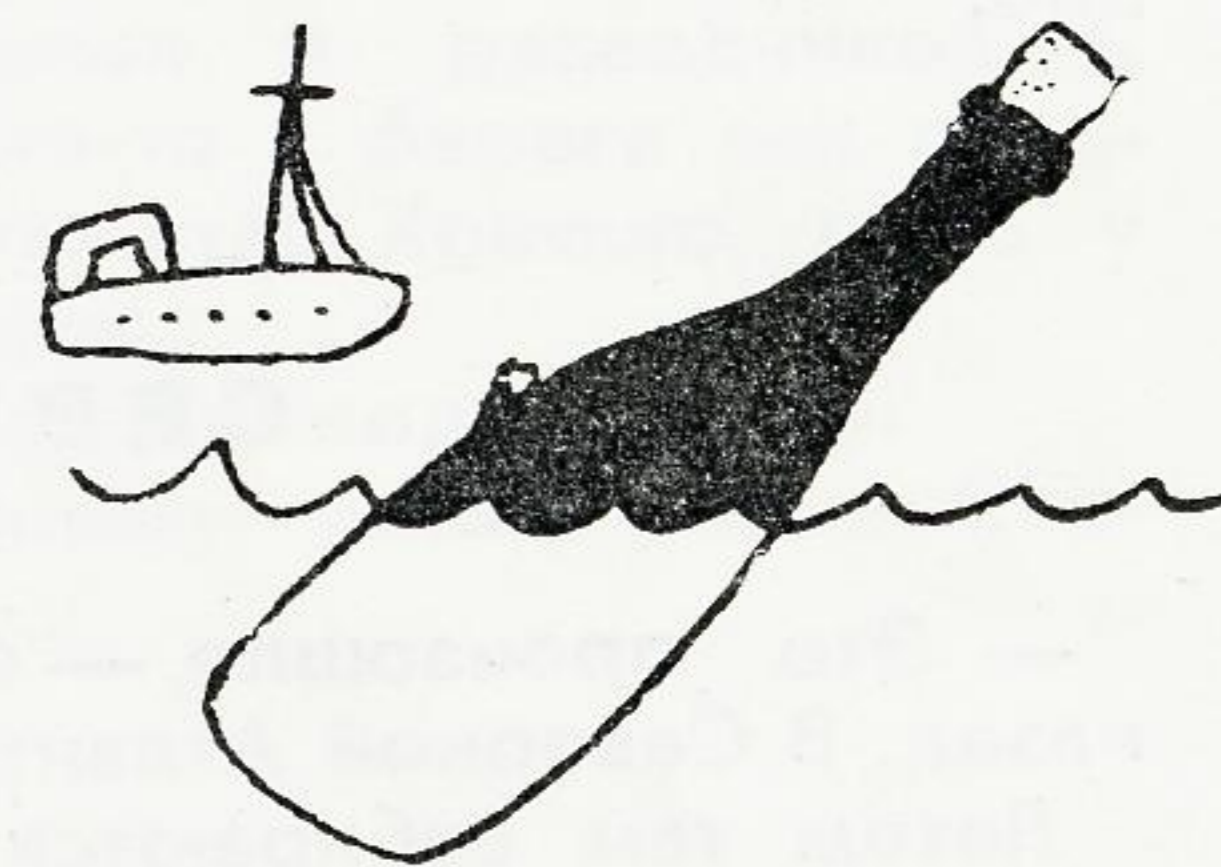
Чуть не плача, я зубами вырвал ее. Буль-буль-буль!

Бутылка пошла на дно.

— Уфф!

Я вынырнул, отдышался и, стараясь плыть НЕБРЕЖНО, вернулся на «Триглу».

— Сказочное утро! — бросил я Диме. — Люблю с утра поплавать!

ПЕРВЫЙ КОСМОПЛАВ

В это же утро я отважился пуститься в настоящее плавание.

Я лежал на груди, быстро перебирая ластами, и плыл над подводным лесом.

Дно было покрыто лохматыми, похожими на еловые лапы, водорослями. Между ними чернели щербатые кривые камни да светились желтые россыпи гальки.

Морских рыб я рисовал для книг и теперь легко узнавал их.

На камнях сидели ерши — такие же черные и щербатые, как камни.

Колченогий краб, смешно взбрыкивая ногами, пробежал по гальке.

Пронеслась стая кефали — узкие серебристые рыбы, стремительные как стрелы.

Мягкий рассеянный свет без теней ложился на подводные леса и скалы.

Это был удивительный, какой-то космический мир. А я — первый космоплав. Я плыл, не чувствуя веса своего тела, не видя, где начинается и где кончается толща воды.

Перед моим лицом беззвучно ломалось и распадалось на куски серебристое зеркало.

Это играл свет на волнах. Когда я вернулся на шхуну, то спросил Марлена:

— Ну как я плыл?

— Ничего, — спокойно ответил он.

Я обиделся.

— Ничего, — повторил наш начальник, — только болтал головой и взбрыкивал ногами. Как курортница.

Я захлопал глазами от неожиданности. Мне казалось, что я плыл в-е-л-и-к-о-л-е-п-н-о!

БЕЛЫЕ МЕШОЧКИ

С этого дня мы работали по расписанию. По железному расписанию, которое составил Марлен.

Мне некогда было вздохнуть. Про кисть и краски я забыл.

Я крутился как белка в колесе.

На свет появились белые мешочки.

ЭТО ТЕПЕРЬ САМОЕ ГЛАВНОЕ.

В каждом мешочке лежала рыба приманка.

Пахучая-препахучая.

Мешочки я привязывал к шнурам. У каждого шнура был якорь и поплавок. Шнуры бросал за борт. Везде, где останавливалась шхуна.

Я плавал от поплавка к поплавку.

Я вел рыбу перепись.

Я висел, сгорбившись, в воде и писал.

Тупым гвоздем на алюминиевой пластинке.

Записывал рыб.

Шнур был туго натянут между якорем и поплавком.

На каждом шнуре висели три белых мешочка. У самого дна, посередине и у поверхности.

Около мешочков толпились рыбы.

У верхнего — юркая серебристая мелочь.

У среднего — рыбы посolidнее, но тоже отливающие серебром.

У самого нижнего — ни на кого не похожие обитатели морского дна. Зеленые и бурые — под цвет камней и водорослей.

Я совсем забыл, что плохо плаваю. Мне некогда было плохо плавать. Я плавал хорошо.

ВПРОЧЕМ, В СЛУЧАЕ ЧЕГО, СПАСАТЬ МЕНЯ ДОЛЖЕН БЫЛ ВЕНЯ.

ПОДВОДНЫЕ ПТИЦЫ

Я вывернул один мешочек, и горсть бурых крошек закружилась около шнура.

Откуда ни возьмись, на них налетела стая черных бархатных рыбок.

Хвостик у каждой был раздвоен, как у ласточки.

Рыбки не стояли на месте, не плавали по кругу, как другие.

Они причудливо порхали, переносясь с места на место.

Черные хвостики не знали покоя.

Рыбки вились вокруг медленно тонущих крошек.

Ко мне подплыл Марлен.

— Морские ласточки, — нацарапал он на дощечке.

Конечно, ласточки... Как же им называться еще?

ИГЛА

Прямо подо мной из водорослей торчала серая палка. Вдруг я заметил, что палка изгибается.

— Живая!

Я решил, набрал воздуха и нырнул.

Дойдя до дна, я увидел полянку, поросшую бурими водорослями, а в глубине — кучу угрюмых черных камней.

Из бурых листьев торчала здоровенная рыба-игла. Рыба-иголка, которых полно в матрасах, набитых морской травой.

САМАЯ БЕЗОБИДНАЯ ИЗ РЫБ — так пишется в книгах.

Я протянул руку.

Рыба тронулась с места и пошла на глубину. В камни. Она плыла ужасно нелепо, **СТОЯ** — головой вверх, хвостом вниз.

Глубже, глубже.

Я снова протянул руку, схватил иглу и...

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ ВОЗДУХУ!

Изо рта выскочил серебряный пузырек. Перед глазами пошли красные круги. Я потерял сознание...

Чья-то сильная рука тащила меня наверх...

Вот всё, что я помню.

О НОГАХ

Спас меня Марлен.

Это он заметил: со мной что-то неладное.

А Веня?

ОН ДУМАЛ О СВОИХ ДВАДЦАТИНОГИХ.

Обо мне он забыл.

НУ КОНЕЧНО, ВЕДЬ У МЕНЯ ДВЕ НОГИ...

У Марлена с ним был разговор. Веня целый день потом ходил в пятнах. Как жирафа.

Двадцатиногие, и верно, не давали ему покоя.

То и дело Веня доставал из-за борта ведро воды.

Воду процеживал через марлю.

На марле оставался комочек голубоватой слизи.

ЭТО БЫЛИ РАЧКИ.

Вернее, в слизи было **ЧТО УГОДНО** и рачки тоже. Слизь он осторожно собирал на стеклышко и рассматривал через микроскоп.

НОВЫЕ ВЕСЛОНОГИЕ НЕ ПОПАДАЛИСЬ.

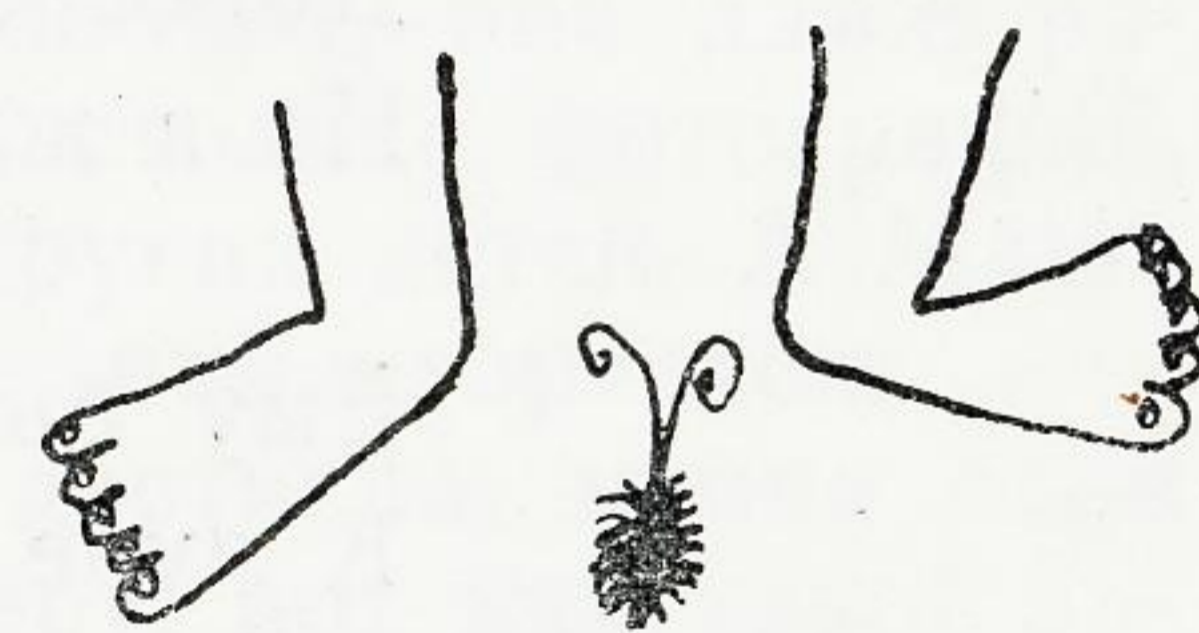
РУЖЬЕ

В каюте, над койкой Марлена, висело ружье.

Необыкновенное ружье. Для подводной охоты.

Оно стреляло гарпуном. Две стальные пружины угрюмо вились бок о бок вдоль металлического ложа.

— Этим ружьем можно убить кита, — сказал как-то Марлен.

Я не понял, шутит он или — всерьез.
Разве можно такое страшное оружие оставлять на стене, без присмотра?

Однажды, когда Марлена не было, я снял ружье со стены и попробовал взвести его. Тяжелые пружины едва шевельнулись.

Я понял, почему Марлен не боится за ружье.
Кроме него, с ружьем никому не справиться!

БРИЛЬ

Мы ходили по шхуне растрепанные и волосатые.
Один Веня в аккуратной соломенной шляпе.

— Очень милая шляпка.

Где ты ее достал? — спросила однажды Кая.

— Не твое дело, — обиделся Веня.

— Позор! — сказал Марлен. Он давно присматривался к Вениной шляпе. — На корабле — такая панама! Нас примут за диверсантов. Арестуют.

— Это бриль, — гордо возразил Веня.

— Вот и хорошо. Выбрось его за борт.

Марлен до сих пор не простил Вене случая со мной!

ИЩЕМ, ИЩЕМ, ИЩЕМ...

Потянулись скучные дни.

Каждое утро «Тригла» снималась с якоря и шла «в точку» — к намеченному заранее месту.

Таких точек Марлен наметил сорок.

В «точке» Марлен и Дима осматривали дно. Веня брал станцию. Я записывал рыб.

Каждый день одно и то же.

Вначале мы с нетерпением ждали возвращения водолазов: а вдруг сегодня нашли!

— Нет! — мрачно говорили они.

И мы привыкли.

Мы только вопросительно смотрели на них, а они в ответ только качали головами.

Потом мы перестали смотреть, а они перестали качать.

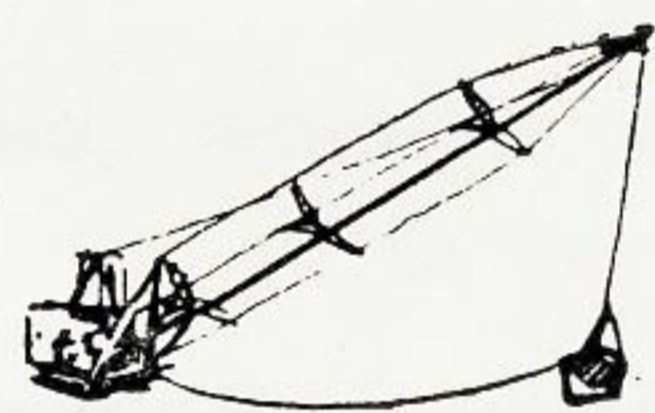
Тогда все стали пожимать плечами.

— Кто знает, где эти камни? — говорили мы. — Может, никаких отпечатков-то и не было?

Тогда Марлен вытаскивал из бумажника пожелтевшую фотографию.

— Отпечатки были, вот здесь, — уверенно показывал он.

Окончание следует

Экскаватор

Е. Руженцев

Дорос экскаватор до звезд,
Но в жизни он скромн и
прост,

Ему бы при росте большом
К луне прикасаться ковшом.
А он — лишь заметит вдали
Громадную глыбу земли,
И сразу бросается в бой,
И падает вниз головой.

Земли наберет полный рот,
Потянется шеей вперед,
Раскроет железную пасть,
Чтоб глыбе на место упасть.
И снова нагнуться спешит,
Как будто земля убежит.
Работал бы целую ночь —
Как хочется людям помочь!..

В редакцию приходит много писем с просьбой прислать фотографии киноартистов. Но некоторые ребята в своих письмах не указывают фильмов, в которых снимались интересующие их артисты. Иногда даже неправильно пишут фамилии артистов. Видно, для них неважно: хороший это артист или плохой, в удачных или неудачных фильмах он снимался. Это горе-собиратели, а не настоящие любители искусства.

Про таких написан фельетон, который мы печатаем.

СУДЬБА ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Виктор Голявкин

Рисунок автора

Собирать, конечно, все можно. Что хочешь, то и собирай. Не хочешь — ничего не собирай. Хочешь — сначала собирай, потом не собирай. Хочешь — марки собирай, хочешь — спичечные коробки, хочешь — камни. Хочешь — собирай всё вместе: камни, марки, коробки и еще что-нибудь в придачу. Это, как говорится, дело личное. Натаскай себе разных булыжников в комнату и живи в свое удовольствие! Если только мама позволит. Хотя камни бывают разные. Некоторые камни полезно собирать. Марки тоже полезны. Знакомишься с разными странами, королями, президентами, сталкиваешься, если можно так выразиться, с историей, географией. Полезно собирать книги. Про книги и говорить нечего. Тут пользы — масса. Опять-таки если читать их. А если так, на полке стоят, пользы тоже немного.

А вот одна девочка, Маша Машкина, собирала фотографии артистов. Ничего в этом плохого, безусловно, нету. Но говорить о пользе тут тоже трудно. Ну, какая тут может быть польза? Разве только сказать при случае: «А как же! Я этого артиста знаю. У меня есть фотография». На это можно ответить: «Ну и что же?» На свете есть куда более полезные вещи, чем эти фотографии.

И вот эта девочка Маша насобираала очень много фотографий артистов. Собирать уже вроде некуда — стены все в фотографиях, альбомы полные. Родители про себя думают: «Ну и слава богу, наша девочка занята делом» (хотя никакого дела здесь безусловно нет). Только иногда отец скажет: «Опять вокруг

какие-то незнакомые лица». На это девочка ему отвечала: «Эх ты, папа! Как же ты их не знаешь?! Их каждый знает!» И отец даже немного конфузился после такого ответа. Он почти не ходил в театр и в кино ходил довольно редко, он был занятой человек, директор какого-то крупного учреждения, и его не очень-то радовали эти фотографии. Поскольку они ему ни о чем не говорили. Но против он тоже не был. Он просто был безразличен. Только когда он уставал, эти фотографии его раздражали. Но это бывало редко. В основном, он был крепкий человек и почти не знал усталости.

А Машина мама — наоборот, она даже радовалась, что у ее дочки столько фотографий, гораздо больше, чем у других детей. А Маша видит такое дело, всю знай старается.

Большого успеха она достигла, меняя одни фото на другие. К примеру, вот вам такой артист, а вы мне дайте такого. Или: я вам двух этих, а вы мне двух тех. Она не очень-то хорошо знала фамилии артистов. Одних она, правда, видела в кино, а других и вовсе нигде не видела, но если ей говорили, что это именно артист, а не какая-нибудь другая личность, она моментально загоралась приобрести эту фотографию. Один мальчишка предложил ей несколько карточек своих старших братьев, уверяя ее, что это артисты. И она за эти фотографии отдала ему несколько книг, в том числе «Моби Дик» и «Дикая собака Динго или повесть о первой любви». Она методично писала письма в различные советские и иност-

ранные журналы с просьбой выслать ей фотографии артистов. Хотя каждому ясно, что журналы существуют не для этого. Этими своими письмами Маша отвлекала людей от работы, занимала их золотое время. Получая такое пустячное письмо, работник редакции разводил руками и возмущался. Но Машу это мало интересовало. Несмотря на то, что ни один журнал ей ничего не прислал, она насобирала столько этих фото, что можно даже

ским крестом, бабка с девятью детьми — все эти редчайшие семейные фотографии были выкинуты из альбома и неизвестно куда делись. На их месте появились совсем незнакомые отцу люди. У родителей даже слезы навернулись на глаза. И они прямо спросили ее, куда она дела семейные фотографии. А Маша, не понимая родительского расстройства, говорит: «Неужели вы не видите, что эти снимки гораздо ценнее ваших?» Тогда рассерженный отец

удивиться. В итоге у нее появилось по несколько одинаковых фотографий: шесть одних, пятнадцать других, двадцать пять третьих. Это уж вроде совсем ни к чему. Но она не останавливалась.

В любом деле трудно остановиться, если оно тебя захватывает. Хотя, кажется, каждому ясно, что эта меняловка бессмысленна. За одной какой-то фотографией Маша обегала весь город и даже собиралась просить отца, чтобы он взял ее с собой в Москву, когда поедет в командировку. Отец как-то невнимательно отнесся к этой просьбе и она, может быть, именно из-за этой фотографии осталась на второй год.

Вскоре и родители увидели некоторую неприятную сторону этой коллекции. Самые любимые и ценные семейные фотографии: отец с матерью на фоне орла в Ессентуках, мать по горло в воде в Японском море, отец на лошади с шашкой в период войны, дед с георгиев-

хватает у нее этот альбом и кидает его в форточку. Во время полета десятки фотографий выскакивают из альбома и летят по воздуху, кружась и перевертываясь. Потом альбом приземляется во дворе, а за ним многочисленные фото. Маша все это видит и сердце у нее захватывает от такой картины. Отец говорит: «Чтобы больше я не видел у себя этих незнакомых лиц!» Маша в слезах бежит во двор, но альбома там не находит. Только одна карточка, не очень популярного артиста, валялась на песке. Тем временем рассерженный отец посрывает со стен еще несколько фотографий.

Но как ни странно, на Машу это мало подействовало. Она не собиралась расставаться со своей коллекцией. Она продолжала ее пополнять с еще большим рвением.

Свои многочисленные альбомы и солидные пачки, перевязанные бечевкой, она прятала в какие-то тайники, которые ни одна живая

душа не могла бы найти, не говоря уже о родителях. Когда родители уходили, она бросалась к своим тайникам и пересчитывала, перекладывала свое сокровище. Дел у нее по горло было, как видите. Отдохнуть ей было некогда. Все время она узнавала, что существуют какие-то фото, которых она не имеет. Никакого конца видно не было. Хлопот у нее не убавилось, а наоборот, прибавилось.

У нее вся жизнь как-то боком пошла. В кино не ходила. В театр юного зрителя не ходила. В зверинец не ходила. В мюзикомедию

не ходила. В музей не ходила. Никуда она не ходила. На футбол и подавно не ходила. В школу тоже почти не ходила. Иногда появлялась, правда. Но очень редко.

Ее взгляд устремлен был вдаль. Там вдали ей, наверное, чудились какие-нибудь редкие фотографии артистов, которые она не успела приобрести.

Мы не знаем, чем все это кончилось. Может быть, она приобрела еще несколько экземпляров для своей коллекции.

Но потеряла она гораздо больше.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ: НОВАЯ ИГРА

КАК ПРИРУЧИТЬ МЯЧ

НОВАЯ ИГРА?

Это как сказать!

Возьмите, пожалуйста, эту старенькую газету. Только осторожнее, а то она у вас в руках развалится!.. «Утро», Харьков, 1 июня 1913 года. Вот и нужная нам статья: «26 мая в 6 часов вечера состоялся матч-реванш игры хенд-херлинг-бола, между командами «Премьер» и «Антарио».

«Хенд» и «бол» — это английские

слова: рука и мяч. Теперь хендбол (или гандбол) мы так и называем «ручной мяч». Только игроков для удобства зовем не «ручными мячистами», а гандболистами.

Родилась игра в конце прошлого века: вот на полуистершейся фотографии чемпионы той поры в длинных полосатых костюмах, с закрученными кверху усами.

Но только в 1927 году любители ручного мяча созвали свой съезд и

утвердили на нем первый международный свод правил. В 1936 году ручной мяч включили в программу Олимпийских игр. Сейчас в Международной федерации ручного мяча состоят двадцать восемь стран. И наши гандболисты уже шесть лет имеют там своего представителя.

Гандболистов в Советском Союзе около полумиллиона и с каждым днем становится все больше.

А теперь за работу

Сначала очертим площадку. Ее длина сорок метров, ширина двадцать. Поделим площадку пополам. Получится два квадрата, две зоны. Вкопаем столбы ворот. Их высота два метра, расстояние между ними — три метра.

Очертим вратарскую площадку и проведем «линию свободных бросков», как указано на чертеже.

Ровно на расстоянии семи метров от каждой ворот поставим отметку

штрафного удара. Не спутайте с футбольным пенальти — не одиннадцать метров, а семь!

СЕМЬ НА СЕМЬ

В каждой команде семь игроков. Вратарь и шестеро в поле. Все — и защитники и нападающие сразу. Пятнадцатый на поле — судья.

СМЫСЛ ИГРЫ ПРОСТ И ЯСЕН

Мы — нападающая команда. С центра поля вводим мяч в игру. Пере-

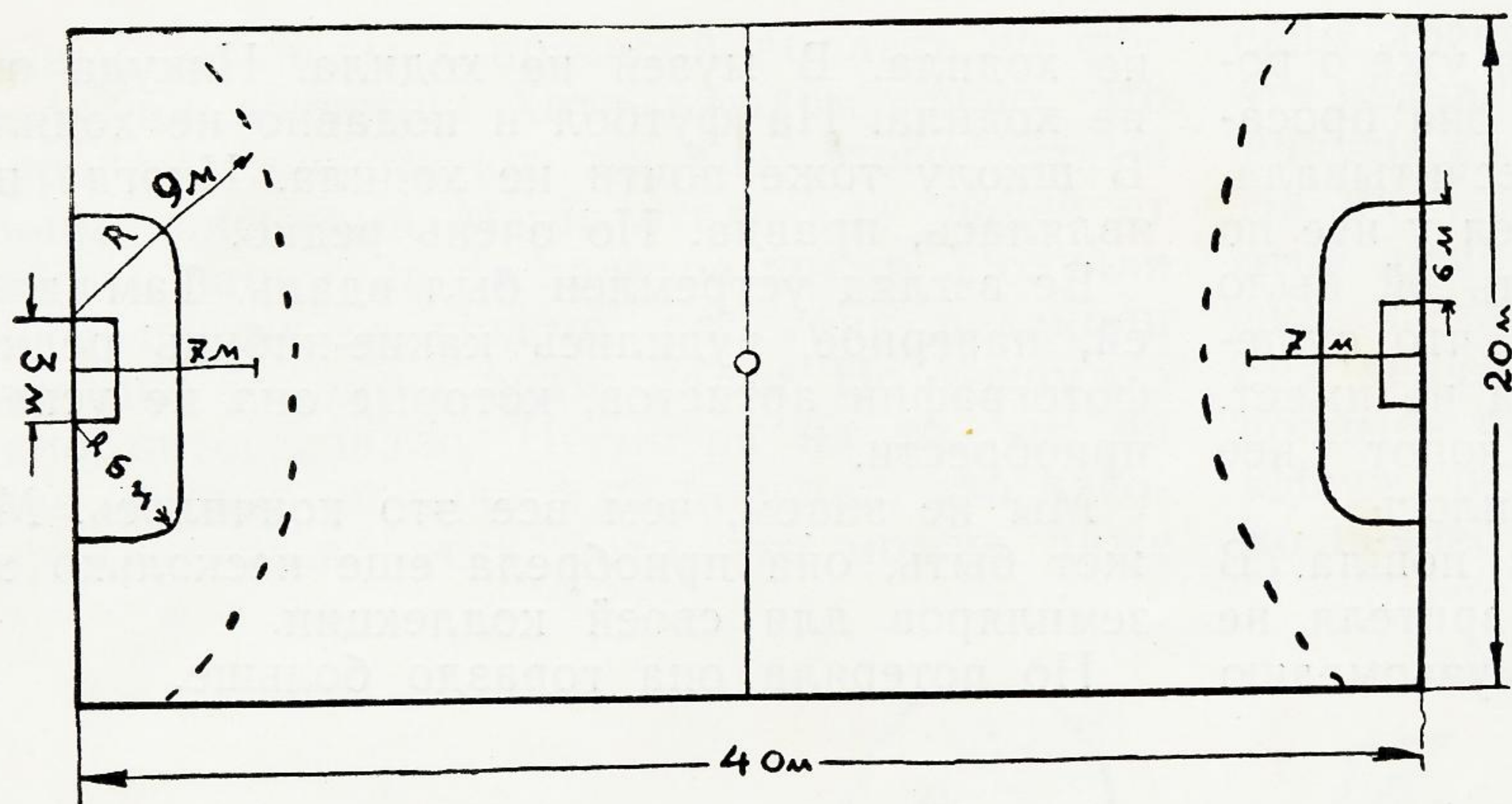
давая мяч руками, продвигаемся к воротам противника и пытаемся забросить мяч в ворота.

Противник охраняет ворота, пытается перехватить мяч и ответить нам атакой.

ЧТО НАМ МОЖНО

Ловить и бросать мяч руками.

Если нужно, смело толкать или ударять по мячу предплечьем, туловищем и бедром.

Вести мяч нужно, как в баскетболе, ударяя его об землю одной или двумя руками попеременно.

Если защитники не дают вести мяч, можно сделать три шага с мячом в руках, а в баскетболе разрешается с мячом в руках только один шаг. Вратарь может выйти в поле (если он не боится за ворота).

ЧЕГО НАМ НЕЛЬЗЯ

Играть за пределами поля.

Дважды касаться мяча в воздухе. Вести или бить мяч ногами ниже колен.

Толкать противника.

Наваливаться на мяч всем телом.

Владеть мячом больше трех секунд.

В пределах вратарской площадки хозяин — вратарь. Игрок, переступивший линию вратарской, штрафуются.

Все нарушения судятся «свободным броском». Он проводится с точки нарушения, но не ближе «линии сво-

бодных бросков противника». Гол, заброшенный со «свободного броска» или с «углового», засчитывается.

За грубость судья может удалить игрока с поля на 2 или 5 минут. И даже до конца игры.

Преднамеренные ошибки или грубость в непосредственной близости от своих ворот караются семиметровым штрафным ударом.

А это почти всегда гол.

НАСТОЯЩИЙ ГАНДБОЛЬНЫЙ МЯЧ

Настоящий гандбольный мяч — 58 сантиметров по окружности, вес 425 граммов.

Если нет настоящего гандбольного мяча, играйте другим.

«КОМАРИНАЯ ЦЕПОЧКА» И «ЗОННАЯ ЗАЩИТА»

Приемы игры многочисленны. Вы их найдете в специальных книгах... Играют команды седьмого «а» и седьмого «б».

Нападают игроки «А». Они входят в зону противника и как бы не спеша перепасовывают мяч друг другу. Это тактика «комариной цепочки».

Команда «Б» выстраивает «зонную защиту». Гандболисты размещаются вдоль вратарской площадки, плотно закрывая вратарскую площадку.

Как только мяч оказывается в руках у кого-либо из нападающих, его тотчас начинают «опекать» два ближайших к нему игрока из команды седьмого «б». Нападающий передает мяч другому. Два других защитника спешат к нему.

Это хорошая добротная защита, но укусы «комариной цепочки» становятся все опаснее и опаснее. Нападающие делают обманные движения. Сбивают противника с толку и, когда внимание защитников ослабевает, делают резкий прорыв. Один из нападающих делает заслон. Другой стремительно проходит в образовавшуюся брешь, резкий бросок в левый угол. Гол!

НО ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ВЫ ХОРОШО НАТРЕНИРОВАНЫ

А тренироваться можно и в зале. Там игровая площадка делается 24×12 . Играют пять на пять без вратарей. Воротами служат гимнастические козлы.

Вообще полем может стать любая площадка...

Играют и зимой на снегу, утрамбовав снег как следует. Но тут уж, конечно, надо надеть лыжные костюмы и ботинки.

МОГУТ ЛИ ИГРАТЬ В РУЧНОЙ МЯЧ ДЕВОЧКИ?

Еще как! Иногда мальчишек обыгрывают!

Александр Анейчик

Рисунок на обложке А. Подлясской
На второй странице обложки плакат М. Беломлинского,
стихи Максима Романова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Л. Г. Белкин, В. М. Бонашевич, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юрган (зам. редактора), Технический редактор А. А. Двораковская
Художник-редактор Ю. П. Мезерницкий
Корректор М. В. Яхонтова

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А 4-57-76

М-20880.

Подписано к печати 16/III 1963 г.

Формат $84 \times 108^{1/16}$. Печ. л. 8+2 вкл.
Заказ № 1129.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.

Тираж 300 000 экз.

Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УЦБ и ПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

НЕОЖИДАННЫЙ

СПАСИТЕЛЬ

Часть четвертая

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕДИ, ТОЛИ, ОЛИ И ЩЕНКА ПИРАТА

Стихи В. Алексеева

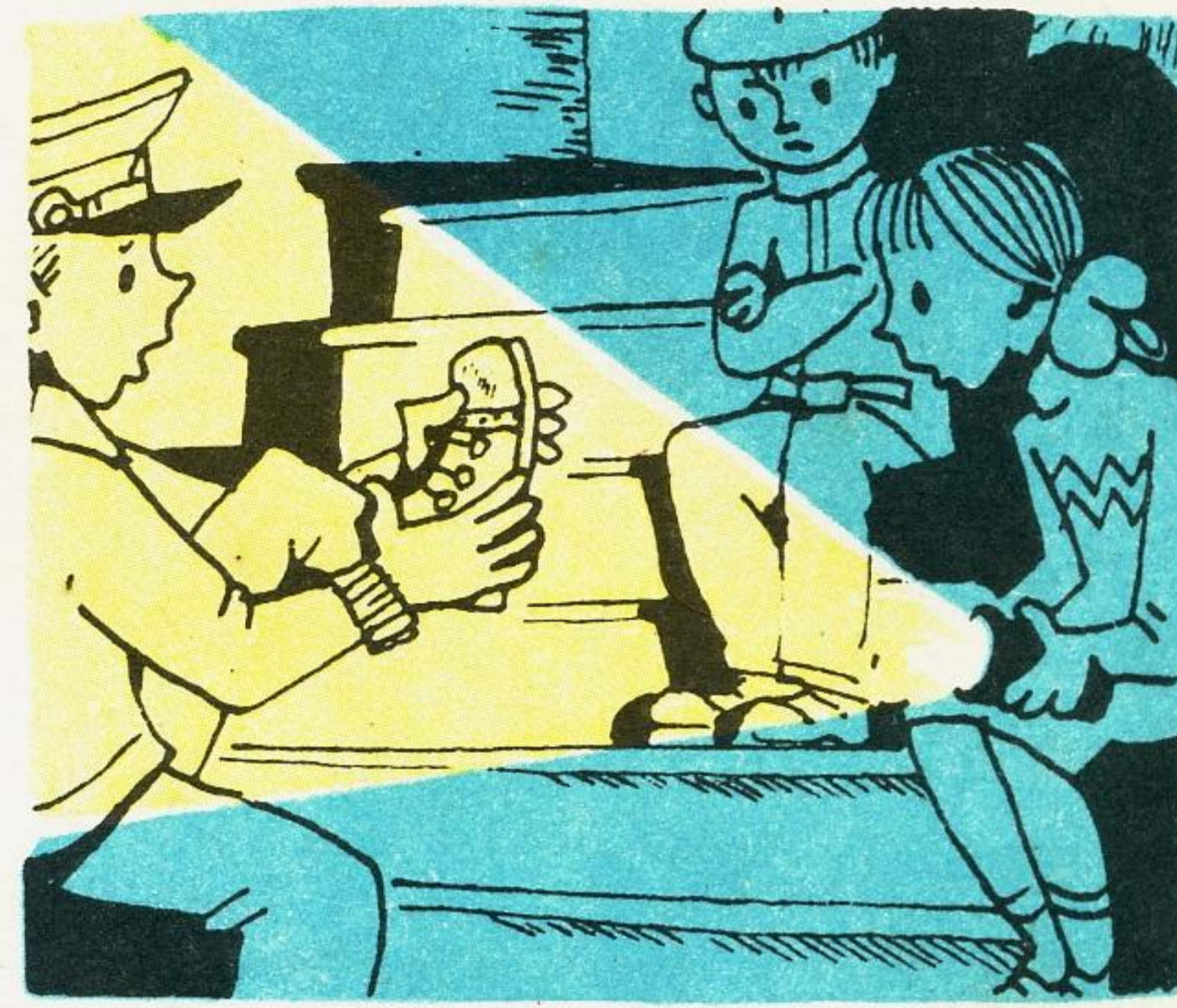
Рисунки М. Беломлинского

1. Ждать томительно и жутко.
Часом кажется минутка.
Трое пленников в беде
размечтались о еде.

2. Толик крикнул:
— Все вниманье!
Я нашел в своем кармане
шарик — поливитамин!
Жаль, что шарик лишь один!

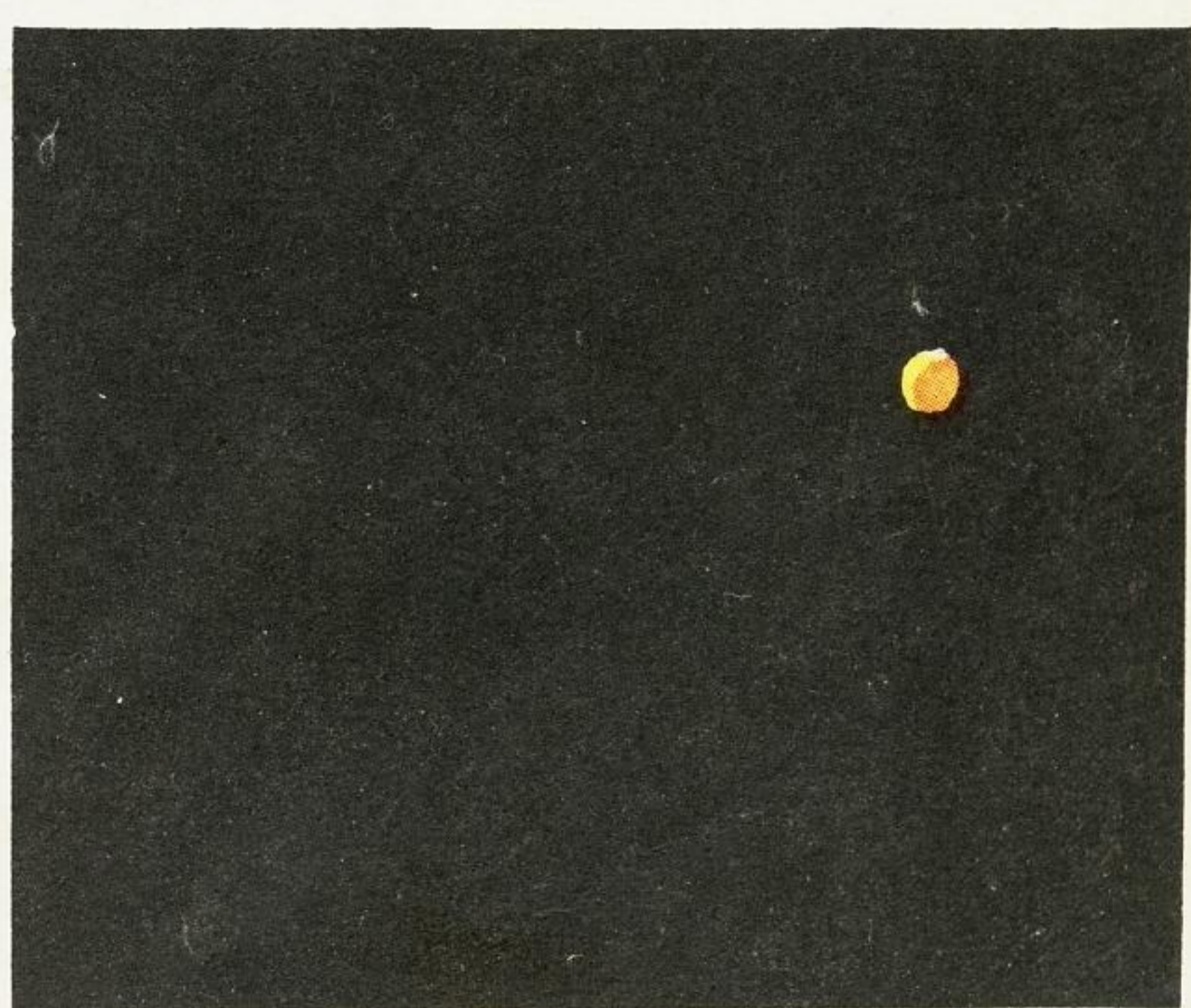
3. Федя вспомнил, что когда-то
он о гибели фрегата
книжку толстую читал
под названьем „Смерть у скал“.

4. Там какой то Робинзон
был на остров занесен,
но отнюдь не похудел,
потому что обувь ел.

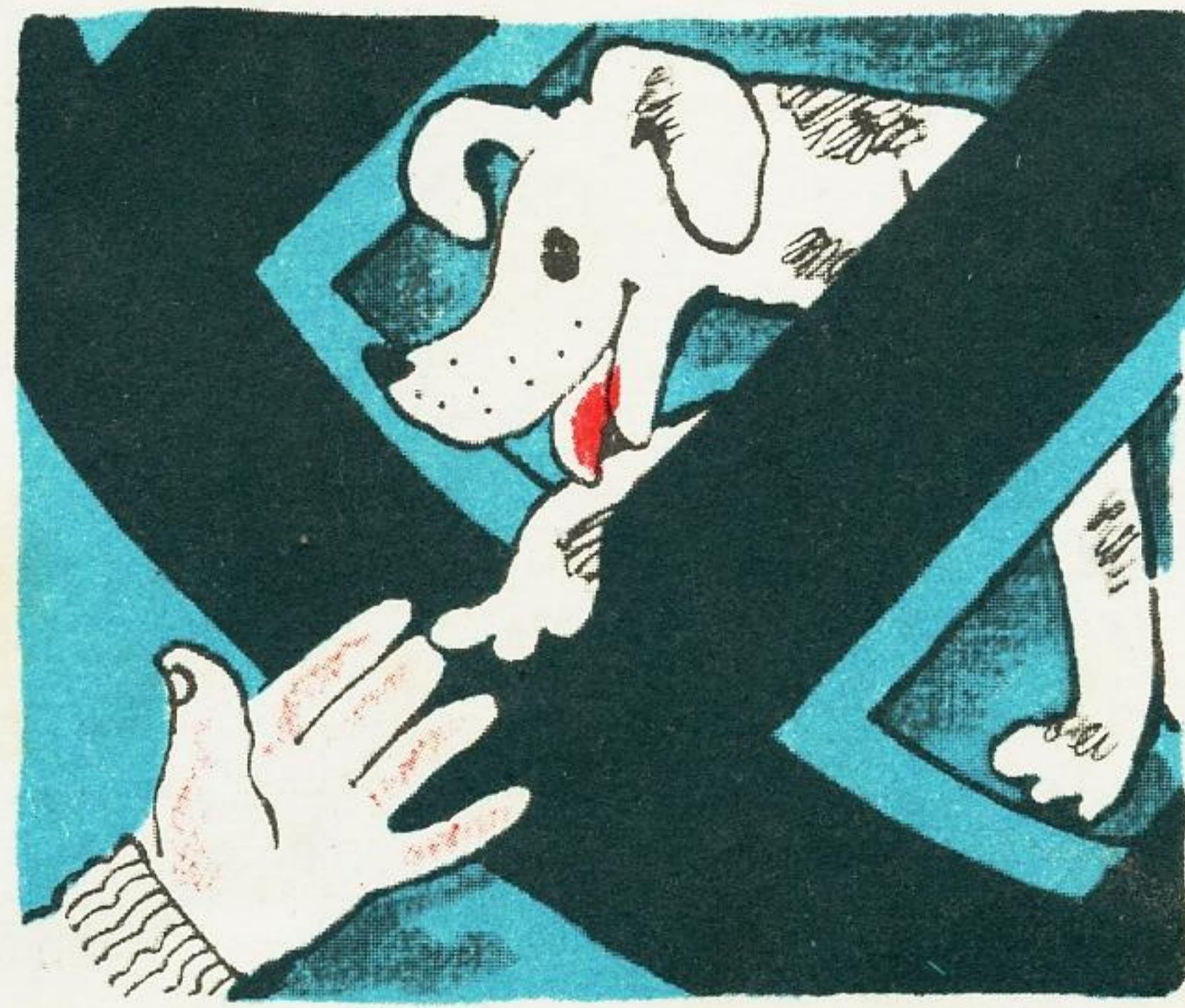
5. — Будем обувь есть, ребята,
как корсар с того фрегата!...
Но „питательный“ сапог
даже сам он съесть не смог.

6. Время шло.
Друзьям на горе
батарея села вскоре
и фонарик вдруг погас...
— Кто же выручит всех нас?

7. — Кто царапает решетку?
— Кто там лает во всю глотку?

8. Это верный пес Пират!
Разыскал Пират ребят!

9. Голоса людей слышны...
Неужели спасены?!

Окончание следует

Шиворот-навыворот

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Рисовать
умеет Вася,
только,
что ни выберет,
отчего-то
все раскрасит
шиворот-навыворот.

— Почему
стал синим
слон

от хвоста
до хобота?

Отвечает Вася:
— Он

посинел
от холода!
— Почему ты девочку
красишь

краской алой?

— Потому что
девочку
называют
Аллой!

— Почему ты мальчика
перемазал сажей?

— Потому что
мальчика
называют
Сашей!

— Почему,
пожалуйста, ответь—
у тебя
малиновый медведь?

Вася
и не покраснел!

— Нравится
малина вам?

И медведь
малину ел,
вот и стал
малиновым!

Может,
надо зрение
нам проверить Васиного?
Солнышко сиреневое
все вокруг
окрасило!

Может, сам Василий
васильково-синий?

Мальчон, как мальчики—
в краске только пальчики!
Погляди, художник,
что какого цвета,
погляди, как дождик
вымыл чисто
лето!

И березы
с кленами
шелестят
зелеными!

И над головою
небо—голубое!

